

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

JOURNAL OF ECONOMIC SOCIOLOGY = EKONOMICHESKAYA SOTSILOGIYA

Читайте в номере:

Ситкевич Д. А. Социальный капитал в модернизирующемся обществе: пример Дагестана

Старк Д., Паис И. Алгоритмическое управление в экономике платформ

Красильникова Н. О. Гибкие паттерны перемещения на работу и обратно у современных жителей Челябинска

Гасюкова Е. Н., Петрова А. А. Субъективные оценки нестабильной занятости: так ли уж плохо быть нестабильным?

**Экономическая
социология**
Т. 22. № 3
Май 2021

Электронный журнал
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Адрес редакции

101000, Россия,
г. Москва,
ул. Мясницкая,
д. 11, комн. 530
тел.: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

**Journal of
Economic Sociology**
Vol. 22. No 3.
May 2021

Electronic journal
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Contacts

11 Myasnitskaya str.,
room 530
101000, Moscow,
Russian Federation
phone: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

Электронный журнал «Экономическая социология» издаётся с 2000 г. Учредителями являются Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (с 2007 г.) и Вадим Валерьевич Радаев (главный редактор).

Цель журнала — утверждать международные стандарты экономико-социологических исследований в России, представлять современные работы российских и зарубежных авторов в области экономической социологии, информировать профессиональное сообщество о новых актуальных публикациях и исследовательских проектах, а также вовлекать в профессиональное сообщество молодых коллег.

Журнал представляет собой специализированное академическое издание. В нём публикуются материалы, отражающие современное состояние экономической социологии и способствующие развитию данной области в её современном понимании. В числе приоритетных тем: теоретические направления экономической социологии, социологические исследования рынков и организаций, социально-экономические стратегии индивидов и домашних хозяйств, неформальная экономика. Также публикуются тексты из смежных дисциплин — неинституциональной экономической теории, антропологии, экономической психологии и других областей, которые могут представлять интерес для экономсоциологов.

Журнал публикует пять номеров в год: в январе, марте, мае, сентябре и ноябре. Доступ ко всем номерам журнала постоянный, свободный и бесплатный по адресу: <http://www.ecsoc.hse.ru>. Каждый номер содержится в едином файле (10–12 п. л. в PDF).

Журнал входит в список ВАК России, индексируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), Emerging Sources Citation Index (ESCI) из Web of Science Core Collection и Scopus (2 квартал).

Требования к авторам изложены по адресу: http://ecsoc.hse.ru/author_requirements.html

В журнале применяется двойное анонимное рецензирование статей. Все материалы проходят через полный цикл редакторской обработки и корректуры.

Плата с авторов журнала не взимается. Ускоренные сроки публикации статей не предусмотрены.

Journal of Economic Sociology was established in 2000 as one of the first academic e-journals in Russia. It is funded by HSE University.

Journal of Economic Sociology promotes international standards of research in economic sociology, presenting new research carried out by Russian and international scholars, introducing new books and research projects, and attracting young scholars into the field.

Journal of Economic Sociology is a specialized academic journal representing the mainstreams of thinking and research in international and Russian economic sociology. Journal of Economic Sociology provides a framework for discussion of the following key issues: major theoretical paradigms in economic sociology, sociology of markets and organizations, social and economic strategies of households, informal economy. Journal of Economic Sociology also welcomes research papers written within neighboring disciplines — new institutional economics, anthropology, economic psychology and related fields, which can be of interest for economic sociologists.

Journal of Economic Sociology has a wide Russian speaking audience, living both in Russia and abroad. Its main target group comprises research scholars, university professors, policy-makers, post-graduates, undergraduates and others who are interested in economic sociology.

Journal of Economic Sociology is indexed by Emerging Sources Citation Index (ESCI) from Web of Science™ Core Collection and Scopus (Q2).

Journal of Economic Sociology is a bimonthly journal released in five issues (January, March, May, September, and November). Journal of Economic Sociology provides permanent free access to all issues in PDF. Journal of Economic Sociology applies blind peer-review procedures (two referees for each research paper). All papers are subject to editing, proofreading, and professional design layout.

Guidelines for authors: http://ecsoc.hse.ru/author_requirements.html

Экономическая
социология
Т. 22. № 3.
Май 2021

Электронный журнал
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Журнал выходит
пять раз в год

Учредители:

- Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
- В. В. Радаев

Издаётся с 2000 года

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Редакция

Главный редактор:

Редактор выпуска:

Вёрстка:

Корректор:

Ответственный
секретарь:

Сотрудники редакции:

Радаев Вадим Валерьевич (НИУ ВШЭ, Россия)

Соколова Татьяна Виленовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Мишина Мария Евгеньевна (Россия)

Андрианова Надежда Викторовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Котельникова Зоя Владиславовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Конрой Наталья Викторовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Международный редакционный совет

Ашвин Сара
(Ashwin, Sarah)

Гербер Тед
(Gerber, Ted)

Гусева Аля (Guseva, Alya)

Зависка Джейн (Zavisca, Jane)

Линднер Петер
(Lindner, Peter)

Сводер Кристофер
(Swader, Christopher)

Якубович Валерий
(Yakubovich, Valery)

Лондонская школа экономики и политических наук
(Великобритания)

Висконсинский университет в Мэдисоне
(США)

Университет Бостона (США)

Университет Аризоны (США)

Университет Франкфурта-на-Майне
им. И. В. Гёте (Германия)

Лундский университет (Швеция)

Бизнес-школа ESSEC (Франция)

Редакционный совет

Богомолова
Татьяна Юрьевна

Веселов
Юрий Васильевич

Волков
Вадим Викторович

Гимпельсон
Владимир Ефимович

Лапин
Николай Иванович

Малева
Татьяна Михайловна

Овчарова
Лилия Николаевна

Радаев
Вадим Валерьевич
(главный редактор)

Хахулина
Людмила Александровна

Чепуренко Александр Юльевич

Институт экономики и организации промышленного
производства СО РАН (Россия)

Санкт-Петербургский государственный
университет (Россия)

Европейский университет
в Санкт-Петербурге (Россия)

НИУ ВШЭ (Россия)

Институт философии РАН (Россия)

Институт социального анализа
и прогнозирования РАНХиГС (Россия)

НИУ ВШЭ (Россия)

НИУ ВШЭ (Россия)

Аналитический центр Юрия Левады
(Россия)

НИУ ВШЭ (Россия)

- HSE University
- Vadim Radaev

Editors

Editor-in-Chief:	Vadim Radaev (HSE, Russia)
Editor:	Tatyana Sokolova (HSE, Russia)
Design and Layout:	Maria Mishina (Russia)
Proofreader:	Nadezda Andrianova (HSE, Russia)
Managing Editor:	Zoya Kotelnikova (HSE, Russia)
Editorial Staff:	Natalia Conroy (HSE, Russia)

International Editorial Council

Sarah Ashwin	The London School of Economics and Political Science (UK)
Ted Gerber	University of Wisconsin-Madison (USA)
Alya Guseva	Boston University (USA)
Peter Lindner	Goethe University Frankfurt (Germany)
Christopher Swader	Lund University (Sweden)
Valery Yakubovich	ESSEC Business School (France)
Jane Zavisca	The University of Arizona (USA)

Editorial Council

Tatyana Bogomolova	Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia)
Alexander Chepurenko	HSE University (Russia)
Vladimir Gimpelson	HSE University (Russia)
Lyudmila Khakhulina	Yuri Levada Analytical Center (Russia)
Nikolay Lapin	Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences (Russia)
Tatyana Maleva	Institute of Social Analysis and Forecasting, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia)
Lilia Ovcharova	HSE University (Russia)
Vadim Radaev (Editor-in-Chief)	HSE University (Russia)
Yuriy Veselov	Saint Petersburg State University (Russia)
Vadim Volkov	European University at Saint Petersburg (Russia)

Содержание

Тексты на русском языке

Вступительное слово главного редактора (*В. В. Радаев*) 7

Новые тексты

Д. А. Ситкевич

Социальный капитал в модернизирующемся обществе: пример Дагестана 11

Е. Н. Гасюкова, А. А. Петрова

Субъективные оценки нестабильной занятости: так ли уж плохо быть нестабильным? 39

Новые переводы

Д. Старк, И. Паус

Алгоритмическое управление в экономике платформ 71

Расширение границ

Н. О. Красильникова

Гибкие паттерны перемещения на работу и обратно у современных жителей Челябинска 104

Профессиональные обзоры

В. А. Кондратенко, Я. М. Рощина

Можем ли мы объяснить различия в моделях потребления алкоголя:
обзор теоретических подходов 129

Новые книги

Д. М. Асатурян

Конец бюрократии? Новые организационные формы,
социальные сети и миллениалы

Рецензия на книгу: Turco C. J. 2016. *The Conversational Firm:*

Rethinking Bureaucracy in the Age of Social Media. New York:

Columbia University Press. 253 p..... 158

Contents

Texts in Russian

Editor's Foreword (*Vadim Radaev*)..... 7

New Texts

Daniil Sitkevich

Effects of Modernization on Social Capital: Evidence from Dagestan 11

Elena Gasiukova, Anastasia Petrova

The Subjective Perception of Employment Instability: Is It Bad to Be Unstable?..... 39

New Translations

David Stark, Ivana Pais

Algorithmic Management in the Platform Economy..... 71

Beyond Borders

Nadezda Krasilnikova

Flexible Commuting Patterns by Current Residents of Chelyabinsk 104

Professional Reviews

Valeriia Kondratenko, Yana Roshchina

Can We Explain Differences in Patterns of Alcohol Consumption?

Review of Theoretical Approaches..... 129

New Books

Daria Asaturian

The End of Bureaucracy? New Organizational Forms,
Social Media, and Millennials

Book Review: Turco C. J. (2016) *The Conversational Firm:*

Rethinking Bureaucracy in the Age of Social Media. New York:

Columbia University Press. 253 p..... 158

VR ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели!

Мир по-прежнему колеблется между надеждой на выход из пандемического ступора и ожиданием третьей волны. Какое будущее нас ожидает, мы скоро увидим. А пока представим новый номер нашего журнала.

В рубрике «**Новые тексты**» публикуется статья *Д. А. Ситкевича* (научный сотрудник Института экономической политики им. Е. Т. Гайдара) «Социальный капитал в модернизирующемся обществе: пример Дагестана». Статья посвящена различиям в уровне доверия между традиционалистскими и модернистскими социальными группами в Республике Дагестан. Проведённое исследование, основанное на социологическом опросе жителей Дагестана, показывает, что в традиционном обществе преобладает закрытый социальный капитал, экономическая отдача которого меньше. Доказывается, что принадлежность к более модернистским группам в традиционном сообществе связана с меньшим объёмом закрытого социального капитала, выраженного в снижении доверия к родственникам, друзьям, коллегам, землякам и представителям своей национальности.

Доказывается, что принадлежность к более модернистским группам в традиционном сообществе связана с меньшим объёмом закрытого социального капитала, выраженного в снижении доверия к родственникам, друзьям, коллегам, землякам и представителям своей национальности.

Е. Н. Гасюкова и *А. А. Петрова* (обе — сотрудницы Лаборатории сравнительного анализа развития постсоциалистических обществ НИУ ВШЭ) представляют статью «Субъективные оценки нестабильной занятости: так ли уж плохо быть нестабильным?». Авторы изучают, как сами работники реагируют на условия нестабильной занятости. Используются панельные данные РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2014–2018 гг. В результате показано, что трудовая нестабильность не связана с оценками субъективного благополучия респондентов, а также с оценкой своих возможностей трудоустройства.

В рубрике «**Переводы**» мы знакомим читателей с переводом новой статьи *Дэвида Старка* (профессор Университета Уорика, Великобритания, и Колумбийский университет, США) и *Иваны Паус* (доцент кафедры экономической социологии Католического университета Святого Сердца, Милан, Италия) «Алгоритмическое управление в экономике платформ». В статье анализируется платформенная модель, которая является новой организационной формой первых десятилетий XXI века, принципиально отличающейся от рынка, иерархической организации и сетевого устройства. В трёхсторонней конфигурации владельцы платформ используют поведение поставщиков и пользователей, вовлекая их в практику алгоритмического управления без делегирования им управленческих полномочий. Это алгоритмическое управление меняет управленческий класс. Его асимметрия власти на организационном уровне связана с коалициями на регулирующем уровне, в которых владелец платформы и инвесторы находятся в союзе с потребителями платформы. Перевод с английского *Натальи Конрой*.

В рубрике «**Расширение границ**» *Н. О. Красильникова* (научный сотрудник факультета городского и регионального планирования Технического университета города Дортмунда) представляет исследование «Гибкие паттерны перемещения на работу и обратно у современных жителей Челябинска». На примере города Челябинска данное исследование предлагает типологию перемещений людей, различающихся между собой по занятости. Для этого используется теория Т. Хагерстранда. Путём анализа количественных данных, собранных в феврале 2020 г. в результате стандартизированного уличного опроса, были выявлены три типа паттернов перемещения на работу и обратно у жителей города Челябинска: «гибкие», «гибкие по времени» и «негибкие». Каждый из типов паттернов перемещения описан количественными характеристиками, такими как сфера занятости, форма трудоустройства и место жительства.

Рубрика «**Профессиональные обзоры**» представлена работой *В. А. Кондратенко* и к. э. н. *Я. М. Роциной* (обе — сотрудницы Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ) «Можем ли мы объяснить различия в моделях потребления алкоголя: обзор теоретических подходов». В работе классифицируются публикации, посвящённые различиям в моделях потребления алкоголя в зависимости от объёма и частоты потребления, от выбираемых напитков, обстоятельств, мотивов использования алкоголя. Различия в выборе паттерна потребления алкоголя объясняются на основе культурного, исторического и структурного подходов.

В рубрике «**Новые книги**» *Дарья Асатурян* (аспирантка НИУ ВШЭ) представляет книгу Кэтрин Турко «Разговорная фирма: переосмысливая бюрократию в эпоху социальных медиа» (Turco C. J. 2016. *The Conversational Firm: Rethinking Bureaucracy in the Age of Social Media*. New York: Columbia University Press). Автор книги показывает, как в реальности устроены корпоративная коммуникация, культура и контроль в компании, управляемой миллениалами, взрослеющими вместе с социальными сетями. По результатам этнографического исследования детально описывается, как выстраивается новая организационная форма — «разговорная фирма», где кросс-иерархичная коммуникация является центральным механизмом для решения бизнес-задач.

VR INTRODUCTORY REMARKS

Dear colleagues,

At present, we are still hoping to escape from the shock of the pandemic in the near future while also expecting the possibility of a third wave. Meanwhile, let us turn to a new issue of our journal.

Daniil Sitkevich (research fellow of the Gaidar Institute for Economic Policy) presents a paper entitled “Effects of Modernization on Social Capital: Evidence from Dagestan.” The paper scrutinizes the differences between the traditional and modernistic social groups of Dagestan, Russia. The research, based on a sociological survey of residents of the Republic of Dagestan, shows that in traditional society, the radius of trust (which is one of the most important components of social capital) extends only to the immediate environment. This is why social capital in such communities produces lower returns. The author argues that the modernization process leads to the destruction of closed social capital, expressed in the decline of trust in relatives, friends, colleagues, neighbors, and representatives of the same nationality.

E. N. Gasiukova and *A. A. Petrova* (both from the Laboratory for Comparative Analysis of Development in Post-Socialist Countries, HSE University) provide the results of their study, “The Subjective Perception of Employment Instability: Is It Bad to be Unstable?” The authors examine how employees react to unstable employment conditions. The Russia Longitudinal Monitoring Survey—Higher School of Economics (RLMS-HSE) panel data from 2014 to 2018 were used for the analysis. The results show that employment instability is not related to respondents’ subjective well-being, nor to job insecurity.

Then, we publish a translation of a new paper by Professor *David Stark* (University of Warwick, United Kingdom and Columbia University, USA) and *Ivana Pais* (Associate Professor in Economic Sociology at Università Cattolica del Sacro Cuore, Milan, Italy) entitled “Algorithmic Management in the Platform Economy.” The authors examine the platform model as a distinguishing organizational form of the early decades of the twenty-first century. They show that the platform model differs from the market contract, hierarchies command, and networks collaborations. Platform owners co-opt the behavior of providers and users, enrolling them in the practices of algorithmic management without managerial authority having been delegated to them. Algorithmic management is reshaping the managerial class. Its power asymmetries at the organizational level are related to coalitions at the regulatory level in which platform owners and investors are in alliance with platform consumers.

Nadezhda Krasilnikova (researcher at the Faculty of Urban and Regional Planning, Technical University of Dortmund, Germany) has come out with a study entitled “Flexible Commuting Patterns by Current Residents of Chelyabinsk.” Using a case study of the city of Chelyabinsk, this study proposes a typology of residential mobility patterns that varies in relation to employment. For this purpose, Hägerstrand’s theory of the temporal and spatial constraints of mobility is used. By analyzing quantitative data collected in February 2020 through a standardized street survey, three types of commuting patterns were identified: “flexible,” “temporally flexible,” and “regular.” Each type of pattern is described by quantitative characteristics, such as employment sector, form of employment, and place of residence.

Valeriia Kondratenko and Dr. *Yana Roshchina* (both from the Laboratory for Studies in Economic Sociology, HSE University) provide a review, “Can We Explain Differences in Patterns of Alcohol Consumption? Review of Theoretical Approaches.” The authors give a classification of publications based on differences in drinking patterns. They highlight the criteria depending on the volume and frequency of consumption and on

the chosen beverages, circumstances, and motives for alcohol use. Differences in consumption patterns are explained with tools of cultural-anthropological, historical, and structural approaches.

Daria Asaturian reviews a book by *Catherine J. Turco*, *The Conversational Firm: Rethinking Bureaucracy in the Age of Social Media*. New York: Columbia University Press, 2016. The book shows how corporate communication, culture, and control actually work in a company run by millennials reared on social media. During her ethnographic research, Turco describes how a new organizational form she calls a “conversational firm” has arisen and succeeded in solving business problems due to cross-hierarchical communication.

НОВЫЕ ТЕКСТЫ

Д. А. Ситкевич

Социальный капитал в модернизирующемся обществе: пример Дагестана¹

СИТКЕВИЧ Даниил Андреевич — научный сотрудник Института экономической политики им. Е. Т. Гайдара.
Адрес: 125993, Россия, Москва, Газетный пер., д. 3–5, стр. 1; аспирант экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.
Адрес: 119991, Россия, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 46, 3-й учебный корпус.

Email: Sitkevich@iep.ru

Данная статья посвящена различиям в уровне доверия между традиционалистскими и модернистскими социальными группами в Республике Дагестан (регион на юге России, который только сейчас переживает процесс модернизации). Будучи важным фактором экономического роста в развитых странах, социальный капитал и доверие (его важнейшая компонента) зачастую оказывают негативное влияние на уровень благосостояния в традиционных сообществах. Проведённое исследование, основанное на социологическом опросе жителей Дагестана, показывает, что данная закономерность связана с тем, что в традиционном обществе преобладает закрытый социальный капитал, который даёт меньшую экономическую отдачу. Используя переменные, связанные с процессом разрушения традиционных норм (проживание и рождение в городе, модернистские религиозные воззрения, желание воспитывать в детях ценности самовыражения и не воспитывать ценности послушания), в статье доказывается, что принадлежность к более модернистским группам в традиционном сообществе связана с меньшим объёмом закрытого социального капитала, выраженного в снижении доверия к родственникам, друзьям, коллегам, землякам и представителям своей национальности. При этом процесс модернизации иначе влияет на открытый социальный капитал: наличие более модернистских ценностей положительно связано с уровнем обобщённого доверия, тогда как принадлежность к модернистским социальным группам — наоборот, негативно. Полученные результаты позволяют сделать вывод, что фиксируемый в других работах высокий уровень социального капитала на Северном Кавказе (и, в частности, в Дагестане) на самом деле связан с высоким уровнем доверия к своему окружению и не так продуктивен, как в других регионах.

Ключевые слова: социальный капитал; модернизация; традиционное общество; доверие; трансформация норм; Дагестан.

Введение

В последние 30 лет вопрос влияния социального капитала на экономическую деятельность индивидов активно обсуждается как экономистами, так и социологами. Определяемый Р. Патнемом как набор из социальных связей, социальных норм и доверия между индивидами, социальный капитал, согласно исследованиям, коррелирует со многими показателями

¹ Статья написана в ходе научно-исследовательской работы Института экономической политики им. Е. Т. Гайдара (2020 г.) на тему «Влияние социального капитала на экономическое развитие в постколлективистских обществах (на примере Северного Кавказа)»

[Putnam 1993]. Так, к примеру, он положительно связан с темпами экономического роста [Knack, Keefer 1997], качеством государственного управления [Knack 2002], способностью совершать коллективные действия [Balliet, Van Lange 2013], человеческим капиталом [Behtoui, Neergaard 2016]. Хотя некоторые исследователи отмечают и «тёмные стороны» социального капитала [Portes 1998], в целом он считается благоприятным для экономического и социального развития.

Однако иная картина наблюдается в работах, посвящённых сообществам с преобладанием традиционных регуляторов. Некоторые исследования демонстрируют, что уровень доверия (показатель, наиболее часто используемый для измерения социального капитала) в традиционных сёлах отрицательно связан с благосостоянием жителей [Carter, Castillo 2002; Di Falco, Vulte 2011]. Этот феномен авторы связывают с тем, что в изучаемых ими традиционных сообществах структура социального капитала отличается от наблюдаемой в развитых странах, социальное доверие замкнуто внутри местных общин, а в радиус доверия входят лишь члены общины — родственники, земляки, друзья. Такого рода социальный капитал называют закрытым или бондинговым, и, в отличие от открытого (бриджингового) социального капитала, он менее производителен, так как не способствует выстраиванию слабых социальных связей [Lancee 2010]. Однако данные оценки по большей части основаны, во-первых, на качественных исследованиях и экспериментах в традиционных сообществах и, во-вторых, на дихотомии между традиционными сельскими сообществами и модернистскими городами, а не на изучении процесса модернизации традиционных сообществ.

Данная статья пытается восполнить этот пробел, количественно оценив влияние процесса модернизации на социальный капитал в традиционном обществе. Исследование основано на социологическом опросе, который был проведён в 2016 г. в Республике Дагестан. Выбор данного региона неслучаен. С одной стороны, это по-прежнему в основном аграрный регион, в котором широко распространены традиционные нормы и регуляторы хозяйственных отношений. Так, согласно К. И. Казенину, многие конфликты, связанные с правами собственности на землю, по-прежнему разрешаются с помощью адатов (местных правовых обычаев) и религиозных норм [Казенин 2015]. С другой стороны, как отмечает И. В. Стародубровская, в последние пару десятилетий в регионе (особенно в городах) происходит активный процесс модернизации, связанный с переездом сельских жителей в города и распространением рыночных отношений [Стародубровская 2015]. Трансформация структуры дагестанского общества, в котором процесс модернизации ускорился относительно недавно, происходит неравномерно и затрагивает не всё население. Это позволяет сопоставить разные сообщества на предмет того, как распространение модернистских ценностей и принадлежность к более модернистским группам связаны с накоплением социального капитала.

Результаты эмпирического исследования показали, что и наличие более традиционалистских ценностей, и принадлежность к более традиционалистским социальным группам положительно влияют на уровень закрытого социального капитала, измеряемого с помощью вопросов о доверии родственникам, друзьям, землякам. В то же время ценности, характерные для традиционного общества, отрицательно влияют на уровень открытого социального капитала (изменяемого через показатель обобщённого доверия), тогда как принадлежность к модернистским социальным группам, наоборот, негативно связана с обобщённым доверием.

Статья построена следующим образом: в первой части представлен обзор литературы, посвящённый модернизации и социальному капиталу в традиционных сообществах, и дано объяснение выбора Дагестана как места проведения опроса; во второй части описаны данные и методология, использованные в работе; в третьей части приведены результаты эмпирического исследования, а также сделаны основные выводы; завершает статью заключение.

Обзор литературы

Данное исследование основано на двух важных для экономической социологии концепциях — социального капитала и модернизации. Под модернизацией, согласно современным представителям теории модернизации (к примеру, Рональду Инглхарту), подразумевается трансформация национальных культур от традиционных социокультурных ценностей в сторону иных норм, основанных на секуляризме, рационализме и стремлении к самореализации. В отличие от ранних представителей теории модернизации (см., например: [Parsons, Shils 1951; Rostow 1960] и др.), современные её представители не считают, что экономическое развитие зависит от того, насколько общественное устройство в стране похоже на западное, допуская «множественную модернизацию»: каждое общество сохраняет свои особенности, при этом изменяясь в одном и том же направлении. Согласно Р. Инглхарту и К. Вельцелю, изменение ценностей во всех обществах происходит по двум осям — от традиционных ценностей к секулярным и рациональным, а также от ценностей выживания к ценностям самореализации [Inglehart, Welzel 2010]. При этом изменения по второй оси происходят позже, так как самореализация — ценность, относящаяся к постиндустриальной, а не к индустриальной эпохе, во время которой начинается модернизация.

Что касается социального капитала, то единого определения данного термина в научной литературе нет, однако в большинстве работ под ним подразумевается влияющий на экономическую деятельность индивидов набор из социальных норм, социальных связей и доверия между людьми. Из-за того что социальный капитал — достаточно обширное и многогранное понятие, за 30 лет его существования так и не выработался единый общепризнанный метод его измерения. Наиболее распространённой метрикой социального капитала, согласно метаисследованию Г. Уэстлунда и Ф. Адама, стало измерение уровня обобщённого доверия, измеряемого с помощью вопроса «Считаете ли Вы, что большинству людей можно доверять?» [Westlund, Adam 2010: 894]. Хотя этот показатель имеет свои недостатки (о которых будет сказано ниже), данная метрика является оптимальной как из-за простоты измерения, так и из-за того, что доверие косвенно связано с остальными компонентами социального капитала [Knack, Keefer 1997]. Более того, иные распространённые метрики социального капитала (следование социальным нормам, участие в добровольных ассоциациях), как показывает работа Н. Упхоффа, не всегда подходят для измерения социального капитала [Uphoff 2000]; в традиционных сообществах редко образуются формальные ассоциации и могут быть неформальные нормы, даже противоречащие тем, про которые спрашивают социологи.

Стоит отметить, что Упхофф также критикует и приведённый выше вопрос об обобщённом доверии; по его данным, этот показатель никак не связан с реальной кооперацией между жителями традиционных сообществ из-за того, что респонденты не понимают сути вопроса. Однако последующие работы показали, что дело не в понимании вопроса, а в его интерпретации. Согласно Я. Делею, К. Ньютоу и К. Вельцелю, восприятие вопроса о доверии большинству людей зависит от «круга доверия» — там, где он узок, а доверие направлено лишь на близких респонденту людей, в качестве «большинства людей» будет восприниматься меньшая группа, чем там, где круг доверия широк [Delhey, Newton, Welzel 2011]. Собранные авторами данные подтверждают их выводы: если в странах с преобладанием традиционных регуляторов (Таиланд, Марокко, Буркина-Фасо) радиус доверия узок, из-за чего показатель обобщённого доверия завышен, то в странах с постмодернизированным обществом (Италия, Швеция, Швейцария), наоборот, данный показатель не полностью учитывает объём социального капитала в стране. Это означает, что показатель обобщённого доверия можно использовать при анализе социального капитала, если учитывать, насколько широк или узок в обществе радиус доверия.

В данном исследовании также будет использоваться распространённое деление на открытый и закрытый социальный капитал, предложенное Патнемом [Putnam 2000]. Под закрытым социальным капи-

талом понимаются все социальные связи между гомогенными группами (семьи, рабочие коллективы, соседи); под открытым — объединяющие представителей разных социальных групп. Для измерения данных показателей используется методика С. Бёгелсдейка и С. Смалдерса: открытый социальный капитал оценивается с помощью значения обобщённого доверия, а закрытый — с помощью вопросов об уровне доверия к своим родственникам, друзьям и соседям [Beugelsdijk, Smulders 2003].

Говоря о социальном капитале в традиционных и модернизированных сообществах, стоит сразу отметить, что сам этот концепт изначально создавался для городских обществ, переживших модернизацию. Как отмечают Р. Форрест и А. Кёрнс, роль социального капитала возросла в результате формирования современного городского общества, когда социальное взаимодействие между людьми стало основываться не на близких родственных и родовых отношениях, общих религиозных и нравственных нормах, а на принципах индивидуализма, анонимности и конкуренции [Forrest, Kearns 2001]. Именно в модернизируемых сообществах социальный капитал, способствующий взаимодействию людей со слабыми социальными связями, имеет такое значение. С этим согласен и Ф. Фукуяма [Fukuyama 2001]. Большой объём социального капитала, по его мнению, является феноменом лишь развитых сообществ, тогда как в обществах, в которых важную роль играют традиционные регуляторы, солидарность и кооперация наблюдаются лишь в узких группах (обычно это семья, род и самые близкие друзья). При этом автор не считает возможным накопление открытого социального капитала в традиционных сообществах; формирование новых качественных социальных связей возможно только после распада традиционного общества, когда человек становится частью разных не связанных друг с другом организаций, а не членом одного рода или племени.

Впрочем, большинство современных исследователей, которые занимаются изучением развивающихся стран, имеют другое мнение по этому поводу. Они считают, что говорить о социальном капитале в традиционном обществе возможно, однако, во-первых, эта характеристика в меньшей степени присуща общинам с традиционными регуляторами; во-вторых, формы социального капитала в зависимости от разных этапов модернизации различаются; в-третьих, продуктивность социального капитала в разных видах общества варьируется.

Первыми на эту проблему обратили внимание М. Картер и М. Кастилло, изучая кооперацию в Южно-Африканской Республике [Carter, Castillo 2002]. Проведённые авторами эксперименты показали, что влияние социального капитала (и его компонентов — доверия и силы социальных связей) на благополучие в традиционных сёлах и более модернизированных городах различается. Если в городах социальный капитал и все его компоненты положительно влияют на средний уровень благосостояния, то в сёлах противоположный эффект: чем выше уровень социального капитала, тем ниже средние расходы домохозяйств. Авторы предлагают два объяснения данного феномена. Первое заключается в том, что высокий уровень социального капитала в традиционных сёлах может быть связан с более иерархичной системой управления селом, в которой его руководитель способен более внимательно следить за соблюдением правил. Эти правила, с одной стороны, создают определённую во взаимоотношениях между людьми, благодаря которой возникает доверие и, следовательно, социальный капитал, но, с другой стороны, ограничивают частную инициативу и креативность, из-за чего село не развивается. Второе объяснение заключается в том, что оцениваемое с помощью эксперимента доверие в городах и в сёлах — это разные типы социального капитала. Если в городах это открытый социальный капитал, благодаря которому человек наращивает новые контакты, то в сёлах наблюдается закрытый социальный капитал, который, наоборот, подталкивает искать в качестве контрагентов своих друзей и родственников, за счёт чего экономическая деятельность становится не такой эффективной.

Теория того, что социальный капитал в сёлах в основном закрытый, подтверждается эмпирически. Исходя из работы Дж. Гленвилл и К. Ши, для коллективистских обществ (к коим относится большин-

ство традиционных сообществ) характерно отсутствие связи между доверием к своему окружению и доверием всем людям [Glanville, Shi, 2020]. Это означает, что закрытый социальный капитал не трансформируется в открытый, из-за чего в такого рода обществах его наблюдается меньше. Связано это, по мнению авторов, с тем, что в коллективистских обществах кооперация с членами своего сообщества значительно выгоднее, чем с чужаками, из-за строгой системы внутреннего социального контроля.

Схожее объяснение предлагают С. Ди Фалько и Э. Булт [Di Falco, Bulte 2011]. По их мнению, в традиционных обществах значительной составляющей социального капитала являются родовые связи. Принадлежность к роду несёт большой набор обязательств — от необходимости пригласить весь род на свадьбу до обязанности помогать родне и пополнять общеродовую финансовую «подушку безопасности». В результате те, кто обладает большим накопленным социальным капиталом, активнее участвуют в жизни рода и отдают ему большую часть своего дохода, что лишает их стимула улучшать своё финансовое положение. Этот механизм влияния также позволяет объяснить немногие примеры положительного влияния закрытого социального капитала на благосостояние — например, в итальянских индустриальных районах (сети предпринимателей в традиционных отраслях), описанных Дж. Бекаттини, где благосостояние было достигнуто за счёт доверия между бизнесменами [Becattini 2004]. Всё дело в тех нормах, которые поддерживаются социальным капиталом. В то время как нормы внутри индустриальных районов подталкивают жителей к кооперации в инновационной деятельности, в других традиционных сообществах жители кооперируются ради системы социальной поддержки, которая сдерживает развитие.

Переходя к тому, как модернизация влияет на социальный капитал, стоит отметить, что социокультурные нормы меняются, причём процесс экономической модернизации идёт вместе с модернизацией общества. Как показывает исследование Р. Инглхарта и У. Бейкера, хотя из-за эффекта колеи многие неформальные нормы остаются устойчивыми в обществе, в целом экономическое развитие связано с переходом от норм традиционного общества к более рациональным и прогрессивным нормам общества модерна [Inglehart, Baker 2000]. Учитывая, что тесные связи внутри сообщества являются ценностью доиндустриальной эпохи, а межличностное доверие авторы связывают с самореализацией, можно предположить следующее:

- по мере модернизации сначала распадается социальный капитал, характерный для традиционного общества;
- после распада закрытого социального капитала в индустриальном обществе начинает формироваться открытый социальный капитал, характерный для постиндустриальной эры.

Если вторая часть данного утверждения подтверждается расчётами Инглхарта и Бейкера [Inglehart, Baker 2000], то эмпирических подтверждений первой части не так много. Одним из них является работа С. Радница, Дж. Уитли и К. Цюрхер, посвящённая социальному капиталу в Узбекистане и Киргизии [Radnitz, Wheatley, Zürcher 2009]. Пример данных республик интересен тем, что в них, с одной стороны, во многом сохранились традиционные регуляторы, а с другой стороны, данные страны были затронуты советским модернизационным проектом. Результаты исследования показали, что в обеих республиках преобладает закрытый, а не открытый социальный капитал, при этом в более модернизированных Бишкеке и Ташкенте уровень доверия ниже, чем в более традиционных сёлах. Ещё одним свидетельством связи между модернизацией и социальным капиталом может служить работа Ф. Альберти, посвящённая кооперации предпринимателей в итальянском городе Комо [Alberti 2006]. По наблюдениям исследователя, по мере модернизации изначально достаточно традиционного и замкнутого сообщества в городе снижалось доверие между жителями, из-за чего в 1980-х гг. кооперация между местными предпринимателями в производстве шерсти исчезла. Разрушение социального капитала в

Комо подтверждается и эмпирически: именно в 1980-х гг. в городе снижается процент жителей, участвующих в общественных организациях.

Особо стоит обратить внимание на исследование Ю. Хауберер и А. Татарко, посвящённое сравнению социального капитала в двух постмодернизационных сообществах (чехи и москвичи) и в двух традиционных сообществах (чеченцы и дагестанцы) [Häuberer, Tatarko 2017]. Опросы показали, что среди всех групп респондентов наблюдается одинаковый объём социального капитала, связанного с семейными связями, при этом объём социального капитала, связанного с дружескими отношениями, в Москве и Чехии выше; кроме того, в Москве значительно выше уровень открытого социального капитала. Хотя традиционные общества, как отмечают авторы, обычно связаны с более высоким уровнем социального капитала, в северокавказских республиках этого не наблюдается.

Перед тем как перейти к анализу данных, стоит уделить внимание существующим исследованиям процесса модернизации и накопления социального капитала на Северном Кавказе. На данный момент в научном сообществе существует дискуссия о том, что представляет собой сейчас дагестанское общество. Хауберер и Татарко рассматривают Дагестан (и остальные республики Северного Кавказа) как территории, где распространены традиционные регуляторы и которым ещё предстоит пройти путь модернизации [Häuberer, Tatarko 2017]. В то же время другие исследователи утверждают, что с конца 1980-х гг. в Дагестане происходит распад существовавших традиционных норм (в том числе и регулирующих коммуникации внутри сообществ) и растёт запрос на иные регуляторы [Стародубровская 2015]. Связано это с ростом глобализации и рыночных отношений после распада СССР, а также с активизацией миграции из сёл в города. Этот последний фактор коренным образом повлиял на дагестанское общество: миграция коренных жителей дагестанских городов в другие страны и регионы в 1990-х гг., массовый переезд сельских жителей привели к тому, что «были разрушены сформировавшиеся к тому времени зачатки городской культуры. Дагестан стал превращаться в “общество зыбучих песков”, где село засасывает город» [Стародубровская 2015: 78]. Тем не менее в скором времени городская культура стала возрождаться, и уже сейчас можно говорить о том, что, кроме рыночных реформ, Северный Кавказ столкнулся «с ещё одной не менее радикальной трансформацией — от традиционного к современному обществу» [Стародубровская 2014: 97].

Процесс модернизации дагестанского общества проявляется не только в урбанизации, но и в изменении религиозных воззрений местных жителей. Даже в советские годы Дагестан оставался, согласно А. А. Ярлыкапову, наиболее религиозным регионом Северного Кавказа [Ярлыкапов 2014]: хотя секулярные нормы в республиках постепенно распространялись (особенно в городах)², большая часть дагестанцев оставались верующими. При этом ислам в регионе оставался неоднородным; одновременно в республике существовали разные направления суфизма (мистическое направление в исламе), а также верующие, которые разделяли традиционные для Дагестана суфийские воззрения, но не ассоциировали себя с определенным тарикатом³. Однако процессы глобализации затронули, как показывает Ярлыкапов, и религию, в Дагестане появились новые и нетрадиционные для региона версии ислама, в основном более фундаменталистские и отсылающие к «истинному» исламу. Как отмечает Стародубровская, именно среди фундаменталистов наиболее велик запрос на отход от традиционных для региона регуляторов в пользу иных, более рациональных (по мнению самих фундаменталистов) норм, из-за чего автор исследования называет их возможными агентами модернизации [Стародубровская 2015]. Такими же «агентами модернизации» можно считать и проживающих в регионе этнических

² Далее для носителей секулярных взглядов будет использоваться понятие «этнические мусульмане». Связано это с тем, что носители секулярных взглядов обычно продолжают называть себя мусульманами на основании того, что в этносе, к которому они принадлежат, распространён ислам, при этом сами они не выполняют базовые требования, которые накладывает на них религия (например, не участвуют в молитвах).

³ Тарикат — объединение мусульман вокруг духовного лидера, свойственное приверженцам суфизма.

мусульман⁴, так как секуляризм традиционно связывается с процессом модернизации [Inglehart 1997]. При этом и нетрадиционные, и этнические мусульмане в модернизирующемся обществе чувствуют себя не совсем комфортно, нетрадиционные мусульмане сталкиваются с преследованием со стороны государства и традиционных мусульман [Стародубровская, Казенин 2014]; положение этнических мусульман в обществе, для которого религиозные ценности и исламская идентичность по-прежнему играют важнейшую роль [Шахбанова, Нурилова 2015], также кажется достаточно неустойчивым.

Говоря об уровне социального капитала в Дагестане, стоит отметить, что количественных исследований на эту тему немного, и они либо опираются на спорные метрики (например, уровень явки на выборах) [Коробейников et al. 2015], либо основаны на небольших датасетах [Гимбатов 2011]. Впрочем, приблизительные оценки уровня доверия в регионе дают качественные исследования. Так, в дагестанских сёлах доверие к незнакомцам либо отсутствует вообще (и тогда доверяют лишь родне и близким друзьям), либо распространяется лишь на жителей сельского сообщества: жители одного из ремесленных сёл из-за недоверия не готовы вместе работать ни с приезжими в их село, ни с теми, кто, наоборот, переехал из него в Махачкалу [Ситкевич 2021]. Похожие вещи наблюдаются и в дагестанских городах. Согласно исследованию И. Г. Старикова, основные коммуникации и обмен ресурсами в Махачкале также происходят в основном в рамках узких групп (кланы, землячества), причём отсутствие в городе подобных родственных связей в итоге негативно влияет на уровень благосостояния индивида [Стариков 2015]. При этом некоторые свидетельства позволяют утверждать, что определённые запасы открытого социального капитала в регионе существуют. Об этом говорит то, что в городе существуют созданные самими гражданами общественные движения, способные объединить «единомышленников с разными идеологическими, религиозными и культурными взглядами <...> людей различных профессий»⁵. Имеющиеся факты позволяют сделать предположение, что для Дагестана характерно преобладание закрытого социального капитала над открытым, особенно в сельской местности.

Обозрев имеющуюся научную литературу по теме работы, стоит указать на лакуны, которое данное исследование стремится устранить. Во-первых, подавляющее большинство исследований, связанных со сравнением социального капитала в традиционных и модернистских сообществах, сопоставляют между собой городские (модернистские) и сельские (традиционные) сообщества. Хотя факт проживания в городе действительно может использоваться как инструмент оценки того, насколько модернистские у человека ценности [Bradshaw 1987], вполне вероятны иные причины, по которым именно в городах преобладает открытый человеческий капитал (например, связанные с тем, что в городах живёт больше незнакомых людей, с которыми сталкивается человек). Необходима дополнительная проверка с помощью иных инструментов измерения ценностей для того, чтобы убедиться, что различия в уровне социального капитала связаны именно с модернизацией.

Во-вторых, практически все существующие исследования рассматривают случаи малых традиционных сообществ, в которых не происходят модернизационные процессы. В то же время не до конца ясно, что происходит с социальным капиталом по ходу процесса модернизации, и то, как различаются социальные связи у тех социальных групп, которых затронула общественная трансформация, и у тех, которые сохранили традиционалистские ценности.

В-третьих, все представленные выше исследования посвящены развивающимся странам Азии и Африки, тогда как количественных работ, которые были бы посвящены социальному капиталу на Северном Кавказе, практически нет, хотя они могли бы пролить свет на динамику развития региона.

⁴ Стоит отметить, что многие носители секулярных взглядов в 1990-х гг. уехали из республики, однако часть из них остались в дагестанских городах и сёлах. Кроме того, можно предположить, что существует определённая доля этнических мусульман, которые сами отошли от веры, хотя их родители были религиозными.

⁵ Цит. по сайту одного из таких движений: «#ГородНаш» (https://dag.aif.ru/society/eto_nash_gorod_kak_v_mahachkale_byutsya_za_zelenye_zony).

Исходя из изложенного выше можно выдвинуть три гипотезы, которые далее будут проверены с помощью проведённого в Дагестане социологического опроса:

Гипотеза 1 (H 1). Наличие у респондентов модернизационных ценностей и их принадлежность к модернистским социальным группам положительно влияют на уровень открытого социального капитала.

Гипотеза 2 (H 2). Наличие у респондентов модернизационных ценностей и их принадлежность к модернистским социальным группам отрицательно влияют на уровень закрытого социального капитала.

Гипотеза 3 (H 3). Для дагестанского общества, в котором лишь недавно активизировались процессы модернизации, характерен узкий радиус доверия, наблюдаемый в традиционалистских сообществах.

Данные и методология

Для проверки гипотез в работе используются данные социологического опроса, проведённого в мае 2016 г. И. В. Стародубровской, Е. А. Варшавером и Е. А. Лазаревым среди дагестанских мусульман [Стародубровская, Варшавер, Лазарев 2016]. Респонденты собирались как через рекламу в социальных сетях ВК, Facebook и Instagram, так и через публикации ссылки на опрос на сайтах крупных дагестанских новостных порталов. Всего было опрошено 3105 человек, из них лишь 1675 анкет были заполнены до конца, которые и были использованы в исследовании⁶. Опрос проводился через Интернет, поэтому выборка не является репрезентативной: во-первых, около 20% жителей Дагестана, у которых, согласно Росстату, нет Интернета, технически не имели возможность принять участие в опросе; во-вторых, из-за недопредставленности определенных социальных групп. Это стоит учитывать при интерпретации результатов опроса. Если 43% респондентов ответили, что большинству людей можно доверять, ещё не означает, что 43% всех дагестанцев доверяют незнакомым людям. Скорее всего, эта оценка сильно завышена, поскольку в выборке преобладают более образованные люди и горожане (у которых можно ожидать иной уровень социального капитала), а также из-за проблемы самоотбора: те, кто не доверяет людям вообще, вряд ли будут проходить опрос, составленный неизвестными людьми.

Это, впрочем, не означает, что данные опроса невозможно использовать в научном анализе. Авторы опроса отмечают, что он «отражает только взгляды определённой части дагестанского общества, но массив заполненных анкет позволяет нам выявить закономерности в ответах на разные вопросы и таким образом понять, как, например, религиозные взгляды различаются между поколениями дагестанцев» [Стародубровская, Варшавер, Лазарев 2016]. Иными словами, за счёт большого количества наблюдений данные, полученные в ходе опроса, позволяют выявить различия в значении интересующих нас показателей между существующими в республике социальными группами, а этого достаточно для проверки гипотез. Более того, учитывая методику распространения анкеты (таргетинг по всему региону в социальных сетях, наиболее популярные интернет-порталы Дагестана), можно предположить, что выборка не включает лишь какую-то обособленную от остального общества социальную группу, но в её состав входят представители разных страт дагестанского общества (пусть и не в тех пропорциях, в которых они существуют в реальности).

Описательная статистика, говорящая о составе респондентов, представлена в таблице 1.

⁶ Так как по ходу заполнения анкеты часть вопросов можно было пропускать, в некоторых регрессиях использовалось незначительно меньшее количество наблюдений в связи с неполнотой данных.

Таблица 1

Описательная статистика количественного исследования

Содержание вопросов	Значения ответов	Доля респондентов (%)
Пол	Мужской	70,3
	Женский	29,7
Возраст (полных лет)	До 35 лет	35,37
	35–55 лет	52,08
	Старше 55 лет	12,55
Место проживания	Махачкала	47,31
	Другой город	20,1
	Село	32,59
Место рождения	Город	26,74
	Село	73,26
Уровень образования	Начальное, незаконченное среднее	1,96
	Среднее	11,43
	Среднее профессиональное	13,9
	Высшее	72,72
Уровень религиозного образования	Нет	91,54
	Да, получено в Махачкале	5,79
	Да, получено в других городах России	1,4
	Да, получено за рубежом	1,27
Уровень образования родителей	У обоих есть высшее образование	24,24
	У одного есть высшее образование	30,58
	Ни у кого нет высшего образования	45,18
Религиозные группы	Этнические мусульмане	28,06
	Суфии	21,91
	Традиционные мусульмане	21,79
	Нетрадиционные мусульмане	27,16

Источник: [Стародубровская, Варшава, Лазарев 2016].

Как можно заметить, наша выборка несколько смещена: в ней меньше женщин, пожилых людей, жителей сёл и тех, у кого лишь среднее образование, чем в среднем по Дагестану. Тем не менее представители данных социальных групп присутствуют в выборке в достаточном количестве, чтобы сопоставить их между собой по уровню социального капитала.

Для проверки первой (H 1) и второй (H 2) гипотез будут построены семь пробит-моделей, в которых измеряется влияние модернизации на различные виды социального капитала. Пробит-модели применяются нами по той причине, что все зависимые переменные в регрессиях бинарные, из-за чего использование логит-моделей или пробит-моделей эффективнее, чем линейных моделей. Зависимая переменная в первой модели рассчитывается на основании ответа на вопрос «В целом считаете ли Вы, что большинству людей можно доверять?», где 1 — ответ «Да», 0 — ответ «Нет». Данная модель, описывающая влияние модернизации на открытый социальный капитал, позволит проверить первую гипотезу (H 1).

Вторая гипотеза (H 2), связанная с закрытым социальным капиталом, проверяется с помощью моделей 2–7. Зависимые переменные в этих моделях выстраиваются несколько иным образом. Сначала респондентам был задан вопрос «Кому из перечисленных групп Вы доверяете в первую очередь?», где вариантами ответов были «доверяю: родственникам, друзьям, землякам, коллегам, представителям своей

национальности, единоверцам». После этого был задан вопрос о том, каким из этих групп, кроме выбранной в предыдущем вопросе, доверяют респонденты. Переменная «доверие родственникам» равна 1, если родственники были выбраны хотя бы в одном из двух описанных выше вопросов; аналогично рассчитываются показатели «доверие друзьям», «доверие землякам», «доверие коллегам», «доверие представителям своей национальности», «доверие единоверцам». Необходимость сразу шести моделей, связанных с закрытым социальным капиталом, вызвана отсутствием единой общепринятой метрики данного показателя. Кроме того, представленные в работе модели позволяют оценить различия между социальными группами по каждому аспекту закрытого социального капитала: вполне возможно, что принадлежность к более модернистским группам влияет лишь на отдельные компоненты данного показателя. Доля респондентов, у которых значение зависимых переменных равно 1, представлена в таблице 2.

Таблица 2

Данные об уровне доверия в выборках

Показатель доверия	Значение показателя у дагестанцев (%)
Обобщённое доверие	42,52
Доверие родственникам	70,01
Доверие друзьям	59,51
Доверие землякам	12,85
Доверие коллегам	20,52
Доверие представителям своей национальности	9,6
Доверие единоверцам	31,5

Переменными интереса в моделях 1–7 выступают сразу несколько показателей. Во-первых, это переменные, связанные с тем, живёт ли человек в городе, живёт ли он в Махачкале, а также родился ли он в городе. Описательная статистика для данных показателей представлена в таблице 1.

Во-вторых, это переменные, связанные с принадлежностью респондента к одной из четырёх религиозных групп, проживающих в Дагестане, — этническим мусульманам, традиционным мусульманам, нетрадиционным мусульманам и суфиям (сторонникам суфизма). Распределение респондентов по религиозным группам происходит на основании ответов на вопросы об их религиозных практиках. Процедура распределения, взятая у авторов датасета (см.: [Стародубровская, Варшавер, Лазарев 2016]), показана в таблице 3; описательная статистика представлена в таблице 1.

Таблица 3

Методология распределения респондентов по религиозным группам

Религиозная группа	Соблюдение пятикратной молитвы	Принадлежность к тарикату	Участие в мавлидах*
Этнические мусульмане	Никогда	—	—
Суфии	Всегда или иногда	Да	—
Традиционные мусульмане	Всегда или иногда	Нет	Да
Нетрадиционные мусульмане	Всегда или иногда	Нет	Нет

Источник: [Стародубровская, Варшавер, Лазарев 2016].

* Мавлиды — празднование дня рождения пророка Мухаммеда, против которого выступают представители нетрадиционных для Дагестана версий ислама.

Из обзора литературы следует, что религиозные воззрения связаны с процессом модернизации. Суфии и традиционные мусульмане Дагестана более традиционалистские, тогда как появление нетрадиционных мусульман и более секулярных жителей региона связано с процессом модернизации⁷. При этом

⁷ Однозначно сказать, что является причиной, а что следствием, нельзя, но для нашей модели это не имеет значения, поскольку в ней присутствуют инструменты, оценивающие модернистские и традиционные ценности респондентов, а значит, если на социальный капитал влияют лишь ценности, а не принадлежность к более модернистской группе, то переменная будет незначимой.

существующие исследования показывают, что отдельные аспекты верований (например, вера в рай или ад) оказывают значимое влияние на уровень социального капитала [Kaasa 2013]. Более того, на доверие может негативно влиять продвижение определенных религиозных норм. Естественный эксперимент в английских колониях показал, что у тех народов, до которых добралось большее количество христианских миссионеров, ниже уровень социального капитала из-за того, что привнесение новых верований разрушало традиционные институты и нормы [Окоуе 2021]. Учитывая, что распространение секулярных ценностей и нетрадиционного ислама в Дагестане также во многом шло извне (секуляризм принёс советский модернистский проект, а фундаментализм — имамы, получившие религиозное образование за рубежом), можно предположить, что и в исследуемом нами кейсе религиозные взгляды оказывают влияние на доверие за счёт того, что этнические и нетрадиционные мусульмане, выбирая новые воззрения, отходят от традиционных норм и регуляторов. Единственным вероятным исключением может быть показатель доверия к единоверцам. Вполне вероятно, что на религиозные взгляды индивида может влиять его отношение к религиозной общине, и если он её представителям не доверяет, то предпочтёт те взгляды, которые минимизируют контакты с ней (и наоборот). Для оценки влияния модернизации на доверие к единоверцам стоит поэтому опираться на иные инструменты.

В-третьих, это переменные, связанные с ценностями респондентов, которые получают на основании ответа на вопрос, который содержится в следующей формулировке: «Вот список из 11 качеств, которые можно воспитать у детей в семье. Вы считаете какие-то из них особенно важными? Вы можете выбрать не более пяти качеств». Контрольные переменные берутся в зависимости от выбора ответа «послушание» и «самовыражение». Данный вопрос позволяет напрямую оценить наличие (или отсутствие в случае вопроса про воспитание послушания) у респондентов ценностей современного общества. Выбор именно этой метрики основан на исследовании Инглхарта, где он отмечает, что в ходе модернизации общество уходит от традиционных норм, в которых важно послушание остальным, в сторону большего индивидуализма, когда весомую роль играет реализация самого себя [Inglehart 1997]. Желание воспитать в ребёнке послушание означает более традиционный взгляд на мир, в котором важной добродетелью является соблюдение правил и приказов старших по иерархии; в то же самое время желание воспитать самовыражение связано с более постмодернистским взглядом на мир, где важнейшая цель в жизни — самореализация. Иными словами, данные показатели позволяют нам оценить уровень социального капитала у тех респондентов, которые дальше всех продвинулись по описанному Инглхартом пути трансформации ценностей, и тех, у кого сохранился более традиционалистский взгляд на воспитание. Что касается описательной статистики, то вариант «послушание» выбрало 25% респондентов, а «самовыражение» — 27%.

Распределение показателей доверия внутри групп основных объясняющих переменных представлено в приложении (см. табл. П.1), корреляционная матрица переменных интереса представлена тоже в приложении (см. таблицу П.2). Из корреляционной матрицы следует, что между переменными интереса нет сильной связи. Это значит, что наша модель не страдает от проблемы мультиколлинеарности, а оценки коэффициентов регрессии для переменных интересов будут точными (несмотря на наличие связи между отдельными показателями).

В-четвёртых, в регрессию добавлены контрольные переменные, связанные с полом (переменная равна 1, если респондент — мужчина, и 2 — если женщина), с возрастом, уровнем светского⁸ и религиозного образования⁹ респондентов, а также с уровнем образования родителей респондентов¹⁰.

⁸ Переменная равна 1, если респондент получил начальное или незаконченное среднее; равна 2, если получил среднее образование; равна 3, если получил среднее профессиональное образование; равна 4, если образование высшее.

⁹ Переменная равна 1, если респондент не имеет религиозного образования; равна 2, если респондент получил религиозное образование в Махачкале; равна 3, если получил религиозное образование в другом российском городе; равна 4, если религиозное образование получено за рубежом.

¹⁰ Переменная равна 1, если оба родителя респондента получили высшее образование; равна 2, если один родитель получил высшее образование; равна 3, если ни один родитель респондента не имеет высшего образования.

Для проверки третьей гипотезы (H_1) применяется метод расчёта радиуса доверия, используемый в работе Делея, Ньютона и Вельцеля [Delhey, Newton, Welzel 2011]. Идея данных авторов заключается в том, что в разных культурах понятие «большинство людей» может восприниматься по-разному, и там, где радиус «большинства людей» узок, уровень обобщённого доверия, скорее, связан с закрытым социальным капиталом. Чтобы понять, насколько велик радиус доверия, необходимо, согласно данному методу, построить на индивидуальных данных респондентов регрессию, в которой зависимой переменной выступает уровень обобщённого доверия, а независимыми переменными — уровень доверия к своим и уровень доверия к чужим. Из полученного в регрессии коэффициента корреляции доверия к чужим вычитается коэффициент корреляции доверия к своим, после чего к разнице прибавляют 1 и делят полученную сумму на 2. Итоговое значение и служит величиной радиуса доверия. По расчётам авторов, при радиусе доверия $> 0,5$ можно говорить о том, что обобщённое доверие распространяется на чужих, а при радиусе доверия $< 0,5$ доверие, скорее, направлено лишь на представителей других групп.

В данной работе используется методология, аналогичная той, что представлена выше, то есть построена регрессия, зависимой переменной в которой является обобщённое доверие, а независимыми — доверие к своим и доверие к чужим. Очевидно, что данная регрессия слабо объяснит факторы, по которым у респондентов различается уровень социального капитала. Однако она нужна не для этого, а только для того, чтобы получить коэффициенты, используемые для расчёта индекса радиуса доверия. По этой же причине регрессия представляет собой линейную, а не более подходящую для бинарной зависимой переменной пробит-модель: такой эмпирический дизайн, согласно Делею и его коллегам, позволяет получить сопоставимые друг с другом коэффициенты [Delhey, Newton, Welzel 2011: 792].

Различия между индексом Делея и коллег и индексом, используемым в данной работе, связаны с двумя причинами. Во-первых, индекс строится не для страны, а для отдельного (пусть и крупного) региона. Во-вторых, из-за недостатка данных в работе используются несколько иные показатели доверия к своим и к чужим.

Для расчёта уровня доверия к своим строится индекс, состоящий из трёх компонент с одинаковым весом: доверие к родственникам, к землякам и к друзьям (в оригинальной методологии — к семье, к соседям и людям, которых вы лично знаете).

Для расчёта уровня доверия к чужим используются данные о доверии к людям своей национальности и своей веры (в оригинальной методологии — к представителям чужой национальности, чужой веры и незнакомым людям).

Использование разных данных затрудняет сопоставление результатов текущего исследования с тем, что было получено Делеем и коллегами для стран мира. Однако наша оценка поможет оценить, насколько широк в Дагестане радиус доверия (так как, судя по таблице 2, единоверцы и представители своей национальности не входят в радиус доверия подавляющего большинства жителей региона), а также насколько социальный капитал в регионе связан лишь с доверием к близким людям. Более того, учитывая, что доверие к представителям других вер и этносов, скорее, будет ниже, чем доверие к представителям своих верований и этносов, а сама выборка, скорее, не включает тех, кто не готов никому доверять, можно предположить, что полученный в ходе данной работы результат будет, скорее, переоценивать величину радиуса доверия. Следовательно, низкий уровень радиуса доверия, полученный с помощью данной метрики, будет однозначно свидетельствовать об узости социального капитала в Дагестане.

Результаты

В таблице 4 представлены результаты проверки гипотезы 1 (Н 1).

Таблица 4

Результаты проверки гипотезы 1 (Н 1)

Независимые переменные	Зависимая переменная						
	Обобщённое доверие	Доверие родственникам	Доверие друзьям	Доверие землякам	Доверие коллегам	Доверие представителям своей национальности	Доверие единоверцам
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)
Возрастная когорта	0,292*** (0,056)	0,014 (0,056)	- 0,054 (0,054)	0,221*** (0,069)	0,259*** (0,060)	0,099 (0,074)	- 0,045 (0,061)
Желание воспитывать послушание	- 0,282*** (0,082)	0,108 (0,082)	0,007 (0,078)	0,038 (0,099)	- 0,011 (0,089)	- 0,024 (0,107)	0,088 (0,084)
Желание воспитывать самовыражение	0,119 (0,079)	- 0,032 (0,079)	0,008 (0,077)	0,034 (0,100)	- 0,129 (0,088)	- 0,115 (0,112)	- 0,214** (0,090)
Проживание в городе	- 0,053 (0,097)	- 0,172* (0,098)	- 0,281*** (0,094)	- 0,237** (0,119)	- 0,088 (0,105)	- 0,271** (0,129)	- 0,162 (0,105)
Проживание в Махачкале	- 0,105 (0,095)	0,019 (0,095)	0,152* (0,092)	0,113 (0,120)	0,058 (0,103)	0,118 (0,131)	- 0,008 (0,105)
Суфии	0,051 (0,102)	- 0,059 (0,104)	0,062 (0,098)	0,181 (0,116)	0,143 (0,107)	0,083 (0,125)	0,209** (0,101)
Неградиционные мусульмане	- 0,189* (0,098)	- 0,238** (0,098)	0,083 (0,094)	- 0,274** (0,122)	- 0,243** (0,109)	- 0,326** (0,132)	0,409*** (0,096)
Этнические мусульмане	- 0,231** (0,099)	- 0,172* (0,099)	0,142 (0,095)	- 0,202* (0,122)	- 0,043 (0,106)	- 0,141 (0,130)	- 0,929*** (0,122)
Городское происхождение	- 0,068 (0,087)	- 0,098 (0,085)	0,0004 (0,083)	- 0,238** (0,111)	- 0,185* (0,096)	- 0,210* (0,120)	- 0,048 (0,092)
Пол	- 0,002 (0,077)	- 0,102 (0,076)	- 0,361*** (0,073)	- 0,440*** (0,106)	- 0,132 (0,085)	- 0,386*** (0,115)	- 0,647*** (0,091)
Образование	- 0,011 (0,047)	0,00002 (0,046)	0,073* (0,044)	- 0,051 (0,055)	0,099* (0,052)	- 0,137** (0,057)	- 0,086* (0,048)
Религиозное образование	- 0,016 (0,075)	- 0,057 (0,073)	0,027 (0,073)	0,096 (0,086)	- 0,029 (0,087)	0,081 (0,092)	0,260*** (0,077)
Образование родителей	0,086* (0,045)	- 0,104** (0,045)	- 0,078* (0,044)	- 0,061 (0,057)	- 0,032 (0,050)	- 0,075 (0,061)	- 0,036 (0,049)
Константа	- 0,577** (0,284)	1,181*** (0,280)	0,733*** (0,269)	- 0,553 (0,342)	- 1,223*** (0,314)	- 0,135 (0,361)	0,654** (0,298)
Observations	1,439	1,552	1,552	1,552	1,552	1,552	1,552
Log Likelihood	- 941,428	- 935,449	- 1,022 335	- 566,090	- 757,090	- 471,464	- 796,751
Akaike Inf. Crit.	1,910 856	1,898 899	2,072 670	1,160 180	1,542 181	970,928	1,621 501

Источник: собственные вычисления автора.

Примечания: в скобках указаны стандартные ошибки оценок коэффициентов. * $p < 0,1$; ** $p < 0,5$; *** $p < 0,01$.

Можно заметить, что переменные, связанные с урбанизацией, негативно связаны с различными показателями закрытого социального капитала: горожане менее склонны доверять родственникам (правда, коэффициент значим лишь на уровне $p < 0,1$), друзьям (причём эффект в Махачкале меньше¹¹), земля-

¹¹ Учитывая, что переменная «Проживание в городе» включает в том числе и проживающих в столице Дагестана, полученное значение коэффициента стоит трактовать следующим образом: если факт проживания в иных дагестанских

кам и представителям своей национальности; уроженцы городов при прочих равных меньше доверяют землякам, коллегам и представителям своей национальности. Иными словами, городская среда, разрушающая традиционные социальные связи, иерархии и регуляторы, ломает и накопленный в только вступившем на путь модернизации обществе закрытый социальный капитал: все имеющиеся его показатели негативно коррелируют хотя бы с одной переменной, связанной с местом рождения и проживания (хотя в случае родственников и коллег это происходит лишь на уровне значимости $p < 0,1$).

Что касается иных модернистских групп, то принадлежность к ним также в основном негативно связана с показателями закрытого социального капитала. Нетрадиционные и этнические мусульмане менее склонны доверять родственникам и землякам; нетрадиционные мусульмане также меньше доверяют коллегам и представителям своей национальности. При этом разные модернистские группы по-разному доверяют своим единоверцам: если более религиозные нетрадиционные мусульмане, а также суфии демонстрируют более высокий уровень доверия к единоверцам, то менее религиозные этнические мусульмане, наоборот, показывают недостаток доверия единоверцам. Единственная группа, доверие к которой не связано с принадлежностью к определённой религиозной группе, — это друзья.

В то же время показатели, связанные с модернистскими ценностями, никак не влияют ни на один показатель закрытого социального капитала. Это означает, что гипотеза 2 (H 2) верна частично: принадлежность к более модернизированным общественным группам действительно негативно влияет на закрытый социальный капитал, однако корреляция между ним и модернистскими и (или) традиционными ценностями не наблюдается. Доверие к близким в ходе модернизации в Дагестане действительно снижается, но объясняется это не изменением взглядов респондентов на жизнь, а тем, что люди меняют среду, в которой они находятся, и начинают ориентироваться не только на сильные связи, распространённые в традиционных сообществах. Переход в иную городскую или религиозную среду также разрушает существовавшие традиционные регуляторы (так, живя в городе, человеку проще не соблюдать неформальные правила родного сообщества, поскольку об этом никто не узнает). Именно этим можно объяснить то, что принадлежность к нетрадиционным мусульманам коррелирует с более высоким уровнем доверия к единоверцам; коммуникация с ними при вступлении в данную социальную группу только усиливается.

На уровень закрытого социального капитала оказывают влияние некоторые контрольные переменные. Так, принадлежность к более пожилой возрастной когорте связана с более высоким уровнем доверия землякам и коллегам, что можно объяснить тем, что, согласно исследованию С. Макдональда и К. Меир, с возрастом количество и качество социальных связей, в особенности возникших в ходе профессиональной деятельности, растёт [McDonald, Mair 2010]. Прирост контактов среди своих коллег и земляков может повлиять и на уровень доверия к ним. Уровень закрытого социального капитала также связан с полом: мужчины более склонны доверять друзьям, землякам, представителям своей национальности и единоверцам. Это объяснимо тем, что женщины в патриархальном обществе менее активно участвуют в общественной жизни, из-за чего у них менее широкие социальные связи. Более того, согласно исследованию И. Ван Эммерик, даже в менее патриархальных обществах мужчины более склонны эффективно накапливать социальный капитал, чем женщины [Van Emmerik 2006].

Также на уровень доверия влияет образование: респонденты с более высоким уровнем образования более склонны доверять друзьям и коллегам; более высокий уровень образования родителей положительно связан с доверием друзьям и родственникам. Эти результаты также вполне укладываются в существующую литературу о социальном капитале. Так, работа Д. Бриссона и К. Ашера показывает, что уровень образования и взросление в более образованной среде влияют на уровень закрытого социального капитала в неблагополучных сообществах [Brisson, Usher 2005]. В то же время уровень образования негативно влияет на доверие к единоверцам и представителям своей национальности, что

городах уменьшает вероятность того, что респондент доверяет друзьям, на 28,1 процентного пункта (п. п.), то факт проживания в Махачкале — на 12,9 п. п.

может быть связано с тем, что люди, которые получили высшее образование, более склонны выстраивать социальные связи вне своей религиозной общины или своего этноса. Впрочем, данная гипотеза требует отдельного исследования, которое не входит в рамки темы данной статьи. Стоит также обратить внимание на то, что уровень религиозного образования сильно связан с доверием единоверцам, и это объяснимо эффектом самоотбора: люди, которые идут получать религиозное образование, скорее, доверяют представителям своей религиозной общины.

Говоря об открытом социальном капитале, стоит обратить внимание на результаты регрессии 1 (см. таблицу 4). Показатели, связанные с городом и постмодернистскими ценностями, не влияют на обобщённое доверие; в то же время показатель, связанный с традиционными ценностями (желание воспитывать послушание), оказывает значимое негативное влияние на открытый социальный капитал. Это означает, что носители традиционных норм менее склонны доверять большинству людей, тогда как носители модернистских и постмодернистских ценностей имеют более высокий уровень социального капитала.

Обратная закономерность наблюдается в случае религиозных групп. Принадлежность к модернистским направлениям ислама связана с меньшим уровнем социального капитала. У этого результата могут быть два объяснения. Во-первых, вероятно его связь со стигмой в отношении как не соблюдающих религиозные обряды, так и тех, кто их соблюдает отличным от традиционного образом. Это утверждение вполне правдоподобно, учитывая связь между социальным капиталом и социальной инклюзией [Daly, Silver 2008]. Во-вторых, привнесение извне новых верований может разрушить существовавшие традиционные нормы и регуляторы, не создавая новых общепринятых правил, из-за чего вероятность оппортунистического поведения со стороны индивидов растёт. Это, в свою очередь, приводит к тому, что уровень доверия снижается.

Говоря о контрольных переменных, стоит заметить, что среди дагестанских респондентов нет различий в уровне социального капитала, связанных с полом, светским или религиозным образованием, что говорит о том, что в модернизирующемся и урбанизирующемся обществе гендерное неравенство и различия в уровне человеческого капитала не влияют на готовность доверять незнакомым. В то же время обобщённое доверие положительно связано с возрастом, что также можно объяснить накоплением социальных связей с течением жизни. Куда более неожиданным результатом является негативная связь уровня образования родителей с объёмом доверия у их детей. Однозначного объяснения данного результата дать нельзя, но можно предположить, что недостаток доверия у детей родителей с высшим образованием связан с распадом городских сообществ в 1990-х гг., когда многие образованные горожане уехали из Дагестана. Потеряв данные социальные связи и не войдя в те узкие группы кланов и землячеств, где доверие друг к другу сохранилось, потомки образованных родителей растеряли имеющиеся запасы социального капитала. Впрочем, для проверки данной гипотезы необходимо дополнительное исследование коренных жителей дагестанских городов, которое на имеющихся в распоряжении данных выполнить затруднительно.

Таким образом, гипотеза 2 также частично подтверждается: открытый социальный капитал положительно связан с модернистским набором ценностей, однако приобщение к модернистской социальной группе, наоборот, коррелирует с более низким уровнем обобщённого доверия.

Есть ли иные трактовки полученных результатов? Можно было бы предположить, что существует обратная причинно-следственная связь: разрушение социального капитала в традиционном сообществе подталкивает людей в модернистские социальные группы или каким-то образом заставляет их принять модернистские ценности. Однако этому объяснению противоречит тот факт, что часть инструментов, используемых для оценки уровня модернизации, в отличие от социального капитала, неизменны во времени. Это касается как переменной, говорящей о факте рождения в городской среде, так и переменных, которые касаются ценностей: согласно Инглхарту, культурные и поведенческие установки формируются в период социализации подростка и во времени практически неизменны [Inglehart 1997].

Что касается религиозных групп, то здесь обратная причинно-следственная связь маловероятна, потому что социальный капитал необходим в том числе и для распространения новых идей и создания знаний [McFadyen, Cannella 2004], а его недостаток может препятствовать распространению нетрадиционных для региона концепций секуляризма и фундаментализма. Более того, наличие более высокого уровня доверия к единоверцам у нетрадиционных мусульман демонстрирует, что даже если социальный капитал и способствует распространению идей фундаментализма, то каналом передачи этих воззрений распространения являются именно религиозная община, а не родственники, коллеги или земляки. Сценарий, при котором те, кто не доверяет своему ближайшему окружению, компенсируют это, выстраивая социальные связи с единоверцами и распространяя среди них фундаментализм, также кажется маловероятным, учитывая, что согласно корреляционной матрице зависимых переменных, представленной в приложении (см. таблицу П.3), между доверием к единоверцам и доверием к остальным социальным группам наблюдается слабая положительная (а не отрицательная) связь. Факт экзогенности в некоторых случаях выбора модернистских религиозных воззрений¹², а также имеющаяся литература на тему связи между религией и доверием подтверждают, что принадлежность к модернистским религиозным группам влияет на социальный капитал, а не наоборот.

Альтернативным объяснением может быть неточность инструментов, связанных не с самими ценностями модернизации, а с принадлежностью к определённым социальным группам; к примеру, более низкий уровень закрытого социального капитала в городах связан с иными причинами, а не с более модернистским населением и не с распадом в городах традиционных общин. Не отрицая возможности этого, стоит заметить, что каждая зависимая переменная (кроме доверия к друзьям) имеет как минимум две значимо связанные независимые переменные, относящиеся к модернистским группам (городским или религиозным). Это позволяет предположить, что значимость данных инструментов действительно связана именно с фактором модернизации, а не с иными возможными объяснениями.

Перейдём к проверке гипотезы 2 (H 2). Для её проверки стоит рассчитать значение радиуса социального капитала. Необходимые для этого коэффициенты получены с помощью регрессии, представленной в таблице 5.

Таблица 5

Результаты проверки гипотезы 2 (H 2)

Зависимая переменная	Коэффициент
Доверие к своим	0,099** (0,043)
Доверие к чужим	0,121*** (0,044)
Константа	0,354*** (0,023)
Observations	1,530
R ²	0,014
Adjusted R ²	0,013
Residual Std. Error	0,491 (df = 1527)
F Statistic	10,858*** (df = 2; 1527)

Источник: собственные вычисления автора статьи.

Примечание: в скобках указаны стандартные ошибки оценок коэффициентов. *p < 0,1, **p < 0,5, ***p < 0,01.

¹² Многие этнические мусульмане становятся таковыми из-за того, что их родители также являются этническими мусульманами; в некоторых случаях (особенно в сёлах) обращение к нетрадиционному исламу связано с тем, что в ближайшей мечети службу ведёт более фундаменталистски настроенный имам.

Из регрессии следует, что коэффициент корреляции доверия к чужим равен 0,121, коэффициент корреляции доверия к своим равен 0,099, а значит, радиус доверия, вычисленный по используемой в данной работе методологии, равен 0,511. Учитывая, что среднее значение радиуса доверия для исследуемых Делеем и коллегами [Delhey, Newton, Welzel 2011] равно 0,58, можно сделать вывод о том, что обобщённый социальный капитал в дагестанском обществе скорее закрытый, чем открытый, и распространяется в основном лишь на знакомых респондентам людей. Сравнивая радиус доверия в Дагестане с аналогичными показателями для 41 страны мира, можно заметить, что показатель в среднем по России выше, а Дагестан сопоставим с Бразилией, Индией, Индонезией и Кипром, которые также являются странами с узким радиусом доверия. При этом стоит учитывать, что используемая в данной статье методология ощутимо переоценивает радиус доверия в Дагестане, а в выборку, скорее, не попали те, кто вообще не доверяет никому, что означает: на самом деле социальный капитал в регионе ещё более закрытый, чем показывают полученные результаты. Таким образом, гипотеза 3 (H 3) полностью подтверждается.

Заключение

Подведём итоги. Проведённое на основе дагестанских данных исследование показало, что процесс модернизации оказывает двоякое влияние на социальный капитал. С одной стороны, как и описывает теория Инглхарта, менее традиционалистские ценности связаны с более высоким уровнем открытого социального капитала, при этом практически не оказывая влияние на закрытый социальный капитал. Это говорит о том, что процесс модернизации общества в долгосрочном периоде оказывает положительное воздействие на уровень доверия к людям. С другой стороны, принадлежность к модернистским группам (например, к городским жителям или к модернистским религиозным группам) коррелирует с более низким уровнем закрытого социального капитала, а в случае религиозных групп — и с более низким уровнем обобщённого доверия. Объясняется это тем, что из-за распада существующих тесных связей внутри традиционных сообществ уровень доверия к близкому окружению может снижаться, а также, в случае с обобщённым доверием, с тем неустойчивым положением, которое модернистские группы занимают в преимущественно традиционном обществе. Кроме того, работа показала, что вопреки процессу модернизации структура социального капитала в Дагестане по-прежнему соответствует странам с преобладанием традиционных регуляторов: в регионе наблюдается достаточно низкий уровень радиуса доверия.

Из этих результатов можно сделать три важных вывода:

- процесс формирования социального капитала в ходе модернизации, вопреки некоторым первоначальным воззрениям, не является линейным. Хотя в современных развитых странах уровень социального капитала выше, чем в традиционных сообществах, в процессе модернизации, как показывает пример Дагестана, преобладающий в обществе закрытый социальный капитал, наоборот, может разрушаться;
- в Дагестане, подобно остальным традиционным обществам, на данный момент преобладает закрытый социальный капитал, который, как следует из литературы, не даёт того же положительного экономического эффекта, что открытый. Рассматривая социальный капитал как фактор экономического роста, стоит учитывать, что в тех обществах, которые только претерпевают модернизацию, большой объём социального капитала может не давать ожидаемой отдачи;
- несмотря на то что республики Северного Кавказа, согласно некоторым исследованиям [Коробейников et al. 2015], являются регионами с высоким (по сравнению с другими субъектами Федерации) уровнем социального капитала, этот социальный капитал не способствует экономическому развитию из-за того, что радиус доверия в Дагестане и других северокавказских республиках включает в основном родственников и друзей. Стандартные методики могут го-

ворить о наличии социального капитала в наименее экономически развитых регионах России, но на самом деле он не так непродуктивен, как в более модернизированных российских мегаполисах. Этот результат вполне укладывается в существующие представления о состоянии социального капитала в российских регионах: согласно Л. Д. Гудкову, в малых российских городах наблюдается более высокий уровень социального капитала, чем в старопромышленных центрах, однако это доверие «традиционное» и распространяется лишь на близкий круг людей [Гудков 2012].

Следует отметить, что у данного исследования существуют ограничения, которые стоит учитывать при интерпретации результатов. Исследование основано на нерепрезентативной выборке, из-за чего возникают две проблемы.

Первая проблема заключается в том, что из-за недопредставленности некоторых социальных групп абсолютные значения показателей доверия становятся искажёнными и неинформативными. Хотя это не влияет на регрессионный анализ (благодаря большому объёму наблюдений и широким каналам распространения анкеты), данная проблема лишает нас многих фактов, связанных с оценкой уровня социального капитала в Дагестане. Проведение исследования с помощью телефонного опроса могло бы дать более точные количественные оценки.

Вторая — и более существенная — проблема заключается в методике распространения анкеты: в опросе вряд ли будут участвовать те, кто не доверяет незнакомцам. Кроме того, наиболее традиционалистские слои дагестанского общества, вероятно, также не имели возможности участвовать в опросе из-за отсутствия Интернета. Соответственно, в нашей выборке недопредставлены люди с самым низким уровнем социального капитала и наиболее традиционалистскими установками, что может искажать результаты. Существующие полевые исследования (см., например: [Ситкевич 2021]) показывают, что такие низкие уровни доверия наблюдаются как раз в наиболее оторванных от остального мира и наименее модернизированных сёлах, тогда как, например, в активно торгующем с остальным миром селе Кубачи радиус доверия, хотя и не распространяется на всех незнакомцев, включает всех коренных жителей села. В то же время даже там, где наблюдается низкий уровень открытого социального капитала (в упомянутом выше исследовании Д. А. Ситкевича — в селе Цыйша), люди склонны доверять своим родственникам и друзьям, отказывая в доверии лишь более широким кругам. Это значит, что описанная проблема не влияет на результаты, связанные с обобщённым доверием (из регрессий следует, что у носителей традиционных ценностей и так низкое доверие) и узким радиусом доверия (те, кто не доверяет незнакомцам, как показывают полевые исследования, вполне доверяют родственникам, друзьям и соседям), но может затронуть результаты регрессий, в которых зависимыми переменными выступают уровень доверия к коллегам и представителям своей национальности, так как такого широкого радиуса доверия у тех, кто недопредставлен в выборке, точно нет. Из этого следует, что выводы для данных показателей о динамике доверия верны лишь без учёта наиболее закрытых традиционалистских сообществ. Кроме того, в работе из-за отсутствия переменных в датасете не учитывается фактор дохода и наличия трудоустройства, который в теории может повлиять на уровень доверия.

В завершение отметим, что, хотя Дагестан является видным примером региона с наличием как традиционных регуляторов, так и носителей модернистских ценностей, было бы правильным для проверки результатов посмотреть, насколько выявленные в работе закономерности выполняются в других регионах и при других традиционных нормах. Аналогичная проверка динамики социального капитала в регионах российского «библейского пояса», описанного А. Н. Щербак и М. В. Ухватовой [Щербак, Ухватова 2018], могла бы стать интересной темой для следующей работы. Тем не менее теоретическая база работы позволяет предположить, что подобные паттерны трансформации социального капитала характерны не только для Дагестана, но и для остальных модернизирующихся регионов.

Приложение

Таблица П.1

**Распределение показателей доверия внутри групп
основных объясняющих переменных (в %)**

Независимые переменные	Обобщённое доверие	Доверие родственникам	Доверие друзьям	Доверие землякам	Доверие коллегам	Доверие представителям своей национальности	Доверие единоверцам
Проживание в городе	41,25	68,21	57,56	11,55	19,87	8,5	28,56
Проживание в селе	45,3	73,7	63,52	15,56	21,85	11,85	37,59
Городское происхождение	35,46	67,04	61,4	8,58	15,58	6,77	30,47
Сельское происхождение	45,11	71,09	58,84	14,42	22,32	10,63	31,88
Нетрадиционные мусульмане	36,21	67,03	61,76	9,01	13,85	6,37	50,11
Этнические мусульмане	41,23	67,66	58,72	9,57	21,28	7,45	5,74
Суфии	46,8	72,75	59,13	18,53	25,07	13,08	39,51
Традиционные мусульмане	47,87	73,97	58,08	16,16	23,29	12,88	33,42
Желание воспитывать послушание	34,27	72,07	59,9	14,56	19,81	10,98	40,01
Желание воспитывать самовыражение	45,65	68,43	59,68	11,98	18,66	7,6	19,81

Источник: собственные вычисления автора статьи.

Таблица П.2

Корреляционная матрица переменных интереса

Переменные	Суфии	Нетрадиционные мусульмане	Этнические мусульмане	Традиционные мусульмане	Проживание в городе	Городское происхождение	Желание воспитывать послушание	Желание воспитывать самовыражение
Суфии	1	- 0,3	- 0,3	- 0,3	0	- 0,1	0,1	- 0,1
Нетрадиционные мусульмане	- 0,3	1	- 0,4	- 0,3	- 0,1	0,1	0	- 0,1
Этнические мусульмане	- 0,3	- 0,4	1	- 0,3	0	0	- 0,1	0,2
Традиционные мусульмане	- 0,3	- 0,3	- 0,3	1	0	0	0	0
Проживание в городе	0	- 0,1	0	0	1	0,3	- 0,1	0,1
Городское происхождение	- 0,1	0,1	0	0	0,3	1	0	0,1
Желание воспитывать послушание	0,1	0	- 0,1	0	- 0,1	0	1	- 0,1
Желание воспитывать самовыражение	- 0,1	- 0,1	0,2	0	0,1	0,1	- 0,1	1

Источник: собственные вычисления автора статьи.

Таблица П.3

Корреляционная матрица зависимых переменных

Переменные	Обобщённое доверие	Доверие родственникам	Доверие друзьям	Доверие землякам	Доверие коллегам	Доверие представителям своей национальности	Доверие единоверцам
Обобщённое доверие	1	0	0	0	0	0	0
Доверие родственникам	0	1	0,5	0,2	0,3	0,2	0,2
Доверие друзьям	0	0,5	1	0,3	0,3	0,2	0,2
Доверие землякам	0	0,2	0,3	1	0,5	0,7	0,3
Доверие коллегам	0	0,3	0,3	0,5	1	0,5	0,2
Доверие представителям своей национальности	0	0,2	0,2	0,7	0,5	1	0,3
Доверие единоверцам	0	0,2	0,2	0,3	0,2	0,3	1

Источник: собственные вычисления автора статьи.

Литература

Гимбатов Ш. М. 2011. Роль социального капитала в экономическом развитии региона. *Вопросы структуризации экономики*. 2: 91–93

Гудков Л. Д. 2012. «Доверие» в России: смысл, функции, структура. *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. 2 (112): 8–47.

Казенин К. И. 2015. Регулирование земельных отношений в Дагестане: социально-экономические корни «традиционализации». *Экономическая политика*. 10 (3): 113–133.

Коробейников А. et al. 2015. *Социальный капитал: альтернативный источник энергии*. Москва: Авендика. URL: http://gis.psu.ru/wp-content/uploads/2015/12/Коробейников_Социальный-капитал.pdf

Ситкевич Д. А. 2021. Факторы развития гибридных институциональных соглашений в традиционных сообществах. *Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал*. 13 (1): 7–25

Стародубровская И. В. 2014. Трансформация Северного Кавказа: от традиционного общества к современному. *Pro et Contra*. 18 (1–2): 96–105.

Стародубровская И. В. 2015. Неформальные институты и радикальные идеологии в условиях институциональной трансформации. *Экономическая политика*. 10 (3): 68–88.

Стародубровская И. В., Варшавер Е. А., Лазарев Е. А. 2016. Ценности дагестанских мусульман: что показал опрос. *Кавказский Узел*. URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/itogi_oprosa_naselenia_Dagestana/

Стародубровская И. В., Казенин К. И. 2014. Северокавказские города: территория конфликтов. *Общественные науки и современность*. 6: 70–82.

Стариков И. Г. 2015. Социальный капитал и социальная мобильность в Махачкале, или Что делать, если у тебя нет влиятельных родственников? *Общественные науки и современность*. 4: 153–164.

- Шахбанова М. М., Нурилова А. З. 2015. Специфика проявления религиозной идентичности дагестанских народов. *История, археология и этнография Кавказа*. 11 (1): 141–151
- Щербак А. Н., Ухватова М. В. 2018. От «красного пояса» — к «библейскому»: исторические предпосылки сдвигов в политической географии России. *Общественные науки и современность*. 6: 98–113.
- Ярлыкапов А. А. 2014. Ислам и конфликт на Кавказе. В кн.: Гусейнов Г. Ч. (сост.) *Большой Кавказ двадцать лет спустя. Ресурсы и стратегии политики идентичности*. М.: Новое литературное обозрение; 183–215.
- Alberti F. 2006. The Decline of the Industrial District of Como: Recession, Relocation or Reconversion? *Entrepreneurship and Regional Development*. 18 (6): 473–501.
- Balliet D., Van Lange P. 2013. Trust, Conflict, and Cooperation: A Meta-Analysis. *Psychological Bulletin*. 139 (5): 1090–1112.
- Becattini G. 2004. *Industrial Districts: A New Approach to Industrial Change*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing.
- Beugelsdijk S., Smulders S. 2003. Bridging and Bonding Social Capital: Which Type is Good for Economic Growth? In: Arts W., Hagenaars J., Halman L. (eds). *The Cultural Diversity of European Unity*. Leiden: Brill; 275–310.
- Behtoui A., Neergaard A. 2016. Social Capital and the Educational Achievement of Young People in Sweden. *British Journal of Sociology of Education*. 37 (7): 947–969.
- Bradshaw Y. 1987. Urbanization and Underdevelopment: A Global Study of Modernization, Urban Bias, and Economic Dependency. *American Sociological Review*. 52 (2): 224–239.
- Brisson D. S., Usher C. L. 2005. Bonding Social Capital in Low-Income Neighborhoods. *Family Relations*. 54 (5): 644–653.
- Carter M., Castillo M. 2002. The Economic Impacts of Altruism, Trust and Reciprocity: An Experimental Approach to Social Capital. *Staff Papers*. 12616. University of Wisconsin-Madison; Department of Agricultural and Applied Economics.
- Daly M., Silver H. 2008. Social Exclusion and Social Capital: A Comparison and Critique. *Theory and Society*. 37 (6): 537–566.
- Delhey J., Newton K., Welzel C. 2011. How General is Trust in “Most People”? Solving the Radius of Trust Problem. *American Sociological Review*. 76 (5): 786–807.
- Di Falco S., Bulte E. 2011. A dark Side of Social Capital? Kinship, Consumption, and Savings. *Journal of Development Studies*. 47 (8): 1128–1151.
- Forrest R., Kearns A. 2001. Social Cohesion, Social Capital and the Neighborhood. *Urban Studies*. 38 (12): 2125–2143.

- Fukuyama F. 2001. Social Capital, Civil Society and Development. *Third World Quarterly*. 22 (1): 7–20.
- Glanville J., Shi Q. 2020. The Extension of Particularized Trust to Generalized and Out-Group Trust: The Constraining Role of Collectivism. *Social Forces*. 98 (4): 1801–1828.
- Häuberer J., Tatarko A. 2017. Network Composition, Individual Social Capital and Culture: Comparing Traditional and Post-Modernized Cultures. *Sociological Research Online*. 22 (2): 1–20.
- Inglehart R. 1997. *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, And Political Change in 43 Societies*. Princeton: Princeton University Press.
- Inglehart R., Baker W. 2000. Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values. *American Sociological Review*. 65 (1): 19–51.
- Inglehart R., Welzel C. 2010. Changing Mass Priorities: The Link between Modernization and Democracy. *Perspectives on Politics*. 8 (2): 551–567.
- Kaasa A. 2013. Religion and Social Capital: Evidence from European Countries. *International Review of Sociology*. 23 (3): 578–596.
- Knack S. 2002. Social Capital and the Quality of Government: Evidence from the States. *American Journal of Political Science*. 46 (4): 772–785.
- Knack S., Keefer P. 1997. Does Social Capital Have an Economic Payoff? A cross-Country Investigation. *The Quarterly Journal of Economics*. 112 (4): 1251–1288.
- Lancee B. 2010. The Economic Returns of Immigrants' Bonding and Bridging Social Capital: The case of the Netherlands. *International Migration Review*. 44 (1): 202–226.
- McDonald S., Mair C. A. 2010. Social Capital Across the Life Course: Age and Gendered Patterns of Network Resources. *Sociological Forum*. 25 (2): 335–359
- McFadyen M. A., Cannella A. A., Jr. 2004. Social Capital and Knowledge Creation: Diminishing Returns of the Number and Strength of Exchange Relationships. *WPC: Management and Entrepreneurship*. 47 (5): 735–746.
- Okoye D. 2021. Things Fall Apart? Missions, Institutions, and Interpersonal Trust. *Journal of Development Economics*. 148 (January): 1–78.
- Parsons, T., Shils, E. A. 1951. *Toward a General Theory of Action*. Cambridge: Harvard University Press.
- Portes A. 1998. Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology. *Annual Review of Sociology*. 24 (1): 1–24.
- Putnam R. 1993. The Prosperous Community: Social Capital and Public Life. *The American Prospect*. 13 (4): 35–42.
- Putnam R. 2000. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon and Schuster.

- Radnitz S., Wheatley J., Zürcher C. (2009) The Origins of Social Capital: Evidence from a Survey of Post-Soviet Central Asia. *Comparative Political Studies*, 42 (6): 707–732.
- Rostow W. W. 1960. *The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Uphoff N. 2000. *Operationalizing Social Capital: Explaining and Measuring Mutually Beneficial Collective Action in Rajasthan, India*. URL: <https://www.ircwash.org/resources/operationalizing-social-capital-explaining-and-measuring-mutually-beneficial-collective>
- Van Emmerik I. H. 2006. Gender Differences in the Creation of Different Types of Social Capital: A Multilevel Study. *Social Networks*. 28 (1): 24–37.
- Westlund H., Adam F. 2010. Social Capital and Economic Performance: A Metaanalysis of 65 Studies. *European Planning Studies*. 18 (6): 893–919.

NEW TEXTS

Daniil Sitkevich

Effects of Modernization on Social Capital: Evidence from Dagestan

SITKEVICH, Daniil —

Researcher, Gaidar Institute for Economic Policy. Address: 3–5 Gazetny lane, Moscow, 125993, Russian Federation; PhD student, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University. Address: Moscow, GSP-1, 1–46 Leninskiye Gory, 119991, Russian Federation.

Email: Sitkevich@iep.ru

Abstract

The paper scrutinizes the differences between the traditional and modernistic social groups of Dagestan, Russia—a region in the south of Russia that is only now undergoing the process of modernization. As an important factor in economic development in developed countries, social capital and trust often have a negative impact on the level of well-being in traditional communities. The research, based on a sociological survey of residents of the Republic of Dagestan, shows that this pattern is due to the fact that in traditional society, the radius of trust (which is one of the most important components of social capital) extends only to the immediate environment. This is why social capital in such communities produces lower returns. Moreover, using variables associated with the process of breaking traditional norms (residence and birth in the city, modernist religious beliefs, importance of free time, and desire to educate children in self-expression values and foster

values of obedience), this article argues that the modernization process leads to the destruction of closed social capital, expressed in the decline of trust in relatives, friends, colleagues, neighbors, and representatives of the same nationality. At the same time, the transformation of traditional norms has a different effect on open social capital—having more modernistic values is positively linked to generalized trust, while being a part of modernistic social groups demonstrates a negative link. The results enable us to conclude that the high level of social capital recorded in other studies in the North Caucasus (and in Dagestan, in particular) is actually associated with a high level of trust in the surrounding environment and is not as productive as in other regions.

Keywords: social capital; modernization; traditional society; trust; transformation of norms; Dagestan.

Acknowledgements

The article was written in the framework of research of the Gaidar Institute for Economic Policy “The Impact of social capital on economic development in post-collectivist societies (on the example of the North Caucasus)”.

References

- Alberti F. (2006) The Decline of the Industrial District of Como: Recession, Relocation or Reconversion? *Entrepreneurship and Regional Development*, vol. 18, no 6, pp. 473–501.
- Balliet D., Van Lange P. (2013) Trust, Conflict, and Cooperation: A Meta-Analysis. *Psychological Bulletin*, vol. 139, no 5, pp. 1090–1112.
- Becattini G. (2004) *Industrial Districts: A New Approach to Industrial Change*, Cheltenham: Edward Elgar Publishing.

- Behtoui A., Neergaard A. (2016) Social Capital and the Educational Achievement of Young People in Sweden. *British Journal of Sociology of Education*, vol. 37, no 7, pp. 947–969.
- Beugelsdijk S., Smulders S. 2003. Bridging and Bonding Social Capital: Which Type is Good for Economic Growth? In: *The Cultural Diversity of European Unity* (eds. W. Arts, J. Hagenaars, L. Halman), Leiden: Brill, pp. 275–310.
- Bradshaw Y. (1987) Urbanization and Underdevelopment: A Global Study of Modernization, Urban Bias, and Economic Dependency. *American Sociological Review*, vol. 52, no 2, pp. 224–239.
- Brisson D. S., Usher C. L. (2005) Bonding Social Capital in Low-Income Neighborhoods. *Family Relations*, vol. 54, no 5, pp. 644–653.
- Carter M., Castillo M. (2002) The Economic Impacts of Altruism, Trust and Reciprocity: An Experimental Approach to Social Capital. *Staff Papers*, no 12616, University of Wisconsin-Madison; Department of Agricultural and Applied Economics.
- Daly M., Silver H. (2008) Social Exclusion and Social Capital: A Comparison and Critique. *Theory and Society*, vol. 37, no 6, pp. 537–566.
- Delhey J., Newton K., Welzel C. (2011) How General is Trust in “Most People”? Solving the Radius of Trust Problem. *American Sociological Review*, vol. 76, no 5, pp. 786–807.
- Di Falco S., Bulte E. (2011) A Dark Side of Social Capital? Kinship, Consumption, and Savings. *Journal of Development Studies*, vol. 47, no 8, pp. 1128–1151.
- Forrest R., Kearns A. 2001. Social Cohesion, Social Capital and the Neighborhood. *Urban Studies*, vol. 38, no 12, pp. 2125–2143.
- Fukuyama F. (2001) Social Capital, Civil Society and Development. *Third World Quarterly*, vol. 22, no 1, pp. 7–20.
- Gimbatov Sh. M. (2011) Rol' sotsial'nogo kapitala v ekonomicheskom razvitii regiona [The Role of Social Capital in the Economic Development of the Region]. *Issues of Economic Structuring = Voprosy strukturizatsii ekonomiki*, no 2, pp. 91–93 (in Russian).
- Glanville J., Shi Q. 2020. The Extension of Particularized Trust to Generalized and Out-Group Trust: The Constraining Role of Collectivism. *Social Forces*, vol. 98, no 4, pp. 1801–1828.
- Gudkov L. D. (2012) «Doverie» v Rossii: smysl, funktsii, struktura. [“Trust” in Russia: Meaning, Functions, Structure]. *The Russian Public Opinion Herald = Vestnik obshchestvennogo mnenija*, no 2 (112), pp. 8–47 (in Russian).
- Häuberer J., Tatarko A. (2017) Network Composition, Individual Social Capital and Culture: Comparing Traditional and Post-Modernized Cultures. *Sociological Research Online*, vol. 22, no 2, pp. 1–20.
- Inglehart R. (1997) *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies*, Princeton: Princeton University Press.

- Inglehart R., Baker W. (2000) Modernization, Cultural Change, and the persistence of Traditional Values. *American Sociological Review*, vol. 65, no 1, pp. 19–51.
- Inglehart R., Welzel C. (2010) Changing Mass Priorities: The Link between Modernization and Democracy. *Perspectives on Politics*, vol. 8, no 2, pp. 551–567.
- Jarlykapov A. A. (2014) Islam i konflikt na Kavkaze [Islam and the Conflict in the Caucasus]. *Bol'shoy Kavkaz dvadtsat' let spustya. Resursy i strategii politiki identichnosti* [Greater Caucasus Twenty Years Later. Identity Policy Resources and Strategies] (ed. G. Guseinov), Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 183–215 (in Russian).
- Kaasa A. (2013) Religion and Social Capital: Evidence from European Countries. *International Review of Sociology*, vol. 23, no 3, pp. 578–596.
- Kazenin K. I. (2015) Regulirovanie zemel'nykh otnosheniy v Dagestane: sotsial'no-ekonomicheskie korni «traditsionalizatsii» [Land Property Regulation in Dagestan: Socio-economic Basis of 'Traditionalization']. *Economic Policy = Ekonomicheskaya Politika*, vol. 10, no 3, pp. 113–133 (in Russian).
- Knack S. (2002) Social Capital and the Quality of Government: Evidence from the States. *American Journal of Political Science*, vol. 46, no 4, pp. 772–785.
- Knack S., Keefer P. (1997) Does Social Capital have an Economic Payoff? A Cross-Country Investigation. *The Quarterly journal of economics*, vol. 112, no 4, pp. 1251–1288.
- Korobejnikov A., Akishin A., Gil'fanova D., Dolganov V., Korobejnikov E., Moiseev S. (2015) *Sotsial'naya kapital: al'ternativnyy istochnik energii* [Social Capital: Alternative Source of Energy], Moscow: Aven-tica. Available at: http://gis.psu.ru/wp-content/uploads/2015/12/Коробейников_Социальный-капитал.pdf (accessed 29 April 2021) (in Russian).
- Lancee B. (2010) The Economic Returns of Immigrants' Bonding and Bridging Social Capital: The Case of the Netherlands. *International Migration Review*, vol. 44, no 1, pp. 202–226.
- McDonald S., Mair C. A. (2010) Social Capital Across the Life Course: Age and Gendered Patterns of Network Resources. *Sociological Forum*, vol. 25, no 2, pp. 335–359.
- McFadyen M. A., Cannella A. A., Jr. (2004) Social Capital and Knowledge Creation: Diminishing Returns of the Number and Strength of Exchange Relationships. *WPC: Management and Entrepreneurship*, vol. 47, no 5, pp. 735–746.
- Okoye D. (2021) Things Fall Apart? Missions, Institutions, and Interpersonal Trust. *Journal of Development Economics*, vol. 148, January, pp. 1–78.
- Parsons T., Shils E. A. (1951) *Toward a General Theory of Action*, Cambridge: Harvard University Press.
- Portes A. (1998) Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology. *Annual Review of Sociology*, vol. 24, no 1, pp. 1–24.
- Putnam R. (1993) The Prosperous Community: Social Capital and Public Life. *The American Prospect*, vol. 13, no 4, pp. 35–42.

- Putnam R. (2000) *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*, New York: Simon and Schuster.
- Radnitz S., Wheatley J., Zürcher C. (2009) The Origins of Social Capital: Evidence from a Survey of Post-Soviet Central Asia. *Comparative Political Studies*, vol. 42, no 6, pp. 707–732.
- Rostow W. W. (1960) *The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Shahbanova M. M., Nurilova A. Z. (2015) Spetsifika projavleniya religioznoy identichnosti dagestanskikh narodov [Specificity of the Manifestation of the Religious Identity of the Dagestani Peoples]. *History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus = Istoriya, arheologiya i jetnografiya Kavkaza*, vol. 11, no 1, pp. 141–151 (in Russian).
- Shcherbak A. N., Uhvatova M. V. (2018) Ot “krasnogo poyasa” — k “bibleyskomu”: istoricheskie predposylki sdvigo v politicheskoy geografii Rossii [From “the Red Belt” to “the Bible Belt”: Historical Roots of the Shift in Russian Political Geography]. *Social Sciences and Contemporary World = Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 6, pp. 98–113 (in Russian).
- Sitkevich D. A. (2021) Faktory razvitiya gibridnykh institutsional'nykh soglasheniy v traditsionnykh soobshchestvakh [Factors of Development of Hybrid Institutional Agreements in Traditional Societies]. *Scientific Research of Faculty of Economics. Electronic Journal = Nauchnye issledovaniya Ekonomicheskogo fakul'teta. Elektronnyy zhurnal*, vol. 13, no 1, pp. 7–25 (in Russian).
- Starikov I. G. (2015) Sotsial'nyy kapital i sotsial'naya mobil'nost' v Mahachkale, ili Chto delat', esli u tebya net vlijatel'nykh rodstvennikov? [Social Capital and Social Mobility in Makhachkala, or What if You don't have Influential Relatives?] *Social Sciences and Contemporary World = Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, vol. 4, no 153–164 (in Russian).
- Starodubrovskaya I. V. (2014) Transformatsiya Severnogo Kavkaza: ot traditsionnogo obshchestva k sovremennomu [Transformation of the North Caucasus: From Traditional Society to Modern]. *Pro et Contra*, vol. 18, no 1-2, pp. 96–105 (in Russian).
- Starodubrovskaya I. V. (2015). Neformal'nye instituty i radikal'nye ideologii v usloviyakh institutsional'noy transformatsii [Informal Institutions and Radical Ideologies in the Process of Institutional Transformation]. *Economic Policy = Ekonomicheskaya Politika*, vol. 10, no 3, pp. 68–88 (in Russian).
- Starodubrovskaya I. V., Kazenin K. I. (2014) Severokavkazskie goroda: territoriya konfliktov [North Caucasian Cities: Territory of Conflicts]. *Social Sciences and Contemporary World = Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 6, pp. 70–82 (in Russian).
- Starodubrovskaya I. V., Varshaver E. A., Lazarev E. A. (2016) Tsennosti dagestanskikh musul'man: chto pokazal opros [Values of Dagestan Muslims: What the Survey Showed]. *Caucasian Knot = Kavkazskiy Uzel*. Available at: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/itogi_oprosa_naselenia_Dagestana/ (accessed 29 April 2021) (in Russian).
- Uphoff N. (2000) Operationalizing Social Capital: Explaining and Measuring Mutually Beneficial Collective Action in Rajasthan, India. Available at: <https://www.ircwash.org/resources/operationalizing-social-capital-explaining-and-measuring-mutually-beneficial-collective> (accessed 29 April 2021).

Van Emmerik I. H. (2006) Gender Differences in the Creation of Different Types of Social Capital: A Multi-level Study. *Social Networks*, vol. 28, no 1, pp. 24–37.

Westlund H., Adam F. (2010) Social Capital and Economic Performance: A Metaanalysis of 65 Studies. *European Planning Studies*, vol. 18, no 6, pp. 893–919.

Received: July 15, 2020

Citation: Sitkevich D. (2021) Sotsial'nyy kapital v moderniziruyushchemsya obshchestve: primer Dagestana [Effects of Modernization on Social Capital: Evidence from Dagestan]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 22, no 3, pp. 11–38. doi: [10.17323/1726-3247-2021-3-11-38](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2021-3-11-38) (in Russian).

Е. Н. Гасюкова, А. А. Петрова

Субъективные оценки нестабильной занятости: так ли уж плохо быть нестабильным?

ГАСЮКОВА Елена Николаевна — младший научный сотрудник Лаборатории сравнительного анализа развития постсоциалистических обществ Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», факультет экономических наук. Адрес: 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: egasyukova@hse.ru

В современной литературе мы обнаруживаем две точки зрения исследователей относительно распространения нетипичных трудовых контрактов и траекторий: одни авторы указывают на уязвимость современных работников и ослабление их переговорных позиций; другие подчёркивают гибкий характер занятости работников и их независимость от работодателя. Однако остаётся неясным, как сами работники реагируют на новые условия занятости: нестабильность для них выступает, скорее, благом или оборачивается уязвимостью? Наиболее актуален данный вопрос в отношении квалифицированных молодых работников, поскольку свобода и гибкость трудового процесса обладают для них высокой ценностью. В данной статье предпринята попытка выяснить, какая позиция оказывается ближе нестабильным работникам в России. Для этого используются панельные данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» за 2014–2018 гг., на которых с учётом предшествующего статуса респондента на рынке труда строится переменная нестабильности (объём выборки — 1507 респондентов).

Основным методом анализа является линейная регрессия, в которой зависимой переменной выступают компоненты субъективного благополучия респондента, а ключевым регрессором — переменная нестабильности. Результаты анализа показывают, что трудовая нестабильность не связана с оценками субъективного благополучия респондентов, а также с оценкой своих возможностей трудоустройства. Различия субъективных оценок стабильных и нестабильных работников различного уровня квалификации и достатка также не обнаружены. Полученные выводы позволяют говорить о том, что трудовая нестабильность не воспринимается российскими работниками как особая ситуация на рынке труда, свидетельствующая о негативном или позитивном трудовом и социальном положении индивида.

Ключевые слова: нестабильная занятость; субъективное благополучие; прекаризация; квалифицированные работники; социальное положение; гарантии трудоустройства.

Введение

Вопросы занятости и качества рабочих мест всегда стояли на повестке дня как в академической, так и в политической сфере¹. Часто риторика авторов

¹ В последнее время авторы также стали акцентировать внимание на процессах реструктуризации рынка труда, обусловленных расширением использования автоматизированных устройств, заменяющих работников. Э. Макафи и Э. Бриньолфсон, например, полагают, что цифровизация рабочих процессов является долговременным трендом, который в будущем, вероятно, приведёт к вытеснению многих работников из низкоквалифицированных сфер деятельности: уже сегодня кассиров заменяют автономные

ПЕТРОВА Анастасия Александровна — стажёр-исследователь Лаборатории сравнительного анализа развития постсоциалистических обществ Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», студентка факультета экономических наук НИУ ВШЭ. Адрес: 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email:
petrovaanastasiakh@gmail.com

аналитических отчётов и академических исследований опирается на проблемы ухудшения трудового положения современного работника, его угнетения работодателем и экономии на трудовых издержках. Однако вопросы субъективного благополучия работника, его оценки текущих условий занятости не получали столь пристального внимания и часто не учитывались при обосновании реализации мер, нацеленных на защиту трудовых прав работника. Указывая на закрепление нестандартных и нестабильных форм занятости на рынках труда различных стран, исследователи, как правило, пытались подчеркнуть рост уязвимости работника. Эта риторика также обуславливала популяризацию темы прекаризации — ситуации неустойчивости социального положения индивида, связанной с расширением незащищённых и нестандартных форм занятости [Kalleberg 2009; 2011: 84; Casas-Cortés 2014; Puig-Barrachina et al. 2014; Lemelin 2016]. Но мы полагаем, что новые формы занятости, возможность смены работы не всегда влекут за собой лишь негативную реакцию со стороны работников [Krings, Nierling, Pedaci 2010; Pedulla 2016; Gasiukova, Korotaev 2019]. В данной работе мы хотим обратиться к случаям трудовой нестабильности и понять, как работники оценивают своё положение в условиях этой нестабильности.

К нестабильным работникам мы относим тех, кто часто меняет работу, либо тех, у кого периоды занятости часто сменяются безработицей (смена позиции внутри одной организации не свидетельствует о нестабильности). Для выявления такого типа работников исследователи смотрят на историю карьерных перемещений респондентов и стаж работы на одной вакансии [Kurz, Hillmert, Grunow 2006; Farber 2008]. Обычно для анализа нестабильности занятости в рассмотрение включаются те работники, чей опыт работы на одном месте составляет меньше года, двух [Cho 2004] или трёх лет² [Jansen, Akkerman, Vandaele 2017]. Частая смена работы может быть частью карьерной стратегии успешных профессионалов в ряде отраслей, что иногда именуется портфолийной карьерой [Templer, Cawsey 1999]. В иных случаях трудовая нестабильность служит источником прекаризации — ситуации перманентной нестабильности и постоянного риска падения вниз, утраты текущего социального положения [Gill, Pratt 2008; Arnold, Bongiovi 2013; Dörre 2014; Gasiukova, Korotaev 2019].

Нестабильность по-разному может расцениваться работником и предполагать диаметрально противоположные перспективы профессионального развития. Например, положение работника по формальным признакам характеризуется нестабильностью (продолжительность его работы на одном месте составляет чуть более полугода), и одновременно с этим данный работник положительно расценивает свои шансы трудоустройства и остаётся уверенным в своей востребованности на рынке труда. В то же время можно представить жизнь индивида, в силу каких-то причин вынужденного каж-

кассовые аппараты, опрыскивание растений в Японии на 90% выполняется беспилотными вертолётами, а инспекторы строительных площадок сменяются дронами [Макафи, Бриньолфсон 2019].

² Схожие характеристики были обнаружены и в отношении временных работников: история их трудовой биографии обычно прерывиста и сопряжена с частой сменой работ [Ojala, Nätti, Lipiäinen 2018].

дый год искать новую работу, которому при этом никак не удаётся отложить часть денег «на чёрный день». Его положение характеризуется прекаризацией с присущим ей чувством неопределённости и постоянного риска.

Таким образом, наделение нестабильной трудовой ситуации лишь негативными коннотациями требует критического переосмысления. Что стоит за нестабильным положением работника, остаётся неясным, пока вопрос природы нестабильности не получил достаточного освещения в академической литературе. Данной работой мы хотим внести вклад в заполнение этого пробела, для чего обращаемся к субъективным оценкам стабильных и нестабильных работников, чтобы на основании субъективного восприятия респондентов определить, можем ли говорить о том, что трудовая нестабильность сопряжена с прекаризацией или, скорее, обусловлена логикой карьерной траектории и не связана с негативными оценками работников.

Два взгляда на трудовую нестабильность

В ряде работ авторов, изучающих трудовую нестабильность, положение работников рассматривается прежде всего с точки зрения их уязвимости, ущемлённости трудовых прав и необходимости социальной и материальной поддержки [Monks, Pizer 1998; Standing, Jandrić 2015]. При этом в основном эти авторы акцентируют внимание на низкоквалифицированных работниках и тех негативных тенденциях, которые обуславливают рост их трудовой незащищённости [Marcotte 1995; Gallie, Paugam 2002; Карачук 2009]. Некоторые авторы указывают на негативное субъективное восприятие нестабильности трудового положения [Sennett 1998], опасения по поводу будущего трудоустройства [Urbanaviciute et al. 2020]. Отказ работодателей от гарантий занятости приводит к апатии работников, снижению мотивации [Чуйкова, Сотникова 2016]. По мнению А. Э. Фёдоровой и А. М. Парсюкевич, следствием распространения нестабильных форм занятости может стать ухудшение состояния здоровья трудящихся [Фёдорова, Парсюкевич 2013].

Наряду с исследованиями, освещающими негативные аспекты трудовой нестабильности, мы обнаруживаем работы, в которых демонстрируются положительные стороны нестабильности. Например, частая смена работ может позитивно оцениваться работниками благодаря тому опыту, который они получают в разных коллективах и организационных структурах: на начальных этапах карьеры этот опыт выступает в качестве недоступного другим преимущества, поскольку содействует прояснению целей индивида, кристаллизации его профессиональной идентичности, получению новых знаний и обмену информацией [Direnzo, Greenhaus 2011]. Смена работы часто положительно связана с удовлетворённостью трудовой деятельностью (для определённых социальных групп, таких как молодёжь, женщины и профессионалы с высшим образованием) [Смирных 2009].

Исследователи также обращают внимание на трансформацию запроса со стороны работодателя и соответствующих практик найма работников. Всё чаще работников нанимают для реализации проекта, для выполнения заказа, что предполагает, с одной стороны, краткосрочность трудовых отношений между работником и работодателем и (или) заказчиком, с другой стороны — необходимость обладания работником уже достаточными знаниями и опытом для выполнения подобной работы [Clarke 2008]. Конкурентоспособность работника поэтому в большей степени определяется его способностью удовлетворить запрос заказчика (клиента), а критерием успеха трудовой деятельности становится успешно завершённый проект или подписанный контракт [Templer, Sawsey 1999]. Резюме работника с указанием его участия в различных проектах, его богатый трудовой опыт (что также предполагает трудовую нестабильность) и способность подстраиваться под каждого нового заказчика в таких условиях содействуют удовлетворённости и уверенности работника, повышают его субъективные и объективные шансы дальнейшего трудоустройства (*perceived external employability*) [De Cuyper et al. 2012].

Можно выделить две конкурирующие позиции, касающиеся вопроса субъективного восприятия и оценки работниками современных нестабильных форм занятости. Первая сосредоточивается на негативных тенденциях и уязвимости нестабильных работников³. Логика второго взгляда предполагает более широкую палитру интерпретаций: одни аспекты нестабильности могут оцениваться работниками негативно (например, отсутствие регулярного дохода, непредсказуемость занятости и проч.), другие — положительно (гибкость, конкурентоспособность, возможность попробовать что-то новое, независимость и проч.) [Templer, Cawsey 1999; Fournier, Vujold 2005; Bradley, Devadason 2008]. Такие случаи (второй взгляд) также относятся к портфолийному типу карьеры, когда смена работ составляет необходимый элемент карьерного роста и для некоторых выступает в качестве конкурентного преимущества [Throsby, Zednik 2011; Ashton 2015; Bridgstock et al. 2015].

Нет однозначного ответа и на вопросы о том, приводит ли нестабильность к дальнейшим проблемам в трудоустройстве, является ли отсутствие постоянной работы ловушкой для молодых работников, вышедших на рынок труда и обратившихся к временным подработкам или проектной деятельности [MacDonald 2009]⁴. Так, некоторые исследования показывают, что вступление в ряды нестабильно занятых снижает шансы последующего трудоустройства на «хорошие» вакансии и способно вести к безработице [Bernhardt et al. 1999; Buchholz, Kurz 2005]. Исследование же российского рынка труда показывает, что, несмотря на большую интенсивность переходов между различными местами работы, временность занятости никак не сказывается на дальнейших перспективах трудоустройства российских работников [Гимпельсон, Капелюшников 2006]. Более того, данные показывают, что одно и два перемещения молодых сотрудников за четыре года преимущественно дают положительную отдачу в будущей заработной плате [Рощин, Слесарева 2012]. Среди нестабильных работников также часто встречаются «карьеристы» — работники, из года в год продвигающиеся вверх по карьерной лестнице [Гимпельсон, Капелюшников, Шарунина 2016].

Таким образом, если опираться на имеющуюся литературу, ответы на вопросы о том, как нестабильные работники реагируют на своё положение и кто они — прекарии или гибкие работники с конкурентоспособным резюме, — остаются открытыми. В данной работе мы предпринимаем попытку разобраться в этом на примере российских работников. Отличие российского рынка труда состоит в высокой интенсивности перемещений работников с одной вакансии на другую; среди таких перемещений доминируют восходящие [Гимпельсон, Капелюшников, Шарунина 2016]. Анализ субъективного восприятия российскими работниками своего нестабильного трудового положения оказывается ещё более неоднозначным и требует отдельного рассмотрения.

Гипотезы

В статье мы хотим сосредоточиться на определённой группе работников — людях, проживающих в крупных городах и имеющих высшее образование, которые стали нашими респондентами, (подробнее о методологии написано ниже). Данная выборка позволит отсеять ситуации нестабильности, обусловленные низким уровнем квалификации, относительно неконкурентоспособным возрастом, отсутствием работы в месте проживания⁵. Иными словами, наша задача заключается в том, чтобы понять, как

³ Например, Ж. Т. Тощенко всецело отразил все те трудности и проблемы, с которыми сталкиваются нестабильные работники [Тощенко 2018]; см. также: [Vosko 2010].

⁴ Исследователи также подчёркивают неоднородность срочных трудовых договоров: они могут отличаться по продолжительности, по вероятности перезаключения и по-разному воздействовать на благосостояние и субъективное благополучие работников [Монусова 2019].

⁵ Исследование Э. А. Камалова и Э. Д. Понарина показало, что, например, субъективное благополучие мигрантов определяется в первую очередь их положением приезжего, чужого, нуждающегося в психологической поддержке со стороны таких же переехавших соотечественников [Камалов, Понарин 2020].

реагирует индивид на постоянную смену работ, когда у него и его окружения, скорее всего, есть возможность перейти на более стабильную работу.

Поскольку в последнее время формат гибких, непостоянных, проектных работ⁶ утвердился на рынке труда и не является редким, у работников нестабильная занятость не вызывает негативных эмоций или стигматизирующих ассоциаций. Порой богатый опыт работы над различными проектами, непересекающимися задачами и в различных коллективах даже приветствуется⁷. Многие работники позитивно оценивают предлагаемые им возможности свободы и независимости [Spreitzer, Cameron, Garrett 2017; Shevchuk, Strebkov, Davis 2018]. Зная, что в случае необходимости всегда можно найти подработку, работник не испытывает опасений за своё будущее и страха остаться безработным.

Гипотеза 1 (H 1). Нестабильное трудовое положение не оказывает значимого воздействия на субъективное благополучие.

На разных возрастных этапах как восприятие индивидом нестабильности, так и обращённые к нему ожидания людей не идентичны. В целом заметна склонность молодых людей выше оценивать своё социальное положение по сравнению со взрослыми и пожилыми [Lindemann 2007]. Нестабильная занятость в молодые годы часто рассматривается как некий мостик к взрослой жизни, временный этап в жизни, который следует преодолеть на пути к карьерному росту⁸. Например, исследование канадских работников показало, что наиболее легко и безмятежно воспринимают своё неустойчивое положение молодые работники (21–30 лет), нестабильность в старших возрастах (30–50 лет) уже сопровождается негативными оценками, чувством неудовлетворённости и разочарованиями [Fournier, Bujold 2005]. В России молодые работники также склонны оценивать своё положение как благоприятное, потому, в частности, что молодёжи свойственна бóльшая конкурентоспособность на российском рынке труда, чем взрослому населению [Немировский, Немировская 2018].

Негативные оценки мы обнаруживаем, скорее, у «зрелых» работников. В Великобритании опасения потерять работу чаще присущи работникам старше 35 лет (при этом они могут быть стабильно заняты) [Gallie et al. 2017]. По мнению ряда авторов, положение динамически неустойчивых работников средних возрастов, в расцвете сил главным образом свидетельствуют о нарастающих процессах прекаризации, охвативших развитые общества в последние десятилетия. Беспокойство по поводу своей занятости и будущих потоков доходов может быть обусловлено как семейными обязательствами, так и затянувшимися ожиданиями, переоценкой предшествующего трудового пути и своих потерь в результате выбора нестабильности.

Гипотеза 2 (H 2). Оценки субъективного благополучия нестабильными работниками, находящимися на различных этапах жизненного пути, будут различаться: индивиды старших возрастов более негативно воспринимают ситуацию нестабильности, чем молодые работники.

Нам также интересен вопрос локализации нестабильности в некоторой профессиональной сфере, поскольку субъективная удовлетворённость своим положением может быть обусловлена особенностями профессионального поля, в которое погружён индивид. Например, если в какой-то сфере спрос на рабочие кадры значительно ниже предложения, работники этой профессиональной области, сумевшие

⁶ С 1986 г. наблюдается рост фиксированных контрактов. С 2000-х гг. доля таких контрактов в среднем остаётся неизменной и для стран, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития, на 2017 г. составляет чуть более 10%; схожая динамика присуща частичной занятости, средний показатель доли которой составляет 15% [OECD... 2019: 58–59]. Удельный вес временной занятости в России в 2015 г. составил 9% [Гимпельсон, Капелюшников, Рошин 2017].

⁷ О порфоллийности как ресурсе см.: [Goncharova et al. 2016].

⁸ Исследование образованной молодёжи в Китае, например, показало, что молодые люди готовы переносить временные тяготы низких заработных плат и некомфортных жилищных условий ради будущих достижений [Wang, Wei, Yu 2017].

трудоустроиться, могут постоянно испытывать страх потерять работу и быть заменёнными другими претендентами.

Согласно последним исследованиям, признаки нестабильного положения работников обнаруживаются в различных профессиональных сферах, вне зависимости от уровня квалификации работников. Авторы пишут о нестабильности трудового положения работников некоторых профессий, о необходимости для них браться за временные подработки или искать дополнительные источники доходов. Это касается как работников творческих профессий [Пивоваров, Хохлова 2014], нефизического труда [Аникин 2019], так и рабочих [Morris 2013], поэтому мы не можем судить о локализации нестабильности в рамках определённой профессиональной группы или приписывать характеристики неустойчивости занятости только низкоквалифицированным работникам. Однако, если для многих квалифицированных работников частая смена работ или участие в различных проектах содействует профессиональному росту или формированию престижного портфолио, то для низкоквалифицированных работников нестабильность не несёт очевидных преимуществ.

Гипотеза 3 (H 3). Низкоквалифицированные нестабильные работники чувствуют себя менее благополучно, чем квалифицированные.

Прежде чем приступить к самому анализу и проверке гипотез, мы хотели бы подробнее остановиться на концепте субъективного благополучия (СБ) и его операционализации, а также уделить внимание краткой детализации ключевых переменных, используемых в анализе.

Понятие «субъективное благополучие» (СБ)

Сегодня многие исследовательские проекты осуществляются с неизменным включением в анализ вопросов о субъективном благополучии индивидов, на основе этих вопросов также оценивается эффективность различных направлений экономической политики. В 1984 г. вышла известная статья психолога Э. Динера, в которой автор обобщил известные тексты по проблематике субъективного благополучия и продемонстрировал возможности его измерения [Diener 1984; 2000]. Позднее концепт был развит в работах Д. Канемана⁹ и А. Дитона¹⁰, которые показали, что субъективное благополучие можно рассматривать с точки зрения эмоциональных состояний, сопровождающих жизнь человека (радость, стресс, печаль, гнев и др.), и с точки зрения осознанных оценок собственной жизни [Kahneman, Deaton 2010]. Однако повышение одной из этих оценок не всегда сопряжено с повышением другой [Brulé, Maggino 2017]. Рост дохода, например, приводит к удовлетворённости своим социальным положением, но не обязательно содействует эмоциональному благополучию.

Нас интересует воздействие трудовой нестабильности на субъективное благополучие; на этом вопросе мы и фокусируемся в данной статье. Для ответа на этот вопрос мы привлекаем наиболее общее понимание субъективного благополучия и опираемся на следующее определение: СБ — это «восприятие индивидом своего положения в обществе по отношению к его целям, ожиданиям и стандартам в контексте культуры и ценностной системы, в которой он существует» (цит. по: [Camfield, Skevington 2008: 765]). Однако в отношении операционализации концепта мы обнаруживаем различные вариации измерения субъективного благополучия [Karpeyn et al. 2015]. Его компонентами могут выступать: эмоциональная стабильность и позитивная оценка своей жизни и (или) деятельности [Huppert, So 2013]; когнитивные оценки своего социального положения и эмоциональное (позитивное и негативное) состояние индивида [Diener 1984; Канеман 2014: 517; Kopsov 2019]; удовлетворённость своими возможностями (*evaluative well-being*) и своей ежедневной жизнью (*hedonic well-being*) [Graham 2016]; удовлетворён-

⁹ Нобелевский лауреат по экономике 2002 г.

¹⁰ Нобелевский лауреат по экономике 2015 г.

ность текущей жизнью [Кученкова, Татарова 2019] и оценка будущих перспектив [Kopsov 2019]. Ряд авторов, помимо общей и эмоциональной оценки своей жизни, связывают субъективное благополучие с удовлетворённостью трудовым положением [Kalleberg 2018; Монусова 2019]. При этом оценка трудового положения может разделяться исследователями на несколько независимых компонент: (1) оценка неустойчивости трудового положения (*job insecurity* — опасение возможной потери работы) [Geishecker 2012]; (2) оценка своих возможностей трудоустройства [De Cuypere et al. 2008]; (3) удовлетворённость текущей работой [Diener 2000; Монусова 2019]. В других работах авторы в качестве отдельной компоненты СБ вводят удовлетворённость балансом «работа — жизнь» (обычно измеряется с помощью вопроса: «Насколько Вы удовлетворены балансом времени, которое Вы уделяете оплачиваемой работе и другим сферам Вашей жизни?») [Shevchuk, Strebkov, Davis 2019].

Данные исследования и методологические находки послужили отправной точкой для операционализации СБ в рамках поставленных нами вопросов. Аналогично подходам других авторов, для оценки СБ респондентов мы решили использовать метод главных компонент. За основу были взяты данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (Russia Longitudinal Monitoring Survey — Higher School of Economics — RLMS-HSE) за 2012–2018 гг.

Отобранные вопросы относительно социального положения индивида апеллировали к двум разным тематическим полям: (1) удовлетворённость своей жизнью и жизнью своей семьи; (2) восприятие индивидом своего положения относительно других. Для каждой из этих групп вопросов был проведён свой анализ. В итоге была получена компонента удовлетворённости жизнью (61% объяснённой дисперсии), отражающая оценку респондентом своей жизни и материального положения, его динамики, а также компонента восприятия своего социального положения в обществе (64% объяснённой дисперсии), состоящая в оценке индивидом своего места на шкале социальной лестницы.

Вопросы об оценках трудового положения также были разделены на две группы, и к каждой из них применён анализ метода главных компонент. Вопросы первой группы включали переменные о параметрах работы респондента, второй — о шансах трудоустройства. Данные вопросы не коррелировали между собой и отражали различные аспекты трудовой деятельности индивида. В итоге компонента параметров текущей работы (55% объяснённой дисперсии) описывала удовлетворённость респондентами условиями их текущей занятости и оплаты труда. Компонента неустойчивости трудового положения показывала уверенность в продолжении своей трудовой деятельности (71% объяснённой дисперсии). Другие связанные по смыслу вопросы (например, о вынужденном неоплачиваемом отпуске, уменьшении зарплаты или сокращении часов не по желанию) были отброшены в силу невысокой корреляции (не более 0,2) между переменными.

В таблице 1 представлены выбранные для анализа переменные, сгруппированные согласно выявленным в ходе анализа компонентам¹¹.

¹¹ Похожие параметры, а именно «удовлетворённость материальным положением», «удовлетворённость работой и возможностями профессионального роста», были выделены А. В. Кученковой и Г. Г. Татаровой как наиболее важные (связанные с обобщённым индексом СБ) на протяжении всей жизненной траектории [Кученкова, Татарова 2019].

Таблица 1

Компоненты субъективного благополучия

Компонента	Переменные (вопросы)
Оценка удовлетворённости жизнью (модель 1)	Скажите, пожалуйста, насколько Вы удовлетворены своим материальным положением в настоящее время? Скажите, пожалуйста, как изменилось материальное положение Вашей семьи за последние 12 месяцев? Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом в настоящее время?
Оценка индивидуального социального положения в обществе (модель 2)	Представьте себе, пожалуйста, лестницу из девяти ступеней, где на нижней, первой ступени, стоят нищие, а на высшей, девятой, — богатые. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня Вы лично? А теперь представьте себе, пожалуйста, лестницу, из девяти ступеней, где на нижней ступени стоят совсем бесправные, а на высшей — те, у кого большая власть. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня Вы лично? И ещё одна лестница из девяти ступеней, где на нижней ступени находятся люди, которых совсем не уважают, а на высшей — те, кого очень уважают. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня Вы лично?
Оценка параметров текущей работы (модель 3)	Скажите, пожалуйста, насколько Вы удовлетворены или не удовлетворены Вашей работой в целом? Скажите, пожалуйста, насколько Вы удовлетворены или не удовлетворены условиями Вашего труда? Скажите, пожалуйста, насколько Вы удовлетворены или не удовлетворены оплатой Вашего труда? Скажите, пожалуйста, насколько Вы удовлетворены или не удовлетворены возможностями Вашего профессионального роста?
Оценка неустойчивости трудового положения (модель 4)	Насколько Вас беспокоит то, что Вы можете потерять работу? Представьте себе не очень приятную картину: предприятие, организация, где Вы работаете, по каким-то причинам завтра закроется, и все работники будут уволены. Насколько Вы уверены в том, что сможете найти работу не хуже той, на которой работаете сейчас?

Переменная нестабильности

Переменная трудовой нестабильности строилась на основе данных о занятости респондента в текущем году и в двух предыдущих. Респондент причислялся к нестабильно занятым, если в течение трёх лет подряд менял свой статус занятости не менее двух раз, то есть периоды занятости (не более одного года) у него чередовались с безработицей, переходом к другому работодателю или со сменой профессии. Поскольку далеко не все респонденты из данной волны участвовали в предыдущих двух волнах RLMS-HSE, полученная переменная имеет большой процент пропущенных значений. В ряде случаев данные о статусе занятости за какой-то один из трёх лет отсутствовали, но иногда данных за два года было достаточно для причисления респондента к нестабильным: например, если респондент в 2015 г. «не работает», в 2014 г. «сменил работу и (или) профессию», то на 2015 г. он имеет статус нестабильности независимо от его трудового положения в 2013 г., поскольку известно, что в течение трёх подряд идущих лет он минимум дважды менял свой статус занятости. Такие случаи, когда за один год данные отсутствовали, а по двум другим годам можно было определённо сказать, что работник нестабильный или стабильный, также были включены в анализ. Для того чтобы обеспечить достаточный размер выборки, были объединены базы за 2014–2018 гг. Для каждого респондента в каждом году была рассчитана при наличии возможности переменная трудовой нестабильности (то есть суммарно использованы базы 2012–2018 гг.). В отношении тех респондентов, для которых удалось вычислить переменную нестабильности, был отобран наиболее поздний статус нестабильности. Прочие используемые в анализе переменные взяты за тот же год, что и переменная нестабильности. В итоге к стабильным работникам были отнесены 1019 респондентов, к нестабильным — 138.

Данные 2014–2018 гг. были включены в анализ, поскольку этот период характеризуется относительной однородностью экономического развития страны (преобладает ниспадающий тренд) и отсутствием изменений показателей занятости. С 2014 г. происходили снижение реальных располагаемых доходов россиян [Гельман, Травин, Заостровцев 2017: 195; Кузьминов, Орехин, Нетреба 2020: 47] и рост уровня бедности россиян [Кузьминов, Орехин, Нетреба 2020: 59], хотя показатели безработицы варьировали примерно на одном и том же уровне — около 5,5%. С 2019 г., согласно Федеральному закону № 350-ФЗ, были изменены размеры минимальной и максимальной величин пособия по безработице для граждан и уточнено понятие «категория лиц предпенсионного возраста». Данные изменения могли позитивно повлиять на субъективные оценки устойчивости трудового и материального положения респондентов (в частности, поэтому анализ был ограничен 2018 г.). Также с 2019 г. становится наиболее явным снижение численности рабочей силы, обусловленной старением населения [Доклад об экономике... 2019: 17].

Социально-демографические показатели

Анализ строился на данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» за 2012–2018 гг., объём выборки составил 1507 наблюдений. В соответствии с целями исследования были отобраны респонденты с высшим образованием (при этом к таким относились и те, кто на момент опроса имел лишь три года обучения в высшем учебном заведении и более), проживающие в городах с населением свыше 250 тыс. человек (данные города в градостроительной классификации называются крупными [Градостроительный кодекс... 1998]), возраст респондентов варьировался от 20 до 40 лет включительно. Чтобы устранить эффект влияния безработицы (к нестабильным работникам могли относиться респонденты, являющиеся безработными на последний из трёх рассматриваемых лет) на оценки СБ, в анализ были включены лишь работающие респонденты.

В таблице 2 представлена описательная статистика основных социально-демографических параметров, характеризующих респондентов. Как видим, стабильные работники немного чаще имеют партнёра и детей; медианный уровень их дохода в крупных городах несколько выше, чем у нестабильных работников.

В регрессионном анализе контрольными переменными выступали возраст респондента, наличие партнёра, наличие детей, пол. В анализ также был включён логарифм относительного дохода. Базой для сравнения личного дохода респондента послужила медиана доходов, характерная для определённого типа населённого пункта. В силу высокой региональной дифференциации в России было решено поделить города проживания респондентов на три группы согласно численности их резидентов (до 605 тыс. человек; от 605 до 1250 тыс. человек; свыше 1250 тыс. человек) и определить медиану присутствующих этим городам доходов (28 тыс. руб.; 30 тыс. руб.; 40,1 тыс. руб. соответственно). Дополнительно была введена переменная принадлежности к малообеспеченной группе: к ней причислялись те, чей относительный доход был ниже уровня доходов 25% самых обеспеченных респондентов.

Таблица 2

Описательная статистика для стабильных и нестабильных респондентов

Социально-демографические характеристики	Стабильные, чел. (доля у стабильных, %)	Нестабильные, чел. (доля у нестабильных, %)
Пол (муж.)	456 (45%)	71 (52%)
Наличие партнёра	768 (75%)	90 (65%)
Наличие детей	655 (64%)	66 (48%)
Малый город (< 605 тыс. чел.)	334 (33%)	37 (27%)
Средний город (605–1250 тыс. чел.)	337 (33%)	59 (43%)
Крупный город (> 1250 тыс. чел.)	348 (34%)	42 (30%)
Малообеспеченные	216 (23%)	28 (22%)
Медиана доходов в малом городе	27 тыс. руб.	28 тыс. руб.
Медиана доходов в среднем городе	30 тыс. руб.	28 тыс. руб.
Медиана доходов в крупном городе	45 тыс. руб.	40 тыс. руб.
Всего, чел.	1019	138

Профессиональная классификация

Профессия респондента операционализировалась с помощью классовой схемы Д. Оеща, который предложил группировку профессий¹², известную как ISCO-08 и строящуюся согласно вертикальным (уровень квалификации) и горизонтальным (логика работы) различиям профессий респондентов [Oesch 2006]. В одной из версий таких группировок Оеща все профессии ISCO-08 делятся на восемь групп¹³, которые и послужили для нас основой для классификации профессиональных областей. Мы решили отказаться от выделения отдельных двух групп из этой классификации — мелких и крупных предпринимателей — в силу их малочисленности и перекодировали их в одну из этих шести оставшихся групп¹⁴ по коду ISCO-08. Итоговая классификация профессиональных групп с указанием их численности и учетом нестабильности представлена в таблице 3.

¹² International Standard Classification of Occupations (ISCO) — Международная стандартная классификация занятий (МСКЗ).

¹³ Переменная принадлежности к одной из восьми групп была создана с помощью макроса, доступного на личном сайте Д. Оеща; там же представлен список кодов ISCO-08 для каждой из этих групп (см. <http://people.unil.ch/danieloesch/scripts/>).

¹⁴ Преимущественно профессиональная деятельность этих респондентов относилась к наёмному труду и не имела чётко выраженных отличий от деятельности других шести укрупнённых групп профессий (например, руководители в магазинах; инженеры-электроники; спортивные инструкторы, тренеры; художественный вспомогательный персонал; ремесленники).

Таблица 3

Классификация профессиональных статусов

Логика работы	Вертикальная позиция	Профессиональный статус и (или) класс	Детализация, примеры профессий	Респонденты	
				стабильные	нестабильные
Техническая	Выше	Технические (полу)профессионалы	Инженеры, программисты, технические научные сотрудники	169 (17%)	27 (20%)
		Рабочие	Рабочие в промышленности, сельском хозяйстве, лесном, рыболовном секторах, строительстве	74 (7%)	10 (7%)
Организа- ционная	Выше	Менеджеры и (или) администраторы	Бизнес-администраторы, менеджеры	404 (40%)	55 (41%)
		Клерки	Секретари, банковские служащие, офисные работники	68 (7%)	6 (5%)
Межлич- ностная	Выше	Социокультурные (полу)профессионалы	Врачи, учителя, преподаватели вузов, юристы	173 (17%)	22 (17%)
		Работники сферы услуг	Продавцы, няни, повара, уборщики	114 (11%)	13 (10%)
Итого				1002 (100%)	133 (100%)

Сравнительное распределение респондентов по профессиональным группам и критерий проверки связи χ^2 показали, что нестабильность не локализуется в рамках какой-то определённой профессиональной области: соотношение профессиональных классов по Оещу оказалось приблизительно идентичным для нестабильных и стабильных респондентов (см. табл. 3).

В регрессионном анализе данные профессиональные группы были включены в модель в укрупнённом виде как профессионалы и непрофессионалы. Если класс респондента относился к высокому уровню квалификации (инженеры, менеджеры, социокультурные профессионалы), то эти группы индивидов причислялись к профессионалам; другие классы с низким уровнем квалификации были отнесены к непрофессионалам (рабочие, клерки, работники сферы услуг). Данное укрупнение позволило увеличить численность исследуемых профессиональных групп. В итоге было получено следующее распределение работников:

- стабильные профессионалы: 746 респондентов;
- нестабильные профессионалы: 104 респондента;
- стабильные непрофессионалы: 256 респондентов;
- нестабильные непрофессионалы: 29 респондентов.

Проблема смещения

Как было указано ранее, анализируемая выборка включала большую долю пропущенных данных по переменной «нестабильность»: на 1507 случаев приходилось 350 пропущенных данных. Построение регрессионных линейных моделей при исключении из анализа респондентов с пропущенными данными может приводить к смещению оценок коэффициентов β при независимых переменных. Оценка является асимптотически несмещённой, если вероятность того, что значение независимой переменной пропущено, не зависит от объясняемой переменной Y , то есть [White, Carlin 2010; Arel-Bundock, Pelc 2018].

$$P(Rx = 1 | Z, Y) = P(Rx = 1 | Z),$$

где Rx — бинарный индикатор пропущенных значений по переменной «нестабильность» ($Rx = 0$ для тех респондентов, у которых значение нестабильности отсутствует, $Rx = 1$ — для остальных);

Z — прочие независимые переменные.

Данную проверку можно осуществить с помощью регрессии, где зависимой переменной является Rx , независимыми — прочие задействованные в анализе переменные, а также Y [Bartlett, Harel, Carpenter 2015; Hughes et al. 2019], что и было сделано. Проверка показала, что случаи пропуска данных по переменной нестабильности не связаны с компонентами СБ в моделях 1, 2 и 3, однако оценки неустойчивости трудового положения (модель 4) характеризуются наличием значимой связи с пропуском данных по переменной нестабильности, поэтому существует риск получить смещённые оценки в модели 4. Для того чтобы понять, насколько отличны результаты оценок регрессии, построенной на полных случаях, от оценок модели, в которой пропущенные данные были бы заполнены реальными случаями, нами осуществляется процедура импутации пропущенных данных и проводится сравнение результатов модели 4 и той же модели на импутированных данных.

Импутация предполагает подстановку пропущенного значения некоторой переменной X на основе значений прочих переменных Z . Так стохастическая регрессионная импутация оценивает коэффициенты β_z регрессии $X \sim Z$ на основе известных значений X_{obs} и позволяет вычислить неизвестные:

$$X_{imp} = \beta_z Z + e,$$

где e (последнее слагаемое) — случайная «ошибка» — отражает неопределённость связи X и Z , существующей в наблюдаемых данных (наличие данного члена отражает термин «стохастическая»).

Результат такой процедуры является неопределённым в силу наличия случайной ошибки, поэтому один и тот же алгоритм импутации на одних и тех же данных может давать различные результаты. Чтобы снизить эту вариативность результатов, осуществляется множественная импутация: генерируются несколько баз данных с импутированными значениями на основе единственной исходной, с последующим независимым проведением анализа на каждой из них и усреднением полученных коэффициентов. Итоговые коэффициенты и их стандартные ошибки получаются с помощью правил, предложенных Д. Рабиным (см.: [Buuren 2018: 42–43]).

Результаты анализа модели 4 на импутированных данных показали (см. приложение 1), что выявленные значимые связи и коэффициенты при независимых переменных аналогичны тем, что получены в модели 4, построенной на выборке из полных случаев (см. табл. 4). Следовательно, можно утверждать, что пропуск данных по переменной «нестабильность» не приводит к смещению результатов оценки связи между компонентой неустойчивости трудового положения и самой нестабильностью.

Регрессионные модели

Поскольку полученные компоненты СБ (зависимые переменные) имели интервальную шкалу, методом анализа выступила линейная регрессия. В таблице 4 представлены результаты регрессионного анализа. В каждой модели, помимо независимых предикторов, в анализ включено взаимодействие переменных нестабильности и принадлежности к малообеспеченной группе. В модели со значком «А» включено взаимодействие нестабильности и принадлежности к группе профессионалов, а взаимодействие нестабильности и малообеспеченности исключено из этих моделей. В моделях 1, 2, 3, 4 и 1А, 2А, 3А,

4А предикторы одинаковы, отличаются только переменные интеракции, поэтому в таблице 4 представлены лишь коэффициенты и стандартные ошибки для моделей с анализом взаимодействия нестабильности и малообеспеченности (переменная профессионализма здесь рассматривается без интеракции) и отдельно показаны только коэффициенты и стандартные ошибки нестабильности и интеракции моделей с расширением «А».

В приложении 2 (см. табл. П2.1) представлены модели, в которые включены те же предикторы, что в моделях 1–4, но интеракция рассмотрена лишь в отношении переменных нестабильности и возраста. Ниже дана графическая иллюстрация (см. рис. 1) различий коэффициентов при переменных возраста для стабильных и нестабильных работников.

Результаты анализа

Таблица 4

Результаты регрессионного анализа: детерминанты субъективного благополучия

Независимые переменные	Модель 1: удовлетворённость жизнью	Модель 2: Социальное положение в обществе	Модель 3: параметры текущей работы	Модель 4: неустойчивое трудовое по- ложение
Нестабильность	– 0,18 (0,13) ^(a)	– 0,19 (0,15)	– 0,18 (0,16)	0,10 (0,13)
Партнёр	0,34 (0,10) ^{***}	0,10 (0,11)	0,14 (0,11)	0,13 (0,09)
Дети	– 0,20 (0,10) [*]	– 0,33 (0,11) ^{***}	– 0,12 (0,12)	– 0,14 (0,10)
Логарифм относительного дохода	0,18 (0,04) ^{***}	0,13 (0,04) ^{***}	0,08 (0,04) [*]	0,10 (0,04) ^{***}
Возраст	– 0,05 (0,01) ^{***}	0,01 (0,01)	– 0,01 (0,01)	– 0,03 (0,01) ^{***}
Пол (муж.)	– 0,19 (0,08) ^{**}	– 0,04 (0,09)	– 0,17 (0,09) [*]	– 0,04 (0,08)
Малообеспеченная группа	– 0,53 (0,11) ^{***}	– 0,52 (0,12) ^{***}	– 0,29 (0,13) ^{**}	– 0,02 (0,11)
Профессионал	0,19 (0,09) ^{**}	0,23 (0,10) ^{**}	0,52 (0,10) ^{***}	0,00 (0,09)
Нестабильность × малообеспеченная группа	0,04 (0,30)	0,53 (0,31) [*]	– 0,01 (0,34)	0,43 (0,30)
Нестабильность ^{(b)A}	– 0,19 (0,26)	– 0,20 (0,28)	– 0,01 (0,29)	0,18 (0,27)
Нестабильность × профессионал ^A	0,03 (0,29)	0,16 (0,31)	– 0,22 (0,33)	– 0,01 (0,30)
<i>Radj2</i>	0,11	0,05	0,04	0,03
<i>N</i>	1071	1076	1084	1121

Примечания:

^(a) В скобках указаны стандартные ошибки.

^{(b)A} Представлены модели с включением одной интеракции «нестабильность × профессионал»; интеракция «нестабильность × малообеспеченная группа» в данных моделях опущена.

* $p < 0,10$ (*two-tailed t-tests* — двусторонний t-тест); ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

Трудовая нестабильность, согласно полученным результатам, незначима при оценке удовлетворённости своей жизнью (модель 1). Различия также не были обнаружены при исследовании нестабильности в рамках малообеспеченных или низкоквалифицированных групп работников (сумма коэффициентов

по двум переменным нестабильности и интеракции не отличается от нуля). Все остальные включённые в анализ предикторы оказались значимы. Молодые, обеспеченные, с высоким уровнем квалификации и имеющие партнёра респонденты отличаются более высокими оценками своей жизни; также регрессионный анализ показал, что женщины выше, чем мужчины, оценивают своё текущее положение.

Нестабильность оказывается незначима при оценивании респондентами своего социального положения в обществе, в том числе и для малообеспеченных, и для низкоквалифицированных работников (модель 2). Как и предполагалось нами ранее, данный феномен можно объяснить высокой интенсивностью переходов работников с одного места на другое, поэтому временное пребывание в ситуации безработицы или частая смена работ не сопряжены с негативным восприятием своей текущей ситуации (о практиках выживания и о том, как рабочие справляются с трудовой неопределённостью, см.: [Morris 2016]). Значимыми предикторами выступили уровень дохода и квалификации: данные переменные положительно связаны с компонентами СБ. При этом более низкие самооценки присущи респондентам с детьми. Можно предположить, что родители чаще обеспокоены неспособностью обеспечить достойное воспитание и образование детям, что снижает их оценки на шкале социальной лестницы. Дополнительный анализ, основанный на расчёте хи-квадрата χ^2 , показал, что опасения невозможности обеспечить семью всем необходимым положительно связаны с наличием детей в семье.

Значимая связь между нестабильностью и оценками параметров текущей работы также не была обнаружена (модель 3). Проверка суммы коэффициентов перед переменными «нестабильность» и интеракции нестабильности и малообеспеченности (квалифицированности) также свидетельствует о том, что нет значимых различий между стабильными и нестабильными группами работников с разным уровнем доходов или квалификации. В то же время принадлежность к малообеспеченной группе респондентов и более низкий уровень дохода понижают оценки текущей работы респондентов, а более высокий уровень профессионализма — повышает. Иными словами, индивиды, в первую очередь оценивая свою работу, ориентируются на такие традиционные её характеристики, как уровень дохода и квалификация труда. Модель 3 также показала, что мужчины чаще недовольны своей работой, чем женщины, что, скорее всего, обусловлено более высокими требованиями у мужчин к оплате труда и возможностям карьерного роста.

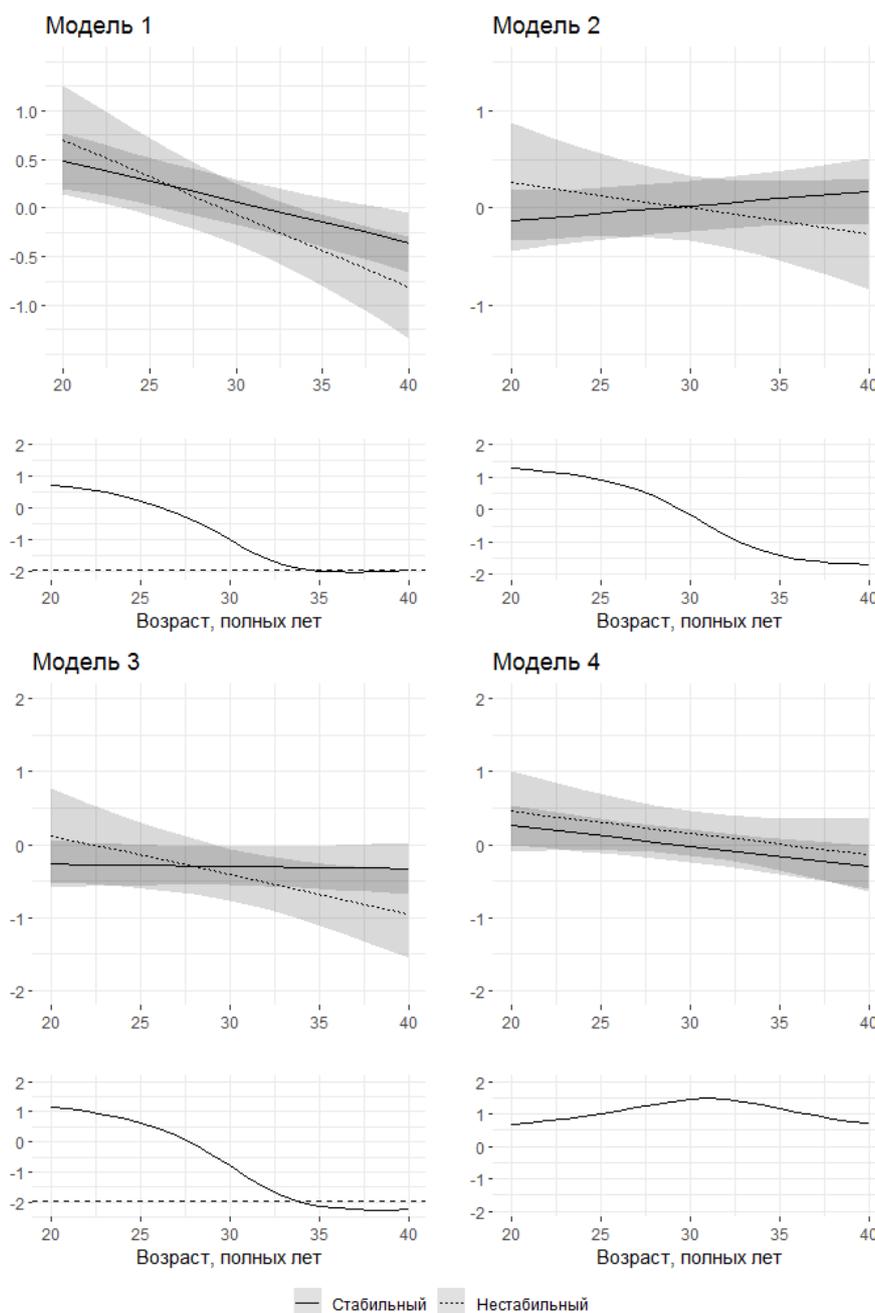
Трудовая нестабильность не связана с оценкой устойчивости трудового положения; данный эффект также не был выявлен в отношении малообеспеченных и низкоквалифицированных групп (модель 4). При этом оценки возможностей трудоустройства связаны с уровнем дохода работника и его возрастом. Более высокий доход работника положительно сказывается на уверенности быть трудоустроенным. С возрастом эта уверенность снижается: отечественные исследования показывают, что в России уровень заработных плат начинает снижаться преимущественно до достижения работником 40 лет [Гимпельсон 2019], а при приближении к этому возрастному порогу найти работу становится всё сложнее (в объявлениях о вакансиях предельный возраст кандидата на работу составляет 40 лет [Козина, Зангиева 2014]).

Таким образом, на основе осуществлённого анализа не была обнаружена ни одна значимая связь компонентов СБ и трудовой нестабильности, что позволяет говорить о том, что смена работы для индивида не выступает признаком слабой трудовой позиции и при этом не отличает нестабильного работника от всех остальных.

Однако вопрос о том, одинаково ли нестабильные и стабильные работники на разных этапах жизненного пути оценивают свои трудовые позиции и положение в обществе, остаётся. Модели 1 и 4 показали, что чем старше работник, тем менее позитивно он оценивает свои шансы трудоустройства и менее удовлетворён своей жизнью; в моделях 2 и 3 значимые связи между нестабильностью и СБ не были обнаружены. Но можем ли мы говорить, что полученные результаты постоянны для всего исследуе-

мого возрастного промежутка, охватывающего хотя и однородный, но довольно длинный возрастной промежуток в 20–40 лет?

Для ответа на этот вопрос дополнительно была построена регрессионная модель с теми же предикторами, что и в моделях 1–4, но с введением в анализ одной интеракции переменных возраста и нестабильности (см. приложение 2). Построенные нами графики (см. рис. 1) предельных эффектов воздействия возраста для стабильных и нестабильных групп работников на разные компоненты СБ демонстрируют, что с учётом величины стандартной ошибки различия коэффициентов при возрасте минимальны, хотя в некоторых моделях (например, в модели 2) связи оказываются противонаправленными.

Примечание: На верхних графиках каждой модели указаны предельные эффекты возраста; на нижних — представленные z-оценки разницы коэффициентов при переменной «возраст»; пунктиром обозначена величина —1,96 стандартной ошибки.

Рис. 1. Различия коэффициентов при переменной «возраст» для стабильных и нестабильных работников

Дополнительно была проведена z-оценка разницы коэффициентов при переменной «возраст» для случаев стабильности и нестабильности. На рисунке 1 видно, что для моделей 1 и 3 различия коэффициентов оказываются значимы, то есть в старших возрастах, к 35 годам, субъективное благополучие нестабильных работников начинает отличаться от субъективных оценок стабильных работников: оценки нестабильных индивидов снижаются. Тренд на увеличение этих различий сохраняется вплоть до 40 лет, что говорит в пользу того, что, скорее всего, в возрасте 40 лет и старше будут наблюдаться явные различия между СБ стабильных и нестабильных работников (данный анализ может быть реализован в дальнейших исследованиях с включением в рассмотрение работников старших возрастов).

Заключение

В большинстве современных исследований, посвящённых теме трудовых отношений, трансформирующиеся условия занятости часто рассматриваются с негативной точки зрения, а положение работника описывается в терминах уязвимости и беспомощности. Однако данные тезисы, мы полагаем, не могут быть приняты на веру и нуждаются в эмпирическом подтверждении, что и было предпринято в данной работе. Анализ показал, что нестабильность на рынке труда не связана с удовлетворённостью жизнью респондентов и оценкой их социального и трудового положения¹⁵. Иначе говоря, страх быть уволенным или восприятие своей уязвимости не различаются у стабильных и нестабильных работников (см. также про отличия восприятия шансов трудоустройства российских и немецких работников: [Сизова, Леонова, Хензе 2017]). В то же время классические параметры дохода, семейного статуса (наличие партнёра, детей), уровня квалификации, возраста остаются значимыми критериями: индивиды классифицируют друг друга и оценивают своё положение, полагаясь на устоявшиеся и всеми разделяемые принципы, к которым не относится трудовая нестабильность.

Опираясь на полученные результаты, можно говорить о том, что нестабильность не обязательно сопряжена с погружением в прекаризованное состояние и с негативными оценками трудового положения. Нестабильные работники так же (не)благополучно себя чувствуют, как стабильные, что согласуется с гипотезой 1 (H 1). К аналогичным выводам пришла Г. Монусова: «Если занятые обладают схожим человеческим капиталом, занимают похожие рабочие места, то у них практически нет различий в удовлетворённости жизнью и удовлетворённости трудом и в оценке социального статуса» [Монусова 2019: 46–47]. В дополнение к этому нами было установлено, что нестабильными являются работники различных профессиональных сфер, и, скорее, их квалификация и уровень дохода определяют присущее им СБ, а не трудовая нестабильность. На основе этих результатов можно предложить две возможные интерпретации отсутствия значимых связей нестабильности и СБ: либо трудовая нестабильность настолько широко представлена в обществе (охватывает различные группы населения, присутствует повсеместно) и столь незаметна, что индивиды не реагируют на ситуации нестабильности как на что-то отклоняющееся от нормы; либо опыт нестабильности, прецеденты решения проблем с поиском работы нивелируют негативные оценки и опасения за будущее трудоустройство и приводят к тому, что оценки СБ нестабильных работников оказываются схожими с оценками стабильных¹⁶. Первое объяснение касается коллективных представлений, а второе — персональных. Дополнительные исследования позволили бы показать, какая из предложенных интерпретаций более правдоподобна, что, в свою очередь, содействовало бы развитию продолжающейся дискуссии о взаимосвязи объективного (в нашем случае — нестабильности) и субъективного показателей благополучия [Сальникова 2017].

¹⁵ В. Е. Гимпельсон и Е. М. Чернина также показывают, что субъективные представления индивида о своём социальном положении не зависят от объективных показателей (в частности от динамики доходов) [Гимпельсон, Чернина 2020].

¹⁶ Г. А. Монусова предлагает иное объяснение позитивного настроения работников с нестандартной занятостью: осознавая высокие шансы оказаться без работы, текущий факт наличия работы компенсирует возможный пессимизм работников [Монусова 2019].

Анализ также выявил, что более высокие показатели СБ присущи, скорее, высококвалифицированным и молодым работникам; при этом пребывание в нестабильности практически не приводит к снижению этих оценок (кроме старших возрастов в моделях 1 и 3; см. рис. 1). Таким образом, гипотезы 2 (H 2) и 3 (H 3) не получили подтверждения. Если более низкие оценки взрослых и малоквалифицированных работников не вызывают вопросов и отражают давно прослеживаемые тенденции, то отсутствие значимых различий между стабильными и нестабильными работниками на различных этапах жизненного пути (см., например: [Бескова 2014; Кученкова, Татарова 2019]) и с различным уровнем профессионального капитала (см., например: [Монусова 2019]) требует дальнейшего анализа и объяснения с привлечением дополнительных эмпирических данных. Отметим, что в статье охвачен не столь длительный период работы каждого респондента — три года. В связи с этим остаются вопросы относительно субъективных оценок нестабильных индивидов, рассмотренных на длительном временном промежутке. Готовы ли индивиды пребывать в ситуации постоянной смены работы в течение длительного периода? Тождественна ли нестабильность в краткосрочной (проектной) перспективе нестабильности в долгосрочной перспективе? Эти вопросы могли бы лечь в основу будущих исследований, но с учётом того, что в распоряжении исследователя будут данные о жизни работника в широком временном диапазоне.

Мы также обратились к субъективным оценкам работников, оказавшихся в нестабильной трудовой ситуации по состоянию лишь на один год (статус нестабильности строился на базе предшествующих волн, но служил показателем нестабильности лишь на один год), однако данное нестабильное положение могло быть исключительным отрезком его карьерного пути, но и закономерным продолжением «рваной» карьеры. Предпринятое методологическое решение рассматривать ретроспективно статусы занятости респондента лишь за предшествующие два года выступило ограничением данного исследования, не позволяющим делать выводы относительно длительного пребывания в условиях нестабильности. В последующих работах, мы полагаем, было бы полезно рассмотреть субъективные оценки индивидов, пребывающих в трудовой нестабильности по состоянию на несколько лет, чтобы иметь возможность проводить анализ в отношении тех, кто устойчиво нестабилен на рынке труда.

Приложение 1

Таблица III.1

Модель 4 на импутированных данных

Независимые переменные	Модель 4: оценка неустойчивости трудового положения
Нестабильность	0,09 (0,13) ^(a)
Партнёр	0,16 (0,09)*
Дети	– 0,14 (0,09)
Логарифм относительного дохода	0,08 (0,04)**
Возраст	– 0,03 (0,01)***
Пол (муж.)	– 0,03 (0,07)
Малообеспеченная группа	– 0,03 (0,07)
Профессионал	0,02 (0,09)
Нестабильность × малообеспеченная группа	0,28 (0,30)
<i>Radj</i> ²	0,04
<i>N</i>	1507

Примечания:

^(a) В скобках указаны стандартные ошибки.

* $p < 0,10$ (two-tailed *t*-tests — двусторонний *t*-тест); ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

Приложение 2

Таблица П2.1

Результаты регрессионного анализа с включением взаимодействия переменных нестабильности и возраста

Независимые переменные	Модель 1: удовлетворённость жизнью	Модель 2: социальное положение в обществе	Модель 3: параметры текущей работы	Модель 4: неустойчивость трудового положения
Нестабильность	0,89 (0,74) ^(a)	1,16 (0,81)	1,40 (0,86)	0,22 (0,72)
Партнёр	0,33 (0,10) ^{***}	0,09 (0,11)	0,14 (0,11)	0,13 (0,09)
Дети	- 0,20 (0,10) [*]	- 0,33 (0,11) ^{***}	- 0,12 (0,12)	- 0,15 (0,10)
Логарифм относительного дохода	0,18 (0,04) ^{***}	0,13 (0,04) ^{***}	0,08 (0,04) [*]	0,10 (0,04) ^{***}
Возраст	- 0,04 (0,01) ^{***}	0,02 (0,01)	- 0,01 (0,01)	- 0,03 (0,01) ^{***}
Пол (муж.)	- 0,19 (0,08) ^{**}	- 0,02 (0,09)	- 0,16 (0,09) [*]	- 0,02 (0,08)
Малообеспеченная группа	- 0,52 (0,11) ^{***}	- 0,46 (0,12) ^{***}	- 0,29 (0,12) ^{**}	0,02 (0,11)
Профессионал	0,19 (0,09) ^{**}	0,22 (0,10) ^{**}	0,52 (0,10) ^{***}	0,01 (0,09)
Нестабильность × возраст	- 0,03 (0,02)	- 0,04 (0,03)	- 0,05 (0,03) [*]	- 0,01 (0,02)
<i>Radj</i> ²	0,11	0,05	0,04	0,02
<i>N</i>	1071	1076	1084	1121

Примечания:

^(a) В скобках указаны стандартные ошибки.

p* < 0,10 (*two-tailed t-tests* — двусторонний *t*-тест); *p* < 0,05; ****p* < 0,01.

Литература

- Аникин В. А. 2019. Прекаризация среднего класса в новой России: о чём говорят результаты исследования гетерогенных средних слоёв? *Социологическая наука и социальная практика*. 7 (4): 39–54.
- Бескова Т. В. 2014. Социально-демографические детерминанты субъективного благополучия личности. *Современные проблемы науки и образования*. 5: 632–640.
- Гельман В., Травин Д., Заостровцев А. 2017. *Российский путь: идеи, интересы, институты, иллюзии*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Гимпельсон В. Е. 2019. Возраст и заработная плата: стилизованные факты и российские особенности. *Экономический журнал Высшей школы экономики*. 23 (2): 185–237.
- Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И. 2006. *Нестандартная занятость в российской экономике*. М.: Изд. дом ВШЭ.

- Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И., Роцин С. Ю. 2017. *Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения*. Доклад Центра трудовых исследований и лаборатории исследований рынка труда НИУ ВШЭ. URL: https://www.csr.ru/uploads/2017/03/Doklad_trud.pdf
- Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И., Шарунина А. В. 2016. Дороги, которые мы выбираем: перемещения на внешнем и внутреннем рынке труда. *Экономический журнал Высшей школы экономики*. 20 (2): 1–40.
- Гимпельсон В. Е., Чернина Е. М. 2020. Положение на шкале доходов и его субъективное восприятие. *Журнал Новой экономической ассоциации*. 46 (2): 30–56.
- Градостроительный кодекс РФ. 1998. 7 мая. № 73-ФЗ. Глава 1. Ст. 5: Типы поселений Российской Федерации. URL: <https://base.garant.ru/3999213/5633a92d35b966c2ba2f1e859e7bdd69/>
- Доклад об экономике России № 41: умеренные темпы роста экономики; в центре внимания — неформальный сектор. 2019. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org>
- Зубаревич Н. В. 2017. Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики. *Мир новой экономики*. 11 (2): 46–57.
- Камалов Э. А., Понарин Э. Д. 2020. Субъективное благополучие мигрантов в России: влияние региональных характеристик и миграционного законодательства. *Экономическая социология*. 21 (1): 11–43. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2020/01/30/1569359014/ecsoc_t21_n1.pdf#page=11
- Канеман Д. 2014. *Думай медленно... решай быстро*. М.: АСТ.
- Карабчук Т. С. 2009. Непостоянная занятость и социальная стратификация. *Социологический журнал*. 21 (3): 55–78.
- Козина И. М., Зангиева И. К. 2014. *Возрастная дискриминация при приёме на работу. Дискриминация на рынке труда: современные проявления, факторы и практики преодоления: материалы круглого стола ИЭ РАН*. М.: Институт экономики РАН; 50–63.
- Кузьминов Я. И. (рук. авт. кол.), Орехин П. В., Нетреба П. Н. (отв. ред.) 2020. *Россия в новую эпоху 2020: выбор приоритетов и цели национального развития, эксперт. докл.* М.: Изд. дом ВШЭ.
- Кученкова А. В., Татарова Г. Г. 2019. «Этап жизненного цикла» как детерминанта субъективного благополучия личности. *Социологические исследования*. 8: 30–43.
- Макафи Э., Бриньолфсон Э. 2019. *Машина, платформа, толпа. Наше цифровое будущее*. М.: Манн, Иванов и Фербер.
- Монусова Г. А. 2019. Тип трудового контракта и субъективное благополучие. *Социологический журнал*. 25 (3): 46–66.
- Немировский В. Г., Немировская А. В. 2018. Социальная конкурентоспособность: шансы на успех у молодёжи и взрослых. *Социологический журнал*. 24 (2): 135–149.
- Пивоваров А. М., Хохлова А. М. 2014. Риски творческой деятельности художников: «за» и «против» участия в арт-сообществах. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 17 (1): 139–154.

- Рощин С. Ю., Слесарева А. А. 2012. *Межфирменная мобильность молодых работников на российском рынке труда*. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Сальникова Д. В. 2017. Источники несогласованности результатов исследований взаимосвязи объективного и субъективного благополучия. *Экономическая социология*. 18 (4): 157–174. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2017/10/02/1158955771/ecsoc_t18_n4.pdf#page=157
- Сизова И. Л., Леонова Л. А., Хензе А. 2017. Прекаритет занятости и доходов в России и Германии: самовосприятие наёмными работниками. *Экономическая социология*. 18 (4): 14–59. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2017/10/02/1158955771/ecsoc_t18_n4.pdf#page=14
- Смирных Л. И. 2009. Удовлетворённость работой: выбор между стабильной занятостью и трудовой мобильностью. *Экономика образования*. 4 (2): 32–39.
- Тощенко Ж. Т. 2018. *Прекариат: от протокласса к новому классу*. М.: Наука.
- Фёдорова А. Э., Парсюкевич А. М. 2013. Прекаризация занятости и её влияние на социально-экономическое благополучие наемных работников. *Известия УрГЭУ*. 5 (49): 76–81.
- Чуйкова Т. С., Сотникова Д. И. 2016. Особенности отношения к работе в условиях негарантированной занятости. *Организационная психология*. 6 (1): 6–19.
- Arel-Bundock V., Pelc K. J. 2018. When Can Multiple Imputation Improve Regression Estimates? *Political Analysis*. 26 (2): 240–245.
- Arnold D., Bongiovi J. R. 2013. Precarious, Informalizing, and Flexible Work: Transforming Concepts and Understandings. *American Behavioral Scientist*. 57 (3): 289–308.
- Ashton D. 2015. Creative Work Careers: Pathways and Portfolios for the Creative Economy. *Journal of Education and Work*. 28 (4): 388–406.
- Bartlett J. W., Harel O., Carpenter J. R. 2015. Asymptotically Unbiased Estimation of Exposure Odds Ratios in Complete Records Logistic Regression. *American Journal of Epidemiology*. 182 (8): 730–736.
- Bernhardt A. et al. 1999. Trends in Job Instability and Wages for Young Adult Men. *Journal of Labor Economics*. 17 (4): 65–90.
- Bradley H., Devadason R. 2008. Fractured Transitions: Young Adults' Pathways into Contemporary Labour Markets. *Sociology*. 42 (1): 119–136.
- Bridgstock R. et al. 2015. Creative Graduate Pathways Within and Beyond the Creative Industries. *Journal of Education and Work*. 28 (4): 333–345.
- Brulé G., Maggino F. 2017. Towards More Complexity in Subjective Well-Being Studies. In: Brulé G., Maggino F. (eds) *Metrics of Subjective Well-Being: Limits and Improvements*. New York: Springer International Publishing; 1–17.
- Buchholz S., Kurz K. 2005. Increasing Employment Instability Among Young People? Labor Market Entries and Early Careers in Germany Since the Mid-1980s. *flexCAREER Working Paper*. 3. Bamberg: University of Bamberg.

- Buuren S. van. 2018. *Flexible Imputation of Missing Data*. 2nd ed. Boca Raton, FL: Chapman & Hall/CRC.
- Camfield L., Skevington S. M. 2008. On Subjective Well-Being and Quality of Life. *Journal of Health Psychology*. 13 (6): 764–771.
- Casas-Cortés M. 2014. A Genealogy of Precarity: A Toolbox for Rearticulating Fragmented Social Realities In and Out of the Workplace. *Rethinking Marxism*. 26 (2): 206–226.
- Cho J. 2004. Flexibility, Instability and Institutional Insecurity in Korean Labor Market. *Journal of Policy Modeling*. 26 (3): 315–351.
- Clarke M. 2008. Understanding and Managing Employability in Changing Career Contexts. *Journal of European Industrial Training*. 32 (4): 258–284.
- De Cuyper N. et al. 2008. Employability and Employees' Well-Being: Mediation by Job Insecurity. *Applied Psychology*. 57 (3): 488–509.
- De Cuyper N. et al. 2012. Cross-Lagged Associations between Perceived External Employability, Job Insecurity, and Exhaustion: Testing Gain and Loss Spirals According to the Conservation of Resources Theory. *Journal of Organizational Behavior*. 33 (6): 770–788.
- Diener E. 1984. Subjective Well-Being. *Psychological Bulletin*. 95 (3): 542–575.
- Diener E. 2000. Subjective Well-Being: The Science of Happiness and a Proposal for a National Index. *American Psychologist*. 55 (1): 34–43.
- Direnzo M. S., Greenhaus J. H. 2011. Job Search and Voluntary Turnover in a Boundaryless World: A Control Theory Perspective. *Academy of Management Review*. 36 (3): 567–589.
- Dörre K. 2014. Precarity and Social Disintegration: A Relational Concept. *Journal für Entwicklungspolitik*. 30 (4): 69–89.
- Farber H. S. 2008. *Employment Insecurity: The Decline In Worker-Firm Attachment in the United States*. CEPS Working Paper. 172. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Fournier G., Bujold C. 2005. Nonstandard Career Trajectories and Their Various Forms. *Journal of Career Assessment*. 13 (4): 415–438.
- Gallie D., Paugam S. 2002. *Social Precarity and Social Integration*. Brussels: European Commission; Employment and Social Affairs.
- Gallie D. et al. 2017. The Hidden Face of Job Insecurity. *Work, Employment and Society*. 31 (1): 36–53.
- Gasiukova E., Korotaev S. 2019. Precarity in Russia: Attitudes, Work and Life Experience of Young Adults with Higher Education. *International Journal of Sociology and Social Policy*. 39 (7): 506–520.
- Geishecker I. 2012. Simultaneity Bias in the Analysis of Perceived Job Insecurity and Subjective Well-Being. *Economics Letters*. 116 (3): 319–321.

- Gill R., Pratt A. C. 2008. In the Social Factory? Immaterial Labour, Precariousness and Cultural Work. *Theory, Culture & Society*. 25 (7–8): 1–30.
- Goncharova N. et al. 2016. Russian Youth in the Labour Market: “Portfolioability” as the New Desire and Demand. *Studies of Transition States and Societies*. 8 (3): 29–44.
- Graham C. 2016. Subjective Well-Being in Economics. In: Adler M., Fleurbaey M. (eds) *The Oxford Handbook of Well-being and Public Policy*. New York: Oxford University Press; 424–452.
- Hughes R. A. et al. 2019. Accounting for Missing Data in Statistical Analyses: Multiple Imputation is not Always the Answer. *International Journal of Epidemiology*. 48 (4): 1294–1304.
- Huppert F. A., So T. T. 2013. Flourishing Across Europe: Application of a New Conceptual Framework for Defining Well-Being. *Social Indicators Research*. 110 (3): 837–861.
- Jansen G., Akkerman A., Vandaele K. 2017. Undermining Mobilization? The Effect of Job Flexibility and Job Instability on the Willingness to Strike. *Economic and Industrial Democracy*. 38 (1): 99–117.
- Kahneman D., Deaton A. 2010. High Income Improves Evaluation of Life but Not Emotional Well-Being. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 107 (38): 16489–16493.
- Kalleberg A. L. 2009. Precarious Work, Insecure Workers: Employment Relations in Transition. *American Sociological Review*. 74 (1): 1–22.
- Kalleberg A. L. 2011. *Good Jobs, Bad Jobs: The Rise of Polarized and Precarious Employment Systems in the United States, 1970s–2000s*. New York: Russell Sage Foundation.
- Kalleberg A. L. 2018. Job Insecurity and Well-Being in Rich Democracies. *The Economic and Social Review*. 49 (3): 241–258.
- Kapteyn A. et al. 2015. Dimensions of Subjective Well-Being. *Social Indicators Research*. 123 (3): 625–660.
- Kopsov I. 2019. A New Model of Subjective Well-Being. *Open Psychology Journal*. 12 (1): 102–115.
- Krings B. J., Nierling L., Pedaci M. 2010. Out of Control: Changes in Working-Time Patterns and Strategies for Work-Life Balance in Europe. *Work Organisation, Labour and Globalisation*. 4 (1): 136–159.
- Kurz K., Hillmert S., Grunow D. 2006. Increasing Instability in Employment Careers of West German Men? A Comparison of the Birth Cohorts 1940, 1955 and 1964. In: Blossfeld H.-P., Mills M., Bernardi F. (eds) *Globalization, Uncertainty and Men’s Careers: An International Comparison*. Cheltenham; Northampton, MA: Edward Elgar; 75–113.
- Lemelin A. R. 2016. *Young Adults and the Consequences of Precarious Work*. Master’s Thesis. Tennessee: University of Tennessee.
- Lindemann K. 2007. The Impact of Objective Characteristics on Subjective Social Position. *Trames*. 11 (1): 54–68.
- MacDonald R. 2009. Precarious Work. Risk, Choice and Poverty Traps. In: Furlong A. (ed.) *Handbook of Youth and Young Adulthood. New Perspectives and Agendas*. London: Routledge; 167–175.

- Marcotte D. E. 1995. Declining Job Stability: What We Know and What It Means. *Journal of Policy Analysis and Management*. 14 (4): 590–598.
- Monks J., Pizer S. D. 1998. Trends in Voluntary and Involuntary Job Turnover. *Industrial Relations: A Journal of Economy and Society*. 37 (4): 440–459.
- Morris J. 2013. Moonlighting Strangers Met on the Way: The Nexus of Informality and Blue-Collar Sociality in Russia. In: Morris J., Polese A. (eds) *The Informal Post-Socialist Economy: Embedded Practices and Livelihoods*. Abingdon, UK; New York: Routledge; 51–66.
- Morris J. 2016. Informal Economy: Going Underground but Coming Out of the Shadows. In: Morris J. *Everyday Post-Socialism*. London: Palgrave Macmillan; 87–121.
- OECD. 2019. *Employment Outlook 2019: The Future of Work*. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/9ee00155-en.pdf?expires=1583842728&id=id&accname=oid008831&checksum=7F4D73D470E79B523DE2BC00CF48D110>
- Oesch D. 2006. Coming to Grips with a Changing Class Structure: An Analysis of Employment Stratification in Britain, Germany, Sweden and Switzerland. *International Sociology*. 21 (2): 263–288.
- Oesch Daniel *Economic Sociology Website*. URL: <http://people.unil.ch/danieloesch/scripts/>
- Ojala S., Nätti J., Lipiäinen L. 2018. Types of Temporary Employment: An 8-Year Follow-Up of Labour Market Attachment. *Social Indicators Research*. 138 (1): 141–163.
- Pedulla D. S. 2016. Penalized or Protected? Gender and the Consequences of Nonstandard and Mismatched Employment Histories. *American Sociological Review*. 81 (2): 262–289.
- Puig-Barrachina V. et al. 2014. Measuring Employment Precariousness in the European Working Conditions Survey: The Social Distribution in Europe. *Work*. 49 (1): 143–161.
- Sennett R. 1998. *The Corrosion of Character: The Personal Consequences of Work in the New Capitalism*. London: W. W. Norton & Company.
- Shevchuk A., Strebkov D., Davis S. N. 2018. Work Value Orientations and Worker Well-Being in the New Economy. *International Journal of Sociology and Social Policy*. 38 (9): 736–753.
- Shevchuk A., Strebkov D., Davis S. N. 2019. The Autonomy Paradox: How Night Work Undermines Subjective Well-Being of Internet-Based Freelancers. *ILR Review*. 72 (1): 75–100.
- Spreitzer G. M., Cameron L., Garrett L. 2017. Alternative Work Arrangements: Two Images of the New World of Work. *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*. 4: 473–499.
- Standing G., Jandrić P. 2015. Precariat, Education and Technologies: Towards a Global Class Identity. *Policy Futures in Education*. 13 (8): 990–994.
- Templer A., Cawsey T. 1999. Rethinking Career Development in an Era of Portfolio Careers. *Career Development International*. 4 (2): 70–76.

- Throsby D., Zednik A. 2011. Multiple Job-Holding and Artistic Careers: Some Empirical Evidence. *Cultural Trends*. 20 (1): 9–24.
- Urbanaviciute I. et al. 2020. Precariousness Profile and Career Adaptability as Determinants of Job Insecurity: A Three-Wave Study. *Journal of Career Development*. 47 (2): 146–161.
- Vosko L. 2010. *Managing the Margins: Gender, Citizenship, and the International Regulation of Precarious Employment*. Oxford, UK: Oxford University Press.
- Wang H., Wei L., Yu D. 2017. Precarity Among Highly Educated Migrants: College Graduates in Beijing, China. *Urban Geography*. 38 (10): 1497–1516.
- White I. R., Carlin J. B. 2010. Bias and Efficiency of Multiple Imputation Compared with Complete-Case Analysis for Missing Covariate Values. *Statistics in Medicine*. 29 (28): 2920–2931.

Elena Gasiukova, Anastasia Petrova

The Subjective Perception of Employment Instability: Is It Bad to Be Unstable?

GASIUKOVA, Elena N. — Junior Researcher of the Laboratory for Comparative Analysis of Development in Post-Socialist Countries, HSE University. Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation.

Email: egasyukova@hse.ru

PETROVA, Anastasia A. — Trainee Researcher of the Laboratory for Comparative Analysis of Development in Post-Socialist Countries, HSE University. Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation.

Email: petrovaanastasiax@gmail.com

Abstract

Nowadays in the literature, there are two perspectives on the spread of atypical labor contracts and unstable employment trajectories: some authors insist on the vulnerability of modern employees and the weakening of their bargaining position; others emphasize new opportunities for flexibility and independence from the employer. However, it remains unclear how employees react to these new employment conditions. Is instability a benefit or a sign of vulnerability for them? This discussion is most relevant for skilled young workers, as freedom and flexibility are of great value to them. The authors make an attempt to discover which position is closer to unstable workers in Russia. The Russia Longitudinal Monitoring Survey—Higher School of Economics (RLMS-HSE) data for 2014–2018 were used for the analysis. The panel data was used to construct the variable of instability in the labor market, taking into account the previous working status of the respondents (the sample size was 1,507 respondents).

The main method of analysis was linear regression. The dependent variables were the components of subjective well-being, and the explanatory variable was the status of employment instability. The results show that employment instability is not related to respondents' subjective well-

being, nor to job insecurity. No differences in the subjective assessments of stable and unstable employees with different skills and income levels were found. The findings allow us to state that employment instability is not perceived by Russian employees as a distinct situation in the labor market, or as referring to negative or positive type of work or social position of an individual.

Keywords: unstable employment; subjective well-being; precarisation; skilled employees; social position; employment security.

References

- Anikin V. (2019) Prekarizatsiya srednego klassa v novoy Rossii: o chem govoryat rezultaty issledovaniya geterogennykh srednykh sloyev? [Precarisation of the Middle Class in New Russia: What Can Be Said from the Results of the Study of Heterogeneous Middle Layers?]. *Sociological Science and Social Practice = Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*, vol. 7, no 4, pp. 39–54 (in Russian).
- Arel-Bundock V., Pelc K. J. (2018) When Can Multiple Imputation Improve Regression Estimates?. *Political Analysis*, vol. 26, no 2, pp. 240–245.
- Arnold D., Bongiovi J. R. (2013) Precarious, Informalizing, and Flexible Work: Transforming Concepts and Understandings. *American Behavioral Scientist*, vol. 57, no 3, pp. 289–308.

- Ashton D. (2015) Creative Work Careers: Pathways and Portfolios for the Creative Economy. *Journal of Education and Work*, vol. 28, no 4, pp. 388–406.
- Bartlett J. W., Harel O., Carpenter J. R. (2015) Asymptotically Unbiased Estimation of Exposure Odds Ratios in Complete Records Logistic Regression. *American Journal of Epidemiology*, vol. 182, no 8, pp. 730–736.
- Bernhardt A., Morris M., Handcock M., Scott M. (1999) Trends in Job Instability and Wages for Young Adult Men. *Journal of Labor Economics*, vol. 17, no 4, pp. 65–90.
- Beskova T. (2014) Sotsialno-demographicheskiye determinanty subyektivnogo blagopoluchiya lichnosti [Social-Demographic Determinants of Subjective Well-Being]. *Modern Problems of Science and Education = Sovremennyye problem nauki i obrazovaniya*, no 5, pp. 632–640 (in Russian).
- Bradley H., Devadason R. (2008) Fractured Transitions: Young Adults' Pathways into Contemporary Labour Markets. *Sociology*, vol. 42, no 1, pp. 119–136.
- Bridgstock R., Goldsmith B., Rodgers J., Hearn G. (2015) Creative Graduate Pathways Within and Beyond the Creative Industries. *Journal of Education and Work*, vol. 28, no 4, pp. 333–345.
- Brulé G., Maggino F. (2017) Towards More Complexity in Subjective Well-Being Studies. *Metrics of Subjective Well-Being: Limits and Improvements* (eds. G. Brulé, F. Maggino), New York: Springer International Publishing, pp. 1–17.
- Buchholz S., Kurz K. (2005) Increasing Employment Instability Among Young People? Labor Market Entries and Early Careers in Germany Since the Mid-1980s. *flexCAREER Working Paper*, no 3, Bamberg: University of Bamberg.
- Buuren S. van (2018) *Flexible Imputation of Missing Data*, 2nd ed., Boca Raton, FL: Chapman & Hall/CRC.
- Camfield L., Skevington S. M. (2008) On Subjective Well-Being and Quality of Life. *Journal of Health Psychology*, vol. 13, no 6, pp. 764–771.
- Casas-Cortés M. (2014) A Genealogy of Precarity: A Toolbox for Rearticulating Fragmented Social Realities In and Out of the Workplace. *Rethinking Marxism*, vol. 26, no 2, pp. 206–226.
- Cho J. (2004) Flexibility, Instability and Institutional Insecurity in Korean Labor Market. *Journal of Policy Modeling*, vol. 26, no 3, pp. 315–351.
- Chuykova T., Sotnikova D. (2016) Osobennosti otnosheniya k rabote b usloviyakh negarantirovannoy zanyatosti [Properties of Attitude to Work in Conditions of Non-Guaranteed Employment]. *Organizational Psychology = Organizatsionnaya psikhologiya*, vol. 6, no 1, pp. 6–19 (in Russian).
- Clarke M. (2008) Understanding and Managing Employability in Changing Career Contexts. *Journal of European Industrial Training*, vol. 32, no 4, pp. 258–284.
- De Cuyper N., Bernhard-Oettel C., Berntson E., De Witte H., Alarco B. (2008) Employability and Employees' Well-Being: Mediation by Job Insecurity. *Applied Psychology*, vol. 57, no 3, pp. 488–509.

- De Cuyper N., Mäkikangas A., Kinnunen U., Mauno S., Witte H. (2012) Cross-Lagged Associations between Perceived External Employability, Job Insecurity, and Exhaustion: Testing Gain and Loss Spirals According to the Conservation of Resources Theory. *Journal of Organizational Behavior*, vol. 33, no 6, pp. 770–788.
- Diener E. (1984) Subjective Well-Being. *Psychological Bulletin*, vol. 95, no 3, pp. 542–575.
- Diener E. (2000) Subjective Well-Being: The Science of Happiness and a Proposal for a National Index. *American Psychologist*, vol. 55, no 1, pp. 34–43.
- Direnzo M. S., Greenhaus J. H. (2011) Job Search and Voluntary Turnover in a Boundaryless World: A Control Theory Perspective. *Academy of Management Review*, vol. 36, no 3, pp. 567–589.
- Doklad ob ekonomike Rossii № 41: umerennye tempy rosta ekonomiki; v tsentre vnimaniya — neformal'nyy sector [A Report About Russian Economics, no 41: The Modest Paces of Economic Growth; The Focus on the Informal Sector]. (2019) Available at: <https://www.vsemirnyjbank.org> (accessed 7 May 2021) (in Russian).
- Dörre K. (2014) Precarity and Social Disintegration: A Relational Concept. *Journal für Entwicklungspolitik*, vol. 30, no 4, pp. 69–89.
- Farber H. S. (2008) Employment Insecurity: The Decline in Worker-Firm Attachment in the United States. *CEPS Working Paper*, no 172, Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Fedorova A., Parsukevich A. (2013) Prekarizatsiya zanyatosti i yeye vliyaniye na sotsialno-ekonomicheskoye blagopoluchiye nayemnykh rabotnikov [Precarization of Employment and Its Impact on the Social and Economic Well-Being of Employees]. *Journal of New Economy*, no 5 (49), pp. 76–81 (in Russian).
- Fournier G., Bujold C. (2005) Nonstandard Career Trajectories and Their Various Forms. *Journal of Career Assessment*, vol. 13, no 4, pp. 415–438.
- Gallie D., Paugam S. (2002) *Social Precarity and Social Integration*, Brussels: European Commission; Employment and Social Affairs.
- Gallie D., Felstead A., Green F., Inanc H. (2017) The Hidden Face of Job Insecurity. *Work, Employment and Society*, vol. 31, no 1, pp. 36–53.
- Gasiukova E., Korotaev S. (2019) Precarity in Russia: Attitudes, Work and Life Experience of Young Adults with Higher Education. *International Journal of Sociology and Social Policy*, vol. 39, no 7, pp. 506–520.
- Geishecker I. (2012) Simultaneity Bias in the Analysis of Perceived Job Insecurity and Subjective Well-Being. *Economics Letters*, vol. 116, no 3, pp. 319–321.
- Gel'man V., Travin D., Zaoistrovcev A. (2017) *Rossiyskiy put': idei, interesy, instituty, illyuzii* [The Russian Way: Ideas, Interests, Institutions, Illusions], Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge (in Russian).
- Gill R., Pratt A. C. (2008) In the Social Factory? Immaterial Labour, Precariousness and Cultural Work. *Theory, Culture & Society*, vol. 25, no 7–8, pp. 1–30.

- Gimpelson V. (2019) Vozrast i zarabotnaya plata: stilizovannie fakti i rossiiskie osobennosti [Age and Wage: Stylized Facts and Russian Evidence]. *The HSE Economic Journal*, vol. 23, no 2, pp. 185–237 (in Russian).
- Gimpelson V., Chernina E. (2020) Polozheniye na shkale dohodov i ego subyektivnoye vospriyatiye [Person's Position on Income Scale and the Perception of It]. *The Journal of the New Economic Association = Jurnal Novoy ekonomicheskoy assotitsiatsii*, vol. 46, no 2, pp. 30–56 (in Russian).
- Gimpelson V., Kapelushnikov R. (2006) *Nestandardnaya zanyatost v rossiyskoy ekonomike* [Nonstandard Employment in Russian Economy], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Gimpelson V., Kapelushnikov R., Roschin S. (2017) *Rossiysky rynek truda: tendencii, instituty, strukturnyye izmeneniya* [Russian Labor Market: Tendencies, Institutions, Structural Changes]. Paper presented by Center of labor studies and laboratory of labor market studies. Available at: https://www.csr.ru/uploads/2017/03/Doklad_trud.pdf (accessed 7 May 2021) (in Russian).
- Gimpelson V., Kapelushnikov R., Sharunina A. (2016) Dorogi, kotorye mi vybirayem: peremescheniya na vneshnem i vnutrennem rynke truda [Roads We Choose: Movements in the External and Internal Labor Market]. *The HSE Economic Journal*, vol. 20, no 2, pp. 1–40 (in Russian).
- Goncharova N., Krupets Y., Nartova N., Sabirova G. (2016) Russian Youth in the Labour Market: “Portfolioability” as the New Desire and Demand. *Studies of Transition States and Societies*, vol. 8, no 3, pp. 29–44.
- Gradostroitel'nyy kodeks RF [Town Planning Code of the Russian Federation] (1998. 7 maya). № 73-FZ. *Glava 1. St. 5: Tipy poseleniy Rossiyskoy Federatsii*. Type of Localities of the Russian Federation]. Available at: <https://base.garant.ru/3999213/5633a92d35b966c2ba2f1e859e7bdd69/> (accessed 8 May 2021) (in Russian).
- Graham C. (2016) Subjective Well-Being in Economics. *The Oxford Handbook of Well-Being and Public Policy* (eds. M. Adler, M. Fleurbaey), New York: Oxford University Press, pp. 424–452.
- Hughes R. A., Heron J., Sterne J. A., Tilling K. (2019) Accounting for Missing Data in Statistical Analyses: Multiple Imputation is not Always the Answer. *International Journal of Epidemiology*, vol. 48, no 4, pp. 1294–1304.
- Huppert F. A., So T. T. (2013) Flourishing across Europe: Application of a New Conceptual Framework for Defining Well-Being. *Social Indicators Research*, vol. 110, no 3, pp. 837–861.
- Jansen G., Akkerman A., Vandaele K. (2017) Undermining Mobilization? The Effect of Job Flexibility and Job Instability on the Willingness to Strike. *Economic and Industrial Democracy*, vol. 38, no 1, pp. 99–117.
- Kahneman D. (2014) *Dumai medlenno... reshay bystro* [Thinking, Fast and Slow], Moscow: AST (in Russian).
- Kahneman D., Deaton A. (2010) High Income Improves Evaluation of Life but Not Emotional Well-Being. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, vol. 107, no 38, pp. 16489–16493.
- Kalleberg A. L. (2009) Precarious Work, Insecure Workers: Employment Relations in Transition. *American Sociological Review*, vol. 74, no 1, pp. 1–22.

- Kalleberg A. L. (2011) *Good Jobs, Bad Jobs: The Rise of Polarized and Precarious Employment Systems in the United States, 1970s–2000s*, New York: Russell Sage Foundation.
- Kalleberg A. L. (2018) Job Insecurity and Well-Being in Rich Democracies. *The Economic and Social Review*, vol. 49, no 3, pp. 241–258.
- Kamalov E., Ponarin E. (2020) Subektivnoe blagopoluchie migrantov v Rossii: vliyanie regional'nykh kharakteristik i migratsionnogo zakonodatel'stva [Subjective Well-Being of Migrants in Russia: Effects of Regional Characteristics and Migration Legislation]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 21, no 2, pp. 11–43. doi: [10.17323/1726-3247-2020-1-11-43](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2020-1-11-43) (in Russian).
- Kapteyn A., Lee J., Tassot C. Vonkova H., Zamarro G. (2015) Dimensions of Subjective Well-Being. *Social Indicators Research*, vol. 123, no 3, pp. 625–660.
- Karabchuk T. (2009) Nepostoyannaya zanyatost i sotsialnaya stratifikatsiya [Casual Employment and Social Stratification]. *Sociological Journal = Sotsiologicheskii Zhurnal*, vol 21, no 3, pp. 55–78 (in Russian).
- Kopsov I. 2019. A New Model of Subjective Well-Being. *Open Psychology Journal*, vol. 12, no 1, pp. 102–115.
- Kozina I., Zangieva I. (2014) *Vozrastnaya diskriminatsiya pri prieme na rabotu. Diskriminatsiya na rynke truda: sovremennye proyavleniya, faktory i praktiki preodoleniya: mater. kruglogo stola IE RAN* [The Discrimination in the Labour Market: Current Manifestations, Factors and Practices of Overcoming Discrimination in the Labour Market: Materials of the Round Table of the IE RAS], Moscow: Institute of Economics Russian Academy of Sciences, pp. 50–63 (in Russian).
- Krings B. J., Nierling L., Pedaci M. (2010) Out of Control: Changes In Working-Time Patterns and Strategies for Work-Life Balance in Europe. *Work Organisation, Labour and Globalisation*, vol. 4, no 1, pp. 136–159.
- Kuchenkova A., Tatarova G. (2019) “Etap zhiznennogo tsikla” kak determinanta subyektivnogo blagopoluchiya lichnosti [“The Stage of Life Cycle” as a Determinant of Subjective Well-Being of a Person]. *Sociological Studies = Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no 8, pp. 30–43 (in Russian).
- Kurz K., Hillmert S., Grunow D. (2006) Increasing Instability in Employment Careers of West German Men? A Comparison of the Birth Cohorts 1940, 1955 and 1964. *Globalization, Uncertainty and Men's Careers: An International Comparison* (eds. H.-P. Blossfeld, M. Mills, F. Bernardi), Cheltenham; Northampton, MA: Edward Elgar, pp. 75–113.
- Kuz'minov Y., Orehin P., Natreba P. (eds). (2020) *Rossiya v novuyu epokhu 2020: vybor prioritetrov i tseli natsional'nogo razvitiya, ekspert. dokl.* [Russia in the New Epoch: The Choice of Priorities and the Goals of National Development, Expert Report], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Lemelin A. R. (2016) *Young Adults and the Consequences of Precarious Work* (Master's Thesis), Tennessee: University of Tennessee.
- Lindemann K. (2007) The Impact of Objective Characteristics on Subjective Social Position. *Trames*, vol. 11, no 1, pp. 54–68.
- MacDonald R. (2009) Precarious Work. Risk, Choice and Poverty Traps. *Handbook of Youth and Young Adulthood. New Perspectives and Agendas* (ed. A. Furlong), London: Routledge, pp. 167–175.

- McAfee A., Brynjolfsson E. (2019) *Mashina, platforma, tolpa. Nashe tsifrovoe budushchee* [Machine, Platform, Crowd: Harnessing Our Digital Future], Moscow: Mann, Ivanov and Ferber (in Russian).
- Marcotte D. E. (1995) Declining Job Stability: What We Know and What It Means. *Journal of Policy Analysis and Management*, vol. 14, no 4, pp. 590–598.
- Monks J., Pizer S. D. (1998) Trends in Voluntary and Involuntary Job Turnover. *Industrial Relations: A Journal of Economy and Society*, vol. 37, no 4, pp. 440–459.
- Monusova G. (2019) Tip trudovogo kontrakta i subyektivnoe blagopoluchiye [The Type of Labor Contract and Subjective Well-Being]. *Sociological Journal = Sotsiologicheskiy Zhurnal*, vol. 25, no 3, pp. 46–66 (in Russian).
- Morris J. (2013) Moonlighting Strangers Met on the Way: The Nexus Of Informality and Blue-Collar Sociality in Russia. *The Informal Post-Socialist Economy: Embedded Practices and Livelihoods* (eds. J. Morris, A. Polese), Abingdon, UK; New York: Routledge, pp. 51–66.
- Morris J. (2016) Informal Economy: Going Underground but Coming Out of the Shadows. *Everyday Post-Socialism*, London: Palgrave Macmillan, pp. 87–121.
- Nemirovsky V., Nemirovskaya A. (2018) Sotsialnaya konkurentosposobnost: shansy na uspekhi u molodezhi i vzroslykh [Social Competitiveness: The Chances of Success Among Young People and Adults]. *Sociological Journal = Sotsiologicheskiy Zhurnal*, vol. 24, no 2, pp. 135–149 (in Russian).
- OECD (2019) *Employment Outlook 2019: The Future of Work*. Available at: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/9ee00155-en.pdf?expires=1583842728&id=id&accname=oid008831&checksum=7F4D73D470E79B523DE2BC00CF48D110> (accessed 7 May 2021).
- Oesch D. (2006) Coming to Grips with a Changing Class Structure: An Analysis of Employment Stratification in Britain, Germany, Sweden and Switzerland. *International Sociology*, vol. 21, no 2, pp. 263–288.
- Oesch Daniel Economic Sociology Website. Available at: <http://people.unil.ch/danieloesch/scripts/> (accessed 7 May 2021).
- Ojala S., Nätti J., Lipiäinen L. (2018) Types of Temporary Employment: An 8-Year Follow-Up of Labour Market Attachment. *Social Indicators Research*, vol. 138, no 1, pp. 141–163.
- Pedulla D. S. (2016) Penalized or Protected? Gender and the Consequences of Nonstandard and Mismatched Employment Histories. *American Sociological Review*, vol. 81, no 2, pp. 262–289.
- Pivovarov A., Hohlova A. (2014) Riski tvorcheskoy deyatelnosti khudozhnikov: “za” i “protiv” uchastiya v art-soobschestvakh [Risks of artists’ creative activity: pros and cons of participation in art communities]. *The Journal of Sociology and Social Anthropology = Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoy Antropologii*, vol. 17, no 1, pp. 139–154 (in Russian).
- Puig-Barrachina V, Vanroelen C, Vives A, Martínez J., Muntaner C., Levecque K., Benach J., Louckx F. (2014) Measuring Employment Precariousness in the European Working Conditions Survey: The Social Distribution in Europe. *Work*, vol. 49, no 1, pp. 143–161.

- Roschin S., Slesareva A. (2012) *Mezhphirmennaya mobilnost molodykh rabotnikov na rossiyskom rynke truda* [Interfirm Mobility of Young Workers on the Russian Labor Market], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Salnikova D. (2017) Istochniki nesoglasovannosti rezul'tatov issledovaniy vzaimosvyazi obektivnogo i subektivnogo blagopoluchiya [The Reasons for Conflicting Results on the Relationship between Objective and Subjective Well-Being]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 18, no 4, pp. 157–174. doi: [10.17323/1726-3247-2017-4-157-174](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2017-4-157-174) (in Russian).
- Sennett R. (1998) *The Corrosion of Character: The Personal Consequences of Work in the New Capitalism*, London: W. W. Norton & Company.
- Shevchuk A., Strebkov D., Davis S. N. (2018) Work Value Orientations and Worker Well-Being in the New Economy. *International Journal of Sociology and Social Policy*, vol. 38, no 9, pp. 736–753.
- Shevchuk A., Strebkov D., Davis S. N. (2019) The Autonomy Paradox: How Night Work Undermines Subjective Well-Being of Internet-Based Freelancers. *ILR Review*, vol. 72, no 1, pp. 75–100.
- Sizova I., Leonova L., Hense A. (2017) Prekaritet zanyatosti i dokhodov v Rossii i Germanii: samo-vospriyatie naemnymi rabotnikami [The Precariousness of Employment and Labor Incomes in Russia and Germany: Self-Perception of Wage Workers]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 18, no 4, pp. 14–59. doi: [10.17323/1726-3247-2017-4-14-59](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2017-4-14-59) (in Russian).
- Smirnykh L. (2009) Udovletvorennost rabotoy: vybor mezhdou stabilnoy zanyatostyu i trudovoy mobilnostyu [Job Satisfaction: The Choice between Stable Employment and Labor Mobility]. *Economics of Education = Ekonomika obrazovaniya*, vol. 4, no 2, pp. 32–39 (in Russian).
- Spreitzer G. M., Cameron L., Garrett L. (2017) Alternative Work Arrangements: Two Images of the New World of Work. *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*, no 4, pp. 473–499.
- Standing G., Jandrić P. (2015) Precariat, Education and Technologies: Towards a Global Class Identity. *Policy Futures in Education*, vol. 13, no 8, pp. 990–994.
- Templer A., Cawsey T. (1999) Rethinking Career Development in an Era of Portfolio Careers. *Career Development International*, vol. 4, no 2, pp. 70–76.
- Throsby D. (2011) Multiple Job-Holding and Artistic Careers: Some Empirical Evidence. *Cultural Trends*, vol. 20, no 1, pp. 9–24.
- Toschenko Zh. (2018) *Prekariat: ot protokassa k novomu klassu* [Precaria: From Protoclass to New Class], Moscow: Nauka (in Russian).
- Urbanaviciute I., Udayar S., Maggiori C., Rossier J. (2020) Precariousness Profile and Career Adaptability as Determinants of Job Insecurity: A Three-Wave Study. *Journal of Career Development*, vol. 47, no 2, pp. 146–161.
- Vosko L. (2010) *Managing the Margins: Gender, Citizenship, and the International Regulation of Precarious Employment*, Oxford, UK: Oxford University Press.

Wang H., Wei L., Yu D. (2017) Precarity Among Highly Educated Migrants: College Graduates in Beijing, China. *Urban Geography*, vol. 38, no 10, pp. 1497–1516.

White I. R., Carlin J. B. (2010) Bias and Efficiency of Multiple Imputation Compared with Complete-Case Analysis for Missing Covariate Values. *Statistics in Medicine*, vol. 29, no 28, pp. 2920–2931.

Zubarevich N. (2017) Razvitie rossiyskogo prostranstva: baryery i vozmozhnosti regionalnoy politiki [The Development of Russian Space: Barriers and Capabilities of Regional Politics]. *The World of New Economy = Mir novoy ekonomiki*, vol. 11, no 2, pp. 46–57 (in Russian).

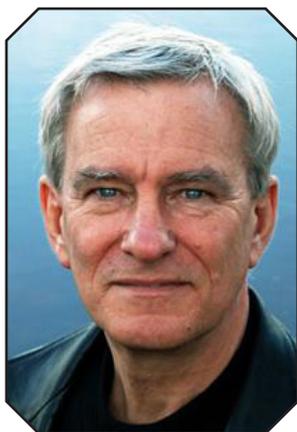
Received: August 16, 2020

Citation: Gasiukova E., Petrova A. (2021) Subektivnye otsenki nestabil'noy zanyatosti: tak li uzh ploho byt' nestabil'nym? [The Subjective Perception of Employment Instability: Is It Bad to Be Unstable?]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 22, no 2, pp. 39–70. doi: [10.17323/1726-3247-2021-3-39-70](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2021-3-39-70) (in Russian).

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Д. Старк, И. Паис

Алгоритмическое управление в экономике платформ¹

СТАРК Дэвид — профессор социальных наук в Университете Уорика (Великобритания); профессор социологии им. Артура Лемана факультета социологии Колумбийского университета (США). Адрес: 10027, США, г. Нью-Йорк, на пересечении 116-й улицы и Бродвея.

Email: dcs36@columbia.edu

Перевод с англ.
Натальи Конрой

Источник: Stark D., Pais I. 2020. Algorithmic Management in the Platform Economy. *Sociologica*. 14 (3): 47–72.

Платформенная модель отличает организационные формы первых десятилетий XXI века. В то время как участники рынка заключают договоры, иерархии командуют, а сети сотрудничают, платформы привлекают активы, ресурсы и виды деятельности, не являющиеся частью фирмы. Как особая организационная форма модель платформы сталкивается с выраженной административной проблемой — управлением деятельностью по созданию ценности, которая осуществляется не в фирме, а на платформе. В трёхсторонней конфигурации (triangular geometry) владельцы платформ используют поведение поставщиков и пользователей, вовлекая их в практику алгоритмического управления без делегирования им управленческих полномочий. Рейтинги и другие действия поставщиков и потребителей от имени платформы алгоритмически переводятся в ранкинги и другие калькулятивные устройства, которые циркулируют в петлях² обратной связи. Эти последние являются скорее скрученными, чем закольцованными. Алгоритмическое управление включает особый вид кибернетического контроля, поскольку на каждом изгибе петли обратной связи подотчётность может отклоняться и отрицаться. В то время как научный менеджмент в начале XX века предложил легитимную основу для роста нового управленческого класса, алгоритмическое управление в начале XXI века меняет управленческий класс. Асимметрия власти управленческого класса связана с коалициями на регулирующем уровне, в которых владелец платформы и инвесторы находятся в союзе с потребителями платформы.

Ключевые слова: алгоритмическое управление; платформы; тейлоризм; ранжирование; организационные формы.

Введение

По состоянию на 30 сентября 2020 г. самыми дорогими публичными компаниями в мире были Apple, Microsoft, Amazon, Alphabet, Alibaba Group, Facebook и Tencent³. В совокупности рыночная стоимость этих семи компаний составила более 8,3 трлн долл. США. Все они платформенные.

¹ Исследование, послужившее основой для этой статьи, было поддержано грантом Европейского исследовательского совета (European Research Council — ERC) в соответствии с грантовым соглашением № 695256. Мы благодарны Донато Кутоло, Елене Эспозито, Джеффу Фужеру, Джеймсу Макнелли, Элизабет Уоткинс и особенно Джонатану Баху за их комментарии, критику и предложения.

² В анализе организации платформ авторы статьи используют образ петли (ленты) Мёбиуса как топологического объекта, см. подробнее ниже. — *Примеч. перев.*

³ В соответствии со списком «Financial Times Global 500».

ПАИС Ивана — доцент кафедры экономической социологии Католического университета Святого Сердца, Милан (Италия). Адрес: 20123, Италия, г. Милан, Университетская клиника о. Агостино Джемелли 1.

Email: ivana.pais@unicatt.it

Рост популярности бизнес-модели платформы был стремительным. Десять лет назад, в третьем квартале 2010 г., на первых позициях были две нефтяные компании (ExxonMobil и PetroChina). Из GAFAM (Google, Apple, Facebook, Amazon, Microsoft) только Apple оказалась на третьей позиции, а Microsoft — на шестой. Apple впервые заняла лидирующее первое место в третьем квартале 2011 г., Google вошла в топ-10 в 2013 г., а Amazon и Facebook — в 2016 г. За эти 10 лет, помимо собственно цифровых компаний, значительное число лидеров традиционных отраслей инициировали платформенные проекты, а товары и услуги широкого спектра теперь реализуются платформами.

Сегодня большая часть нашей повседневной жизни проходит на платформах или с их помощью. Именно на платформах мы можем получать доступ к информации, смотреть фильмы, слушать музыку, читать книги, покупать всевозможные товары, архивировать документы и находить партнёров. Мы заходим на платформы, чтобы вызвать такси, забронировать поездку, поддержать дело, заказать еду или профинансировать проект. Вы хотите знать, что делают и думают близкие вам люди? Вы ищете кого-то для ведения домашнего хозяйства, ремонта дома, медицинских консультаций, юридических или бухгалтерских услуг или лекций на любую тему? Или, может быть, того, кто разберёт ваши шкафы или научит вас организовать свою жизнь? Есть платформы для всего этого и многого другого.

Программное обеспечение для вашей компании предоставляется на платформах; краудсорсинговые платформы позволяют собирать идеи, информацию или мнения большой группы людей за пределами фирмы; а если вам нужны кибервалюты, они также доступны на нескольких платформах [Caliskan 2020]. Традиционно компания John Deere производит сельскохозяйственную технику; но теперь, оснащённые GPS и другим программным обеспечением, связанным с его киберсельскохозяйственной платформой MyJohnDeer, тракторы этой компании, наряду с кукурузой и пшеницей, собирают данные⁴. И именно на онлайн-платформе исследователи делятся и документируют BioBricks (последовательности ДНК, кодирующие определенную информацию и биологические функции в соответствии со стандартом BioBrick TM), которые члены сообщества синтетической биологии могут «смешивать и сопоставлять» для создания биологических устройств и систем [Weissenbach 2020].

В этой статье мы рассмотрим три фундаментальных вопроса об экономике платформ, которые исследователи обсуждают и будут обсуждать:

- Что такое платформы как социальная организационная форма?
- Каковы отличительные особенности режима управления на этих платформах?
- Как эти особенности на организационном уровне перестраивают классовые отношения и коалиции на более широком социальном и политическом уровнях?

⁴ См.: [Grabher 2020]; см. также отчёт и фотографии, сделанные в поле: [Stark, Warner 2013: 90, 94–95, 108].

Забегая вперёд, скажем, что в следующем разделе мы задаёмся вопросом: следует ли концептуализировать платформы как рынки, иерархии или сети? Мы приходим к выводу, что модель платформы не является ничем из этого. Более того, вместо того чтобы комбинировать аспекты этой троицы, лучше понимать модель платформы как выворачивание их наизнанку. Развивая этот аргумент, мы утверждаем, что платформенная модель представляет собой отличительную организационную форму. Сожмём каждую из форм до глагола. Для рынков такой глагол — *заключат* контракты; для иерархии — *командовать*; а для сетей — *сотрудничать*. Платформы же *вовлекают* (кооптируют). Отсылая к топологии К. Мёбиуса, платформы привлекают активы, не являющиеся частью фирмы, и создают ценность в социальном и экономическом пространстве, которое не находится ни внутри, ни за пределами платформы.

В следующем разделе мы рассмотрим характерную управленческую проблему, вытекающую из особой организационной формы модели платформы: как управлять деятельностью по созданию ценности, которая осуществляется на платформе, но не в фирме? Мы утверждаем, что отличительная черта алгоритмического управления платформой — его трёхсторонняя форма, в которой владельцы платформы кооптируют поведение поставщиков и пользователей, вовлекая их в практику алгоритмического управления без делегирования им управленческих полномочий. От имени платформы их рейтинги и иные действия алгоритмически переводятся в ранжирования, а также другие калькулятивные устройства, циркулирующие по петлям обратной связи, которые скорее скручены, чем закольцованы. В особом виде кибернетического контроля, которым является алгоритмическое управление, подотчётность и контроль могут отклоняться и отрицаться на каждом этапе обратной связи.

В отличие от научного менеджмента рубежа XX века, в алгоритмическом менеджменте XXI века есть правила, но они не бюрократические, есть рейтинги, но не ранги, есть мониторинг, но не дисциплинарный надзор. Алгоритмическое управление не автоматизирует бюрократические структуры и практики для создания новой формы алгоритмической бюрократии. В то время как устройства и практики тейлоризма были частью системы иерархического надзора, устройства и практики алгоритмического управления действуют в рамках иной экономики внимания и нового режима видимости. Они не вертикальные, а трёхсторонние, и линии видения в алгоритмическом управлении не подобны линиям наблюдения в паноптикуме.

В третьем, заключительном разделе мы подведём итоги нашего анализа для классовых отношений и политических коалиций. Если научный менеджмент предлагал легитимирующий принцип для роста нового менеджериального класса, то алгоритмический менеджмент в условиях монополистического капитализма трансформирует менеджериальный класс. Его асимметрия власти на организационном уровне связана с коалициями на регулятивном уровне, в которых владелец платформы и инвесторы находятся в союзе с потребителями платформы.

Рынки, иерархии, сети, платформы

Какой социальной формой является модель платформы и чем она регулируется? Оливер Уильямсон ограничивает наше видение альтернативой — рынки и иерархии [Williamson 1996]⁵. Макс Вебер пишет о трёх формах власти: традиционной, рационально-правовой и харизматической. Карл Поланьи выделяет три типа экономической координации: рынок, перераспределение и реципрокность [Polanyi 1957]. Уолтер Пауэлл предлагает нам рынки, иерархии и сети, которые связаны, но не изоморфны троице Поланьи [Powell 1990]. Давайте оттолкнёмся от этой классификации.

⁵ Люк Болтански и Лоран Тевено утроили эту пару, предложив шесть «порядков ценности», которые могут служить принципами координации: рыночный, промышленный, гражданский, лояльность, вдохновение и известность [Boltanski, Thévenot 1991]. Позже Болтански и Ив Чьяпелло увеличивают число до семи, присовокупив сетевую форму [Boltanski, Chiapello 1999]; Тевено добавляет восьмой — зелёный, или экологический — принцип [Thévenot 2006].

Платформы как рынки?

Большая часть экономической литературы определяет платформы как двусторонние или многосторонние рынки. Операторы платформ, как правило, не являются покупателями и продавцами, но создают сетевые торговые площадки как минимум для двух разных типов пользователей (например, для покупателей и продавцов), получая процент с каждой транзакции в качестве посредника [Castelle 2016]. Часто, рассматривая одну сторону как центр прибыли, а другую как лидера убытков [OECD 2009], платформы «эффективно перекрёстно субсидируют различные категории конечных пользователей, которые выступают сторонами сделки» [Rochet, Tirole 2003: 1017–1018].

Некоторые платформы — это больше, чем многосторонние рынки. На платформах обмена данными и деньгами, которые, вероятно, более других платформ похожи на торговые площадки, ключевая функция — это неторговая деятельность. Корай Чалышкан демонстрирует, что эти биржи, работая как *рынки*, одновременно являются и *монетными дворами*, которые зарабатывают на данных, и *хранилищами денег*, и *банками*, дающими ссуды [Caliskan 2020]. Они также действуют как *страховые агенты*, *центры обработки информации*, *клиринговые палаты*, *бухгалтерские компании* и даже как *суды*, рассматривающие дела.

Ещё важнее то, что платформы не просто посредничают в транзакциях и извлекают за это ренту. Обладая «способностью систематически отслеживать местоположение, поведение, продукцию, выбор, транзакции и отзывы миллионов людей», платформы извлекают данные, которые они алгоритмически обрабатывают и монетизируют⁶. Именно владение данными, которые генерируются участниками, не получающими своей доли добавочной стоимости, возникающей вследствие их деятельности, отличает платформы от традиционных рыночных посредников.

Делаются и более сильные заявления: платформы — это не рынки, а монополии. Джейми Пек и Рэйчел Филлипс идут ещё дальше [Peck, Phillips 2020]. Опираясь на броделевскую концепцию, они утверждают, что настоящей колыбелью платформенного капитализма является *антирынок* [Peck, Phillips 2020]. Монополистический капитализм понимается как «хищническая» система, живущая за счёт низовых слоёв экономической жизни, где она действует как машина для концентрации политико-экономической власти. Пек и Филлипс определяют монопольную практику платформенных корпораций как отличительную особенность системы.

Если монополистическая власть платформенного капитализма требует сравнения с классическими монополиями XIX и XX веков, то задача такого сравнения состоит в том, чтобы проанализировать особенности того, как достигается и осуществляется рыночное господство [Rahman, Thelen 2019: 179]. Первое отличие заключается в том, что монопольная власть не приобретается и не поддерживается прямым владением (как в монополиях золотого века), а накапливается благодаря способности контролировать и манипулировать рынками, как существующими, так и новыми [Peck, Phillips 2020]. Хотя некоторые платформенные монополии растут за счёт агрессивного поглощения потенциальных конкурентов, классические модели вертикальной и (или) горизонтальной интеграции менее важны, чем *доминирование в сети* — быстрое улавливание внешних сетевых факторов, благодаря которым платформа становится более ценной для каждого пользователя по мере того, как её использует всё больше людей. На этих рынках, где победитель получает всё или большую часть [Cutolo, Kenney 2020], победивший стремится привлечь не только конечных пользователей, но и огромное количество внешних заинтересованных сторон — как правило, небольших фирм, среди которых независимые разработчи-

⁶ См.: [Frenken, Fuenfschilling 2020]. Хосе ван Дейк и Томас Поэлл ссылаются на три процесса: датификацию, коммодификацию и отбор [Dijk, Poell 2013]. Иначе говоря, платформы хранят персональные данные, переводят их в экономическую ценность и используют для фильтрации и настройки информации, адресованной пользователям.

ки, чья деятельность жизненно важна для различных аспектов платформы, но не является частью ее корпоративной структуры.

Платформы как иерархии?

Если платформы не являются рынками, они не являются и иерархиями. Конечно, основной административный компонент платформенного предприятия, скорее всего, управляется бюрократическими методами с относительно плоскими надзорными иерархиями. Однако платформу как организационную форму нельзя сводить к ее корпоративному ядру. На наш взгляд, платформы — это примеры того, что Элизабет Уоткинс и Дэвид Старк называют организационной формой Мёбиуса, имея в виду топологическую форму, не имеющую ни внешнего, ни внутреннего [Watkins, Stark 2018]. Юридически, конечно, корпоративное ядро платформы имеет границы, но в организационном плане границы платформ далеко не четкие⁷.

К трём принципам — «создавать» (иерархия), «покупать» (рынок) или «сотрудничать» (сеть) — форма Мёбиуса добавляет четвёртый — «вовлекать» (кооптировать) [Watkins, Stark 2018]. Определяющий организационный принцип Мёбиуса можно обозначить просто как использование активов и видов деятельности, которые не являются частью фирмы. Платформы применяют этот принцип во многих аспектах своей деятельности. Во-первых, у платформ мало собственных активов, они используют физические активы, которыми не владеют, как видно из этого часто цитируемого отрывка: «У Uber, крупнейшей в мире компании такси, нет своих автомобилей. Facebook, самая популярная в мире медиакорпорация, не создаёт никакого контента. Самый дорогой розничный ритейлер в мире Alibaba не имеет складов, а Airbnb, крупнейший в мире оператор жилого фонда, не владеет собственностью»⁸.

Во-вторых, платформы не иерархичны в организации труда и известны тем, что вместо найма работников используют номинально независимых подрядчиков. Например, водители Uber, мелкие рабочие в Mechanical Turk и частные мастера в TaskRabbit не работают на платформах, которые тем не менее управляют их деятельностью [Griesbach et al. 2019; Cansoy et al. 2020; Schor 2020; Watkins 2020]. То же самое верно для продавцов и других поставщиков (например, на eBay, Amazon или Etsy). Подобно тому как «независимые» субподрядчики, такие как водители Uber, являются не сотрудниками, а *рабочей силой* (workforce) платформы, аффилированные продавцы (например, на eBay) являются не работающей в этой организации *продающей силой* (salesforce) платформы. Более того, некоторые платформы отслеживают счета своих продавцов, эффективно используя их в качестве разведчиков для выявления высокодоходных нишевых рынков, на которые платформа (например, Amazon) выйдет в качестве прямого конкурента⁹. Таким образом, будь то рабочая сила, отдел продаж или исследования рынка,

⁷ В своём утверждении, что топология платформ подобна Мёбиусу, мы не первые, кто подвергает сомнению метафоры внутреннего и внешнего или интернализации и экстернализации при изучении платформ. Так, Мартин Корнбергер и его коллеги заявляют, что понятие «территориализация» (дисциплинарная власть как ограждения) имеет ограниченную полезность при изучении отношений власти платформы и контроля [Kornberger, Pflueger, Mouritsen 2017: 7]. Сходным образом Жан Кристоф Плантин с коллегами отмечают, что «в отличие от разработчиков систем, разработчики платформ не стремятся интернализировать свои среды через вертикальную интеграцию. Вместо этого их платформы предназначены для расширения и доработки извне другими акторами при условии, что эти акторы следуют определённым правилам» [Plantin et al. 2018: 298].

⁸ Высказывание Тома Гудвина, старшего вице-президента по стратегии и инновациям агентства Navas Media, процитированное Хэмишем Макреем, колумнистом издания «The Independent».

⁹ «Платформозависимые предприниматели (platform dependent entrepreneurs — PDE) внедряли инновации в новые предприятия, в которые платформа могла затем входить и захватывать их, используя свою лучшую информированность и способность манипулировать самой платформой, присваивая ренту инноватора» [Cutolo, Kenney 2020: 19]. См., например, случай выхода Google на рынок Android-приложений для фотографий в 2015 г., проанализированный в работе: [Foerderer et al. 2018].

платформы привлекают энергию и креативность участников, которые находятся на платформе, но не являются сотрудниками её ядра.

И наконец, в-третьих, платформы демонстрируют характеристики ленты Мёбиуса не только в отношении рабочей силы, но и в отношении своих пользователей. Очевидно, что пользователи платформы, как и клиенты в целом, не являются частью корпоративной иерархии. Но являются ли пользователи частью платформы? Они внутри или снаружи? Семантика платформенного дискурса уже указывает на его мёбиусовские качества. Где пользователи? Как и рабочая и (или) продающая сила на субподряде, они не внутри и не снаружи. Всё происходит *на платформе*. Да, пользователи — часть платформы; часто они участвуют в её создании. Конечно, вы не являетесь сотрудником Amazon или частью его управленческого состава. Но вполне вероятно, что вы — *участник* (member) Amazon Prime, а также участник Airbnb, Facebook и Etsy. Возможно, вы недавно изменили свой «статус участника» в Uber. И чем больше вы думаете об этом, тем больше осознаёте, как часто вас спрашивают, «хотели бы вы стать членом» той или иной платформы¹⁰.

В прошлом (один из авторов этой статьи находится в достаточно зрелом возрасте, чтобы помнить это) членство было чем-то, что человек делал как член сообщества, вступая, например, в религиозную конгрегацию, родительский комитет или клуб. Авиакомпании и сети продуктовых магазинов распространили идею членства на программы для часто летающих пассажиров и (или) на покупателей. Обычно это были программы лояльности. Эксплуатировалось желание не просто иметь вещи того или иного бренда, но и *ощущать свою принадлежность* к нему. Мёбиусные платформы делают нечто иное. Моё «участие» в программе Delta SkyMiles не влияет на продукты, которые авиакомпания Delta предлагает другим своим клиентам. Но, как хорошо известно, мои сообщения в Facebook, Twitter, Instagram и на других платформах являются частью пользовательского контента. Более того, мои «лайки» связаны с созданием плейлистов на Spotify; мои «звёзды», «пальцы вверх» и «пальцы вниз» — факторы, определяющие ход повествования оригинального сериала Netflix; а мои клики, нажатия клавиш и словесные запросы помогают обучать алгоритмы распознавания образов для Google.

Платформы как сети?

В дополнение к дихотомии рынков и иерархий Уильямсона исследователи организаций, творившие на рубеже XX и XXI веков, подчёркивали, что существует третий способ координации — *сеть*¹¹. Этот способ может принимать различные формы: «субподрядные отношения, исследовательские консорциумы, стратегические альянсы, совместные предприятия и широкий спектр видов деятельности, подпадающих под категорию реляционных контрактов» [Smith-Doerr, Powell 2005: 385], но общим для них является то, что они представляют собой «кооперативные межфирменные отношения» [Kogut, Shan, Walker 1992: 348]. Исследования, сфокусированные на кооперации, продемонстрировали, что отличительный характер сетевых форм — это «*кумулятивный паттерн сотрудничества*» [Kogut, Shan, Walker 1992: 349]¹². В этом режиме процесс взаимного поиска между покупателями и продавцами имеет исторический характер, поскольку на него влияют их отношения с другими фирмами и отношения этих других фирм друг с другом.

На уровне межорганизационных отношений, как показывают Гернот Грабер и Эрвин ван Туйль, модель платформы действительно демонстрирует некоторое сходство с сетевым режимом, поскольку платформы используют сети фирм за пределами своих корпоративных границ [Grabher, Tuijl 2020]. Но сравнение платформы с глобальными производственными сетями (*Global Production Networks*), иногда известными

¹⁰ Иногда пользователю не дают выбора. Хотите послушать трек на Spotify? Вы должны стать участником этого сервиса.

¹¹ См.: [Powell 1990; Podolny, Page 1998; DiMaggio 2001; Stark 2003].

¹² Курсив авторов статьи.

как глобальные цепочки поставок, говорит больше об их различиях. Например, в то время как глобальные производственные сети обычно связывают фирмы с «тяжёлыми активами», задача которых — «создание вещей», управленческая задача платформ — это «поиск совпадений» [Grabher, Tuij 2020: 1009]¹³.

Среди других важных различий — темпоральность, доверие, власть и то, как они пересекаются. Время действительно имеет значение в режиме платформы, но не как продолжительность процессов, а как выбор правильного «момента» для входа и работы. Репутация оценивается, а не создаётся в результате повторяющихся взаимодействий, которые формируют доверительные отношения. Положение в ранговой системе (рэнкинге) важнее лояльности, достигнутой благодаря знанию практических требований меньшего числа реляционных партнёров [Gandini, Pais, Beraldo 2016]. Количество имеет большее значение, чем качество; мгновенная репутация важнее доверия.

Владельцы платформ заинтересованы в долгосрочных отношениях до тех пор, пока отношения строятся на их условиях¹⁴. Вместо логики лояльности они предпочитают логику замыкания. Большинство работ, рассматривающих платформы как экосистемы [Kretschmer et al. 2020], замалчивают их монопольный характер и переход от коллаборативных к зависимым отношениям. Цель стратегий «победитель получает большую часть» (*winner-take-most*) для платформ состоит в том, чтобы предотвратить выход контрагентов (продавцов и покупателей, поставщиков и пользователей), сделав невозможным экспорт репутационного профиля на другую платформу, или, используя монопольную власть, привязать к платформе так называемых комплементоров (*complementors*) [Wang, Miller 2020]. Среди таких комплементоров — независимые разработчики, создающие приложения, которые во многих случаях обеспечивают ключевые функциональные возможности платформы. Именно через интерфейсы прикладного программирования (*Application Programming Interfaces*) платформы, подобные Facebook, взаимодействуют с другими системами в бесшовной интерактивной сети. Но, как показывают Ганаэль Ланглуа и Грег Элмер на примере API Facebook, «вместо того чтобы подключать их к открытой сети, API блокирует обе группы разработчиков приложений и пользователей в ландшафте, определяемом и контролируемом Facebook» (цит. по: [Plantin et al. 2018: 30]).

Платформы как платформы

На наш взгляд, платформенная модель — это новая форма социальной организации. *Sui generis*¹⁵ платформы не столько объединяют трицу Пауэлла, сколько выворачивают её наизнанку. Как уже было сказано, (1) платформы принадлежат рынку, но несводимы к нему, они могут быть антирыночными; (2) подобно иерархиям, они порождают асимметрию власти, но новы и находятся вне бюрократического контроля; и (3) они создают собственность на сетевых свойствах, но заменяют доверие временем. В то время как режим рынка — это *контракт*, иерархии — *командование*, а сетей — *сотрудничество*, режим платформы — *кооптация*.

Если платформы используют физические активы, НИОКР, силу рабочих и продавцов, маркетинговые исследования и творческую энергию клиентов, не создавая и не покупая, а копируя их в соответствии с мёбиусной стратегией, находится ли эта полезная деятельность внутри или вне управленческого контроля? Каков режим управления мёбиусной платформой? Именно к этой проблеме мы и обратимся.

¹³ «По своей природе, в отличие от отношений с поставщиками, транзакции через платформу не являются транзакциями с платформой» [Cutolo, Kenney 2020: 15].

¹⁴ «В то время как традиционный поставщик обычно подписывает долгосрочное соглашение, которое включает защиту для обеих сторон, контракты, подписанные с платформами, неизменно допускают односторонние изменения — и практически без уведомления» [Cutolo, Kenney 2020]. [Здесь и далее в подобных случаях в соответствии с оригиналом указаны источники без страниц цитирования. — *Примеч. перев.*]

¹⁵ В своем роде (лат.). — *Примеч. перев.*

Алгоритмическое управление платформой

Как указывалось в заключительной части предыдущего раздела, мёбиусная топология платформенной модели создаёт проблемы для управления этой деятельностью. Если бóльшая часть ценности, которую привлекает платформа, создаётся «на платформе», но вне корпоративного ядра, как операторы платформы могут контролировать происходящие там насущные действия? Важная часть ответа, как нам кажется, восходит к фундаментальному аспекту платформ, с которого мы начали предыдущий раздел: подвергая сомнению идею о том, что именно рыночный характер платформ лучше всего описывает их доминирующую логику координации, мы решительно соглашаемся с тем, что платформы предполагают многосторонние отношения. В экономике платформы управление и контроль проявляются в многосторонних отношениях и через такие отношения.

Эти отношения, как правило, трёхсторонние: с одной стороны — *владелец* платформы; с другой — *поставщик* (будь то рабочие, продавцы, музыканты, ремесленники и др.); с третьей стороны — *пользователь-клиент* (покупатель, пассажир, слушатель, зритель и др.)¹⁶. Эти роли очевидны даже для самого случайного наблюдателя. Мы переформулируем их здесь, поскольку то, что не очевидно (в большинстве исследований по алгоритмическому управлению), заключается в том, что этот треугольник (*triangular geometry*) [Vallas, Schor 2020: 282] и асимметрии власти по его различным осям являются ключом к пониманию алгоритмического управления в экономике платформы.

Кратко говоря, управленческий вызов, порождённый мёбиусным характером платформенной модели, решается мёбиусным же способом: в трёхсторонних отношениях *владелец платформы кооптирует поведение поставщиков и пользователей* для решения новых управленческих задач. Как более подробно описано ниже, поведение поставщиков и клиентов, действующих от своего имени, вписывается в практику алгоритмического управления без делегирования им управленческих полномочий. Они не являются менеджерами, но наряду с алгоритмами, которые их организуют, их поведение используется в целях алгоритмического управления.

Тем не менее это не тот случай, когда поставщики и пользователи контролируют друг друга. Как мы увидим далее, рейтинги контрагентов алгоритмически переводятся в калькулятивные устройства (*calculating devices*), которые циркулируют по петлям обратной связи (*feedback loops*), в том числе с участием оператора платформы. Эти петли обратной связи не закольцованы (*circular*). Вместо этого они закручены (*twisted*) трёхсторонними отношениями «владелец — поставщик — пользователь». Алгоритмическое управление включает особый вид кибернетического контроля, потому что на каждом этапе цикла обратной связи подотчётность может отклоняться и отрицаться. Алгоритмическое управление придаёт кибернетической петле мёбиусный поворот.

Наши дальнейшие рассуждения берут своё начало в сравнении (противопоставлении) тейлористского научного управления и алгоритмического управления и представлены ниже в трех частях. Здесь же мы кратко резюмируем их: во-первых, на платформах вы найдёте множество правил, но они не бюрократические; во-вторых (и об этом мы расскажем более подробно), вы также обнаружите множество ранжирующих систем (*rankings*), но ранжирующих показателей (*ranks*) почти нет; в-третьих, здесь много мониторинга, но зачастую он не является дисциплинарным надзором¹⁷.

¹⁶ На некоторых платформах (сайты социальных сетей, отдельные музыкальные платформы и др.) к этим участникам также добавляются рекламодатели.

¹⁷ Научное управление присутствует в некоторых аспектах работы платформы, особенно там, где нет трёхсторонних отношений. Например, огромные склады Amazon являются ярким примером алгоритмически управляемого прямого дисциплинарного контроля [Delfanti 2019]. Другими словами, алгоритмическое управление в фирме может принимать иную форму, чем на платформе.

Правила

Один из аспектов алгоритмического управления на современных платформах заключается в том, что операторы платформ действуют как частные регуляторы¹⁸, устанавливая свои специфические правила [Frenken, Fuenfschilling 2020]. Хотя высказывалось предположение, что платформы работают в «юридической пустоте» [Elert, Henrekson 2016], фактически правовая основа деятельности на платформах тщательно определена в «правилах и условиях», которые участник (будь то клиент или — что ещё важнее — поставщик либо продавец) должен подписать [Frenken, Fuenfschilling 2020]¹⁹. Для поставщиков такие условия могут составлять страницы мелкого шрифта. Но, несмотря на объем и специфику, бюрократичность этих правил сомнительна, прежде всего потому, что такие условия не обладают стабильностью²⁰. То же верно и для соответствующих протоколов и алгоритмов оценки продавцов [Curchod et al. 2020] и рабочей силы. Работники также сталкиваются с произволом, когда платформенные компании в одностороннем порядке «переобуваются» (*pivot*) [Ravenelle 2019], изменяя структуру работы или систему компенсации и оценки работников, нередко без предварительного уведомления или обоснования [Griesbach et al. 2019].

Частые изменения условий и протоколов не только не являются источником уверенности²¹, на который может ориентироваться зависимый предприниматель (разработчик, продавец или поставщик). Они и есть основной *источник неопределённости*.

Таким образом, алгоритмическое управление платформой работает совсем не так, как научное управление организацией или предприятием столетием ранее. Хотя на тейлористской фабрике сдельная оплата могла произвольно меняться, фактическое внедрение тейлоризма в больших масштабах потребовало относительно стабильных правил в форме переговоров о производительности труда, утверждённых и контролируемых в период Первой мировой войны производственными советами военного времени [Stark 1980]. Более того, к середине XX века развитие тейлоризма в фордистской и других моделях монополистического капитализма было организовано вокруг стандартизированных шкал заработной платы и других бюрократических правил, целью которых было обеспечение предсказуемости. То, что стали называть внутренними рынками труда, на самом деле было внутренними бюрократическими правилами, призванными уменьшить неопределённость рынка [Stark 1986]. На основе этих правил работники могли использовать протоколы, включающие показатели (алгоритмы,

¹⁸ См.: [Grabher, König 2020]. Как отмечают Мартин Кенни и Джон Зисман, платформы представляют собой «регулирующие структуры», которые диктуют условия взаимодействия [Kenney, Zysman 2016]. Также операторы платформ действуют как «частные регуляторы» и «совместно производят собственную институциональную и социальную укоренённость» [Grabher, Tujil 2020: 1012].

¹⁹ Было бы ошибкой думать об этих условиях как об условиях контракта. На квазимонополистических платформах сроки и условия не являются условно договорными: «Такая крайняя концентрация приводит к тому, что договорные обязательства, регулирующие отношения между платформой и платформо-зависимыми предпринимателями, заметно отличаются от традиционных отношений “поставщик — покупатель”. Практически для всех пользователей платформы условия участия не подлежат обсуждению» [Cutolo, Kenny 2020: 15].

²⁰ Коэн Френкен и Леа Фюнфшилинг утверждают, что специфика платформ основывается на их «способности к перекодированию», то есть они не просто создают собственные правила, но и способны быстро адаптировать их к изменяющемуся контексту. «Точно так же как их технологические возможности развиваются за счёт изменений в программных кодах, формальное институциональное встраивание платформ развивается, или, лучше сказать, перекодируется через постоянные корректировки их условий и положений <...> Способность к перекодированию даёт платформам возможность в значительной степени автономно и непрерывно адаптировать курс институционализации» [Frenken, Fünfschilling 2020].

²¹ Дэниел Крейсс, Меган Финн и Фред Тёрнер отмечают, что, стремясь избавиться от «железной клетки», мы также рискуем потерять ценные элементы бюрократии, забывая, что стабильные системы правления заменили иррациональность традиционных форм господства, таких как монархии [Kreiss, Finn, Turner 2011].

если угодно) квалификации и стажа, чтобы предвидеть продвижение по службе в шкалах оплаты труда и рангах должностей.

Напротив, технические возможности алгоритмических систем облегчают такую форму рационального контроля, которая отличается от технического, бюрократического [Kellogg, Valentine, Christin 2020: 366] или нормативного [Rahman 2020] контроля, используемого работодателями в прошлом. В платформенном монополистическом капитализме [Vertesi et al. 2020] целью постоянного перекодирования институциональной структуры, изменения критериев оценки и непредсказуемых «обновлений» условий является производство неопределённости. Постоянное порождение такой неопределённости — будь то нестабильность [Frenken, Fuenfschilling 2020] или непрозрачность [Curchod et al. 2020; Rahman 2020] — и есть источник небюрократического контроля²².

Небюрократические средства контроля важны, потому что, как подчёркивает Хатим Рахман, платформы теоретически (и юридически) не могут подчинять работников мерам контроля из прошлого [Rahman 2020]. Это нанесло бы ущерб утверждениям владельцев платформы о том, что водители и другие агенты, которые предоставляют свою рабочую силу, музыканты и артисты, которые приводят свои творческие команды, зависимые предприниматели-разработчики, которые поставляют услуги в области НИОКР, продавцы, которые, по сути, обеспечивают отделы продаж, и др. являются независимыми подрядчиками.

Рейтинги и рэнкинги

Тейлоризм связан с экологией устройств. Фактически бóльшая часть материальности тейлоризма — его секундомеры, таблицы учёта рабочего времени и стробоскопические камеры, а также протоколы вычислений — демонстрировали алгоритмические аспекты²³. Алгоритмическое управление платформенным капитализмом также состоит из «экологии учётных устройств (*accounting devices*) в виде рэнкингов, списков, классификаций, звёздочек и других символов (“лайков”, “линков”, “тегов” и других следов, оставляемых кликами)» [Kornberger, Pflueger, Mouritsen 2017: 3].

Но в то время как в тейлоризме сборка людей, устройств и процедур была частью создания и поддержания системы иерархического контроля, сборка людей, устройств и протоколов в алгоритмическом управлении происходит в системе, где петли обратной связи закручены, а не закольцованы. Триангулярные, а не вертикальные линии видения в алгоритмическом управлении не являются линиями паноптикума и, строго говоря, не являются надзорными.

Рейтинги

Одни из самых важных устройств в «оценочной инфраструктуре» (*evaluative infrastructure*) [Kornberger, Pflueger, Mouritsen 2017] алгоритмического управления — это рейтинги; они предлагают комментарии

²² По словам Хатима Рахмана, от «железной клетки» к «невидимой клетке» [Rahman 2020].

²³ Одним из интересных следствий сравнения тейлоризма и алгоритмического управления является то, что сравнение обнаруживает аспекты первого. Часто утверждают, что алгоритмические черты характерны для многих процессов (например, для приготовления блюд). Но в том, что тейлоризм обладал алгоритмическими характеристиками, есть нетривиальный смысл. Это, безусловно, было так в исследованиях движения Фрэнка и Лилиан Гилбретов. Созданная как альтернатива исследованиям времени классического тейлоризма, система Гилбретов заменила секундомер Тейлора, который зависел от взаимодействия рабочего с кинокамерой в своего рода лабораторных условиях. Исследование микродвижений включало съёмку действий человека, их анализ путём разбивки движений для вычисления времени, необходимого для отдельных микродвижений, и каталогизацию этих элементарных движений, время которых можно было сложить, чтобы получить стандартизованное время для выполнения определённой деятельности. С помощью такого микроанализа Гилбреты создали алгоритмическую систему, которую мы теперь можем назвать базой данных элементарных движений.

о работе от потребителей. В отличие от оценок сотрудников линейными руководителями (в обычном корпоративном окружении) или 360-градусных оценок коллег (в постбюрократических условиях), рейтинги создаются контрагентами по сделке. Привычные всем нам в повседневной жизни рейтинги могут включать письменные комментарии, но часто представляют собой простые числовые оценки или их графические представления либо, в случае бинарных данных, индикаторы (большие пальцы вверх или вниз, «лайки», репосты, ретвиты и т. д.), которые можно сложить, чтобы получить оценку²⁴. Эти рейтинги могут служить обратной связью для информирования поставщиков об их эффективности в различных формах; эти показатели эффективности, что важно, часто доступны другим пользователям.

Конечно, такие показатели эффективности всегда доступны оператору платформы. Фактически некоторые платформы исключают или наказывают провайдера или пользователей на основании их оценок другими²⁵. Даже без проверки оператором платформы (или без агрегирования в рэнкинге) пользовательские рейтинги могут влиять на *поведение поставщика*, поскольку доступ пользователей к рейтингам способен влиять на *потребительский выбор*. Как продемонстрировали Ванда Орликовски и Сюзан Скотт в их раннем и важном исследовании TripAdvisor и как показывают в исследовании eBay Курчод и его коллеги, онлайн-оценки порождают чувства тревоги и уязвимости [Scott, Orlikowski 2012; Orlikowski, Scott 2014; Curchod et al. 2020]²⁶.

Рэнкинги

Как уже упоминалось, рейтинги — это, как правило, баллы. Большое значение для алгоритмического управления имеет то, что рейтинг (или набор рейтингов по разным параметрам) может быть легко агрегирован и переведён в рэнкинг (ранжирование) [Stark 2011]. Если рейтинг понимается как оценка чего-то как лучшего или худшего относительно стандарта, рэнкинг воспринимается как оценка чего-то как лучшего или худшего, чем некоторое другое (даже когда при ранжировании не ссылаются ни на какой-либо стандарт, ни на непосредственное, проведённое когда-либо сравнение акторов и (или) объектов)²⁷.

Рейтинги имеют значение, потому что большая часть экономики платформы — это *экономика внимания* (*economy of attention*). За внимание борются не только продавцы, но и почти все типы пользователей. Чтобы быть выбранным для покупки или подпадать под соответствие запросу пользователя (*match*), нужно быть видимым. На многих платформах видимость напрямую зависит от того, где в рэнкинге находятся предложение, поставщик или пользователь. Видимость, создаваемая рэнкингами, особенно важна, потому что количество предложений или потенциальных совпадений на платформах воистину ошеломляет. Даже если предложения, представленные в рэнкинге, ограничены жанром или каким-то типом классификации, нередко их число бывает огромным²⁸. Конкретное количество, как правило, ва-

²⁴ См. первопроходческий анализ «экономики лайков» (*the like economy*): [Gerlitz, Helmond 2013].

²⁵ См. анализ отключений в компании Uber: [Rosenblat 2018].

²⁶ См. о враждебных практиках со стороны клиентов, включая формы шантажа: [Curchod et al. 2020]. Авторы этого исследования пишут, например, о eBay: «Продавцы обеспокоены тем, что одна лишняя оценка может автоматически вызвать понижение статуса. Фрустрация и тревога, которые испытывают продавцы, частично обусловлены ощущением того, что они окружены вещами, а не людьми, и, следовательно, не способны общаться и оправдывать свои действия» [Curchod et al. 2020: 667].

²⁷ См. [Esposito, Stark 2020; Stark 2020]; см. также о реляционном, а не о референциальном характере алгоритмических оценочных инфраструктур: [Kornberger, Pflueger, Mouritsen 2017: 11–13].

²⁸ Приведу несколько примеров: если вы ищете жильё в большом городе, Airbnb может сообщить, что «на запрошенные даты есть более 300 вариантов размещения» (стандартная формула), а затем представить их в соответствии с приорите-

рыруется в зависимости от платформы: 10, 110 или 1010, но, оказавшись ниже определенной позиции в рэнкинге, вы будете просто невидимы²⁹.

В борьбе за внимание игроки платформ соперничают за место в алгоритмических рэнкингах. Это место определяется совокупными рейтингами других пользователей, иногда — рейтингами прямых контрагентов, порой — даже других провайдеров (вспомните, например, «лайки» и репосты на культурных платформах)³⁰. Такая конкуренция похожа на рыночную меньше, чем на организованные соревнования. Но соревнования на платформах не похожи на спортивные турниры, музыкальные или архитектурные конкурсы, которые проводятся в определённое время и в определённом месте, когда участники регистрируются в начале, а победители объявляются в конце. Рэнкинги проводятся практически в любом месте, почти в любое время, возможно, даже всегда; они постоянно обновляются³¹.

Рэнкинги онлайн-платформ не похожи и на награды и призы обычных конкурсов [Espeland 2020]. Победитель Олимпийских соревнований всегда является «золотым призёром Олимпийских игр». Но поставщик, занявший восьмое место в каком-то списке, может выпасть из первой десятки в очередном рэнкинге — в следующем году, в следующем месяце или на следующий день. И разница между попаданием в первый десяток или выпадением из него может иметь значение, даже если порядковый шаг очень мал [Stark 2020]. На многих платформах рэнкинги имеют не эпизодический (например, ежегодный) характер, а алгоритмически обновляются практически непрерывно. Алгоритмический контроль в этих случаях не означает, что пользователь или поставщик находится под постоянным наблюдением 24/7, а означает, что оценка его поведения другими и перевод этих сторонних оценок в ранжирование, которое может получать обратную связь с целью повлиять на их поведение, происходят всё время³².

Порядки ранжирования могут быть явными; но зачастую ранжированный список как таковой не представлен. Это обычное дело на культурных платформах, где, по словам Тициано Бонини и Алессандро Гандини, существует новый режим видимости [Bonini, Gandini 2019]. Меняющаяся роль рэнкингов в области потребления музыки, где алгоритмические рейтинги (и сопровождающий их контроль) принимают новые формы в ответ на появление новых продуктов и услуг, особенно интересна.

том, который установлен алгоритмом. Если вы ищете стакан или вилку на Amazon, вам предложат первые 48 из «более 70 тыс.» результатов (опять же стандартная формула).

²⁹ См.: [Bucher 2012]. Ранжирование также важно для видимости научных результатов. Конечно, вы никогда не купите книгу, основываясь на её общем рэнкинге продаж на Amazon. Тем не менее, направляя своё чтение, вы можете подсознательно полагаться на рэнкинги. Если вы используете Google или Google Scholar для поиска статьи по заданной теме, особенно в области, с которой не очень хорошо знакомы (например, «меры сетевой централизации» или «перформативные исследования»), ваше внимание будет направлено на ранжирование, организованное алгоритмически и в значительной степени основывающееся на количестве цитирований. Джеймс Эванс показывает, как результирующий паттерн внимания ускоряет поиск, но ограничивает разнообразие подборки [Evans 2008].

³⁰ По большей части операторы платформ занимаются созданием конкуренции. Иногда они намеренно манипулируют рэнкингами. Сопределение, результатом которого стала разработка «Руководящих принципов прозрачности ранжирования в рамках регламента ЕС по отношениям между платформами и бизнесом» [Regulation EU 2019/1150], показало, что одной из основных трудностей, с которыми сталкиваются предприятия в своих отношениях с онлайн-платформами, являются произвольные и дискриминационные изменения алгоритмов поиска, вносимые онлайн-платформами практически без предупреждения или объяснения.

³¹ См. подробнее о конкуренции и соревнованиях (а также о различиях между дискретными либеральными соревнованиями и непрерывными «нелиберальными» соревнованиями онлайн-платформ): [Stark 2020].

³² См., в частности, о недисциплинарном характере нелиберальных соревнований: [Davies 2020]. В ходе вдумчивого исследования показателей эффективности и алгоритмического управления, подчёркивающего роль рэнкингов, социологи Олаф Вельтус и Нильс ван Доорн документируют ежедневное, даже ежечасное обновление на онлайн-платформе рейтингов (буквальных) результатов деятельности секс-работников [Velthuis, Doorn 2020].

Практика курирования контента³³ занимает видное место в музыке, как и в других областях культуры; при этом топ-листы постоянно фигурируют в кураторстве. На радио или на современных платформах потоковой передачи музыки курирование — характерная услуга, предоставляемая слушателю³⁴, а ранжированный список был и остаётся основным кураторским форматом. Конечно, этот формат сильно изменился.

Списки топ-40 определяют повестку дня на AM-радио и, следовательно, потребительские привычки слушателей поп-музыки. А если образ Роба Флеминга, владельца магазина инди-пластинок из романа Ника Хорнби «High Fidelity»³⁵ [Hornby 1995], правдоподобен, то слушатели FM-радио тоже были знакомы с альбомами первой десятки³⁶. Запись сингла была основной единицей продаж на AM-радио, а альбом — основной единицей для FM, но сегодняшние онлайн-платформы потоковой музыки разделили альбомы и перекомпоновали релизы, чтобы *создать новый продукт* — плейлист [Bonini, Gandini 2019: 2; Prey 2020: 3]. Таким образом, если топ-40 или топ-10 были ранжированными списками продуктов (релизов и (или) альбомов), то *сегодняшний продукт* (плейлист) сам по себе является *ранжированным списком*.

Пользователей Spotify или других музыкальных потоковых платформ, которые, несомненно, знакомы с плейлистами, может озадачить то, что мы называем плейлисты ранжированными. Однако операторы платформ, лейблы, дистрибьюторы и музыканты ничуть не удивятся этому, поскольку мы имеем в виду не те плейлисты, которые формируете вы или ваши друзья (в Spotify таких миллиарды), а плейлисты, генерируемые операторами платформы. Хотя крупные лейблы имеют собственные плейлисты на Spotify для продвижения своих артистов, именно плейлисты, созданные Spotify, преимущественно доминируют на платформе³⁷. Каждая платформа имеет своё собственное проприетарное программное обеспечение для анализа данных. Например, программа PUMA³⁸ разбивает каждую песню в плейлисте по таким параметрам, как количество воспроизведений, количество пропусков и количество сохранений. Эта программа также отслеживает общую производительность плейлиста в целом с помощью красочных диаграмм и графиков, иллюстрирующих возрастной диапазон слушателей, их пол, географический регион, время суток, уровень подписки и многое другое (см.: [Bonini, Gandini 2019: 6]).

Жанровые или настроенческие плейлисты (RapCaviar, Soul Coffee), плейлисты для отдельных исполнителей (This is Lang Lang) и персонализированные плейлисты, алгоритмически сформированные³⁹

³³ Регулярная сортировка, упорядочивание и организация актуальной информации о популярных исполнителях или хитах для того, чтобы делиться получившимися ранжированными списками со слушателями. — *Примеч. перев.*

³⁴ См.: [Prey 2020]. Т. Бонини и А. Гандини приурочивают к концу 2014 г. «кураторский поворот» — не потому, что это первый случай кураторства в презентации музыки, а потому, что именно в этот момент платформа Spotify взяла на себя роль куратора, перейдя от простой потоковой передачи музыки к созданию плейлистов [Bonini, Gandini 2019: 3].

³⁵ Известен в русском переводе как «Hi-Fi» (ИГ «Лениздат», 2013). — *Примеч. ред.*

³⁶ Роб Флеминг (персонаж, сыгранный Джоном Кьюсаком в одноименном фильме) использовал формат списков топ-5 как способ упорядочивания собственной личной жизни и своего образа.

³⁷ «Самый популярный плейлист, созданный по алгоритму Spotify, “Топ хитов дня”, насчитывает более 22 млн подписчиков. По состоянию на январь 2019 г. 35 наиболее популярных плейлистов на Spotify курировались платформой, как и 99 из 100 лучших плейлистов» [Prey 2020: 3]. «На кураторские списки Spotify приходится более трёх четвертей подписчиков 1000 лучших плейлистов» [Aguilar, Waldfogel 2018: 8].

³⁸ PUMA (Playlist Usage Monitoring and Analysis) — мониторинг и анализ использования списка воспроизведения.

³⁹ В создании списков воспроизведения часто участвуют и алгоритмы, и люди: «Вместо противопоставления редакторской и алгоритмической логик мы должны представить их как складываемые и спутанные; обе они формируют продукты платформ. Они всегда присутствуют вместе, но имеют неодинаковый вес. Каждая платформа формулирует эти логики, придавая им разную значимость. В некоторых плейлистах Spotify важнее алгоритмическая логика, в то время как в других актуальней редакторская» [Bonini, Gandini 2019: 6].

для конкретных пользователей (например, Discover Weekly, Your Daily Drive и Release Radar), не отображаются в виде нумерованных списков. Однако порядок треков в рэнкинге известен оператору платформы (поскольку основным фактором, определяющим, есть ли вообще релиз в списке воспроизведения, является присутствие в рэнкинге). Самое главное для артистов и лейблов — это то, что положение в дискретно ранжированном плейлисте напрямую влияет на прослушивание и доходы, при этом расположение в верхней части плейлиста оказывает наибольшее влияние⁴⁰: *«Исполнители музыки и звукозаписывающие лейблы всё больше зависят от выгодных позиций в плейлистах, контролируемых Spotify. Для таких платформ, как Spotify или YouTube, не владеющих правами на свой контент, плейлисты являются ключевым механизмом, с помощью которого проявляется то, что мы можем назвать кураторской властью»* [Prey 2020: 3].

Доминируя в игре плейлистов, операторы платформ теперь пытаются использовать зависимость артистов от включения и ранжированного местоположения в плейлистах для повышения прибыли платформы, на сегодняшний день ограниченной основными лейблами звукозаписи, которым платформа должна платить сборы за потоковую передачу. Spotify, например, предлагает внушительные авансы независимым исполнителям за лицензирование их музыки непосредственно на платформе. Согласно журналу «Billboard», «некоторые артисты говорят, что у них есть соблазн заключить прямые сделки со Spotify не только из-за авансового платежа и более высоких потенциальных выплат за стрим, но и из-за перспективы лучшего размещения в топовых плейлистах» (цит. по: [Prey 2020: 7])⁴¹.

От дисциплинарного надзора к неконтролирующей видимости

Говоря о явных или замаскированных (вроде списков воспроизведения) рэнкингах алгоритмического управления как о «новом режиме видимости», мы имели в виду способы, которыми упорядоченные списки привлекали к участникам внимание других в платформенной экономике. Однако некоторые могут подумать, что инструменты алгоритмического управления указывают на иной тип видимости: подчинённые в просматриваемой снаружи клетке становятся объектом нового и ещё более вездесущего взгляда руководителей. Эта перспектива показывает алгоритмическое управление как новый дисциплинарный паноптикум. Такой точки зрения придерживаются, например, Курчод и его соавторы в исследовании о eBay [Curchod et al. 2020: 665–667 (особенно)]. Мы, впрочем, опираясь на их пронизательные наблюдения об асимметрии власти между оценивающими и оцениваемыми на уровне взаимодействия и между продавцами и владельцами платформы на структурном уровне, не делаем вывод, что эти «асимметрии власти проистекают из способности eBay вводить санкции и вознаграждения с помощью *крайне бюрократических, автоматизированных практик*» [Curchod et al. 2020: 660] или что его «продавцы находятся в формальной, иерархической структуре власти» [Curchod et al. 2020: 666].

В предыдущем разделе мы настаивали, что платформенные организации в самом деле сильны. Более того, диапазон свойств алгоритмического управления (широкий охват регистрации и в то же время возможность сделать видимыми интимные детали) действительно выдающийся. Однако в противопо-

⁴⁰ «Исследование Европейской комиссии показало, что размещение трека в плейлисте Spotify "Today's Top Hits" принесло дополнительный доход в размере до 163 тыс. долл. США. Другие популярные плейлисты, курируемые Spotify, привели к ещё более высоким выплатам: "Viva Latino!", как оказалось, обеспечил от 303 047 до 424 265 долл. США дополнительного дохода на трек [Aguilar, Waldfogel 2018]» (цит. по: [Prey 2020: 3]).

⁴¹ Отмечая, что Netflix часто упоминается как модель платформы, переходящей от распространения культурного контента к его производству, Роберт Прей указывает, что в звукозаписи концентрация значительно выше, чем в телевизионной и киноиндустриях, причём три крупные музыкальные компании контролируют большую долю потокового контента Spotify [Prey 2020]. Слишком быстрое и жёсткое подписание прямых контрактов с артистами может создать риск ответного удара со стороны одного из крупных лейблов; кроме того, маржа прибыли настолько мала, что инвесторы склонны к постепенному позиционированию платформы как производителя контента. Цена акций Spotify, скорее всего, будет двигаться в зависимости от побед и неудач в битвах плейлистов.

ложность мнению Курчода с коллегами [Curchod et al. 2020] платформы демонстрируют, что централизованная власть может быть отделена от прямого дисциплинарного контроля⁴². В платформенном алгоритмическом управлении контроль децентрализован и распределён [Kornberger, Pflueger, Mouritsen 2017; Vallas, Schor 2020]⁴³.

Конечно, бюрократические органы также распределяют контроль: бюрократический надзор распространяется иерархически (субъект бюрократической иерархии может контролировать одних акторов, находящихся ниже, и быть под контролем других, занимающих более высокое положение в иерархии власти). Говоря, что контроль в алгоритмическом управлении децентрализован и распределён, мы не имеем в виду, что *бюрократическая власть* распределена более децентрализованным образом. Алгоритмическое управление не организовано вокруг бюрократической власти ни обычно, ни алгоритмически.

В трёхсторонней алгоритмической модели владельцы платформ отказываются от надзорного контроля [Kornberger, Pflueger, Mouritsen 2017: 3; Vallas, Schor 2020: 282] в пользу вовлечённого поведения (*enrolling the behavior*)⁴⁴ двух других сторон обмена. Именно эта вовлечённость становится ресурсом алгоритмического управления⁴⁵. Хотя покупатели и продавцы не являются частью управленческой команды, они тем не менее важнейшая часть алгоритмического управления.

Отсюда следует, что алгоритмическое управление *не автоматизирует бюрократические структуры и практики*. Проблемы, с которыми оно имеет дело, не относятся к бюрократическим, и решения не создают какой-то новой формы алгоритмической бюрократии. Исходные данные для рейтингов, рэнкингов и многих других небюрократических учётных устройств алгоритмического управления производятся взаимодействиями в трёхсторонних отношениях, и конечные результаты — показатели эффективности — доступны второй и третьей сторонам (хотя отчасти и нередко в довольно непрозрачном виде).

Говоря о поведении второй и третьей сторон как вовлечённых в практику алгоритмического управления, мы сознательно используем язык «вовлечения» [Latour 1987; Callon 2007]. Сотрудники и пользователи, продавцы и клиенты действуют от своего имени, а не как агенты или представители руководства платформы. Мы предпочитаем «вовлечение», потому что «делегирование»⁴⁶ может означать, что та же самая надзорная деятельность теперь возложена на других участников. Аналогичным образом допустимо предположить, что, поскольку им были делегированы полномочия, они теперь подотчётны руководству платформы.

Широкие изменения паттернов подотчётности, происходившие с середины XX века, можно показать на трёх исторических конфигурациях, которые соответствуют массовому производству, коллаборативному производству и платформизации.

⁴² Власть «заключается в количестве пользователей и больших данных, а не в способности дисциплинировать и контролировать людей напрямую» [Kornberger, Pflueger, Mouritsen 2017: 12].

⁴³ На складах Amazon и на платформах доставки Instacart и Deliveroo централизованная власть может сочетаться с «алгоритмическим деспотизмом» [Delfanti 2019; Griesbach et al. 2019; Woodcock 2020].

⁴⁴ Авторы используют здесь термин акторно-сетевой теории *enroll (enrolling)*, один из переводов которого на русский язык — «вербовка», то есть стремление заинтересовать потенциальных союзников. — *Примеч. перев.*

⁴⁵ В исследовании компании eBay Мартин Корнбергер и его коллеги приводят отличный пример отказа от контроля. Как показывают эти исследователи, проблема репутации была одной из наиболее насущных (возможно, единственной) для платформы онлайн-маркетплейса. eBay отказалась выносить суждения о репутации. «Оценочная инфраструктура, созданная для решения этой проблемы, стала инструментом распределения управленческих задач, которые изначально кропотливо выполнялись внутри компании» [Kornberger, Pflueger, Mouritsen 2017: 8].

⁴⁶ Термин «делегирование» заимствован у Стивена Валласа и Джулиет Шор [Vallas, Schor 2020: 282], с которыми в остальном мы полностью согласны относительно механизма управления платформой.

Таблица 1

Исторические модели управления, прозрачности и подотчётности

	Середина XX века Массовое производство	Конец XX века Коллаборативное производство	Начало XXI века Платформизация
Управление	Научное	Проектное	Алгоритмическое
Видимость	Вертикальная	Латеральная	Триангулярная
Подотчётность	Иерархическая	Гетерархическая	Смещённая

Тейлоризм был строго иерархичен: в части не только управленческого продвижения и подотчётности, но и последовательного инжиниринга и укоренённости в концептуальной структуре, в которой категории включённости и исключённости организованы от частного к общему [Stark 2009]. Алгоритмическое управление работает по другой логике, без вертикальности и последовательного инжиниринга корпорации середины XX века: его базы данных не категориальны, а реляционны. Алгоритмическое управление также не похоже на проектное управление высокотехнологичными стартапами, где когнитивно далёкие члены команды ищут скорее латеральной координации, чем обособленности (*compartmentalization*) [Vaas, Stark, Vedres 2015]. Платформенная экономика, в отличие от проектного управления стартапами конца XX века, существует без горизонтальности и параллельного инжиниринга⁴⁷: пока за одними алгоритмически наблюдают, другие конкурируют в рэнкингах за алгоритмическое внимание.

В корпоративном мире капитализма середины XX века, как и в других иерархических системах, подотчётность была вертикальной. В постбюрократических фирмах конца XX века, в высокотехнологичных стартапах и внутренних проектах во всех других отношениях корпоративных фирм сосуществовали многочисленные принципы оценивания. В этой гетерархической форме подотчётность была латеральной, что красноречиво выразил молодой интерактивный дизайнер из Кремниевой аллеи⁴⁸ на Манхэттене, когда его спросили, кому он подотчётен в новом медиастартапе: «Я подотчётен всем, кто на меня рассчитывает» [Stark 2009: 23]. В алгоритмическом управлении платформенной экономики подотчётность (как и линии видимости) не является ни вертикальной, ни латеральной. Контрагенты не подотчётны операторам проекта. И, хотя они оценивают друг друга с помощью всевозможных устройств и должны учитывать эти оценки, они не подотчётны и друг другу. А операторы проекта, безусловно, не подотчётны своим сотрудникам и (или) продавцам либо пользователям. Оценок и рейтингов предостаточно, отчётности много, но никто не несёт ответственности, потому что в алгоритмическом учёте не существует подотчётности.

Классовая структура и политические модели платформенного монополистического капитализма

Классовая структура, классовый состав

В этом заключительном разделе мы коротко обозначим выводы, к которым подводит наш анализ класса и политики в платформенном монополистическом капитализме. С точки зрения классовой структуры алгоритмическое управление нашего века поучительно сравнить с движением научного менеджмента столетней давности. Хотя тейлоризм обычно понимается как инструмент капитала в его господстве над трудом [Braverman 1974], эта двухклассовая модель не может объяснить введение и распространение научного менеджмента, потому что она игнорирует то, что тейлоризм был проектом нового клас-

⁴⁷ О последовательном и параллельном инжиниринге см.: [Sabel, Dorf 1998; Stark 2009: 21–23, 99–101 (особенно)].

⁴⁸ Silicon Alley (англ.) — территория высокотехнологичных компаний, расположенных в районе Флэтайрон на юге Манхэттена в Нью-Йорке. — Примеч. перев.

са. Под руководством Фредерика Уинслоу Тейлора научный менеджмент заложил основополагающие принципы для практики и идеологии *нового класса знаний* (new knowledge class). Трансформация трудового процесса была многосторонней классовой борьбой между трудом, капиталом и этим формирующимся новым классом [Stark 1980].

Авангардом движения выступали промышленные и машиностроительные инженеры, которые переняли и модифицировали методы научного управления для продвижения своих классовых интересов в качестве лидеров быстро пополняющихся менеджерских рядов. Они оправдывали свои притязания не владением капиталом и не трудовой теорией стоимости. Вместо этого научный менеджмент претендовал на знание и стал идеологическим стержнем нового класса менеджеров и профессионалов. Не обязательно принимать его претензии на объективность и научность, чтобы признать, что это была мощная идеология для класса, который разрастался на протяжении всего XX века.

Если научное управление способствовало или, по крайней мере, согласовывалось с подъёмом и ростом менеджеров как класса, то каковы вероятные последствия алгоритмического управления для классовой структуры и состава? В чём состоят классовые интересы новых социальных инженеров? Чем они отличаются от тех, что выражал новый класс знаний сто лет назад? Насколько они согласуются или конфликтуют с интересами владельцев платформ? Эти вопросы заслуживают всестороннего рассмотрения. Мы указываем здесь на некоторые направления дальнейших исследований.

Если в научном менеджменте видное место занимали промышленные инженеры и механики, то инженерную базу алгоритмического управления составляют программисты и специалисты по обработке и анализу данных. Более вычислительные, чем у тейлористов и их последователей, тесты, проводимые этими инженерами, с большой вероятностью будут не про эргономику, а про фундаментальные вопросы о социальности (например, каковы сетевые свойства доверия или в чём смысл социальных связей?) [Marres, Stark 2020]. Специалисты по обработке данных и программисты действительно участвуют в новом проекте социальной инженерии.

Претензии на объективность и научность отмечают прочную линию преемственности, через столетие соединяющую научное и алгоритмическое управление. Наш анализ подчеркнул различия. В то время как научный менеджмент был связан с проектом бюрократического надзора и ростом менеджерского класса, алгоритмическое управление не является бюрократическим, и его господство изменяет состав класса знаний. А исходя из нашего анализа есть основания полагать, что рост платформенной экономики и распространение алгоритмического управления будут сопровождаться заметным снижением числа менеджеров. Алгоритмическое управление не автоматизирует бюрократию и не создаёт её алгоритмически. Тем не менее алгоритмическая триада будет лишать менеджеров работы [Enriquez, Vertesi 2020]. Это эмпирический вопрос. Связанная с ним гипотеза предполагает, что алгоритмическое управление сопровождается общим, хотя и более медленным, спадом в управлении, отмечая при этом резкое изменение соотношения линейного и кадрового менеджмента и заметно благоприятствуя последнему. Это вопросы для будущего исследования.

И наконец, если движение научного управления возглавляли инженеры-механики, то кто являются ведущими представителями алгоритмического управления? Принадлежит ли лидерство специалистам в области работы с данными или инженерам-программистам? Для того чтобы научный менеджмент получил широкое распространение, тейлористы должны были пойти на компромиссы по обе стороны классового противостояния, приспособиться как к промышленникам, ограничив их амбиции, так и к трудящимся, вступив с ними в переговоры о производительности [Stark 1980]. Где проходят линии противоречия и совпадения между специалистами в области больших данных и владельцами платформ? Это тоже вопросы для дальнейшего исследования.

Общественные коалиции

В заключение обратимся к политике. Любой анализ политической модели(-ей) платформенного капитализма, даже такой краткий, как этот очерк, должен начинаться с того, какую роль сам термин «платформа» играет в легитимации идеологии⁴⁹ платформенного доминирования и в её политических союзах. Как убедительно демонстрирует Тарлтон Гиллеспи, термин «платформа» вызывает множество коннотаций [Gillespie 2010]: операционная система, основание строения, возвышающийся архитектурный элемент, платформа в метро, политическая платформа, место, где можно занять позицию или выразить себя, многое другое. По мнению Гиллеспи, понятие «платформа» «достаточно конкретное, чтобы что-то значить, и достаточно расплывчатое, чтобы работать в нескольких местах для разных аудиторий» [Gillespie 2010: 349]⁵⁰. Однако общим в различных коннотациях платформы, как правило, является то, что они плоские и открыты для всех: «в любом из смыслов *платформы* её приподнятость, плоскость и доступность относятся к идеологическим особенностям в той же мере, что и к физическим», а сам термин, предлагая «прогрессивное и эгалитарное устройство, которое обещает поддержку тем, кто на ней стоит», «сохраняет популистский дух» [Gillespie 2010: 350–351]⁵¹.

Если платформа обращается к разным аудиториям на одном языке и открыта с точки зрения доступности, эта метафорическая сглаженность (*flatness*) отвергает асимметрии власти между акторами. Но геометрия здесь жёсткая и не плоская. Как асимметрии власти приводят к доминированию участников, как они создают коалиции на уровне платформы и как они соотносятся с коалициями на уровне общества в нынешней ситуации?

Повторяя тему обозримости, мы возвращаемся к исследованию eBay (см.: [Curchod et al. 2020]), сосредоточившись на паттернах видимости. В то время как послужные списки (*track records*) и сведения о *продавцах* были видны всем, при «оценивании онлайн *покупателям* позволялось скрывать свой послужной список и личность и сохранять конфиденциальность электронной почты» [Curchod et al. 2020: 656]⁵². Анонимность и невидимость покупателей соответствуют асимметрии власти *в пользу*

⁴⁹ Всесторонний анализ легитимирующего дискурса платформенного капитализма должен был бы подчеркнуть выдающуюся роль того, что Люк Болтански и Ив Чьяпелло называют связующим (*connectionist*) порядком ценности, указывая, например, на роль совпадения (*matching*) в дискурсе платформы [Boltanski, Chiapello 1999].

⁵⁰ Идея Гиллеспи о дискурсивном позиционировании, которое делает возможным интерпретацию в нескольких — даже несопоставимых — регистрах, аналогична понятию «робастное действие» (*robust action*) Джона Паджетта и Кристофера Анселя [Padgett, Ansel 1993]; см. также концепцию пограничного объекта (*boundary object*) [Star, Griesemer 1989]. По мнению Старка, пограничный объект «должен быть довольно устойчивым, чтобы перемещаться между площадками, и достаточно гибким, чтобы адаптироваться к местным ограничениям и потребностям различающихся партий, которые их используют. Достаточно робастные, чтобы быть узнаваемыми в отличающихся контекстах, пограничные объекты распознаются различными сообществами по-разному» [Stark 2009: 194].

⁵¹ Платформенные миллиардеры обычно презентуют себя либо как компьютерных «гиков», либо как «обычных парней». Независимо от того, бросали ли они Гарвард (Билл Гейтс и Марк Цукерберг), заканчивали Принстон и получали степени в области электротехники и компьютерных наук (Джефф Безос) или учились в аспирантуре по информатике в Стэнфорде (Сергей Брин и Ларри Пейдж), одни из основателей ранних платформ проводят (по праву или нет) ассоциации с гиками, которые связывают их с технической элитой. Другие, более поздние, учредители представляют себя в более популистском облике. Например, миф о создателях Airbnb восходит к 2007 г., когда основатели ехали на конференцию, но не имели средств на оплату проживания. Они решили ненадолго сдать свои квартиры, чтобы покрыть расходы на поездку. Это породило идею платформы. То же самое и с BlaBlaCar: Фред Маццелла не смог найти место в поезде, чтобы под Рождество добраться до своего родного города, и понял, что в машинах, идущих в том же направлении, есть много свободных мест, однако он не мог получить к ним доступ. В этих случаях основатели сталкивались (предположительно, «как вы и я») с какой-то досадной проблемой в попытке что-то сделать; они нашли решение и теперь делятся им с нами.

⁵² Курсив авторов статьи.

покупателя, а не продавца, на уровне транзакций; а позиция безразличия и дистанции со стороны платформы согласовывается с асимметрией власти в пользу оператора платформы над продавцом на уровне управления. В результате Курчод и его коллеги наблюдают «изоляцию видимых» (продавцов) и выявляют «коалицию невидимых» (покупателей и владельца платформы) [Curchod et al. 2020: 665]. Эта коалиция оператора платформы и клиента знакома участникам, которыми управляют на платформах, будь то водители на Uber, музыканты на Spotify, ремесленники на Etsy или зависимые коммьюнити на многих других [Huws 2014; Schor 2020].

Если исследователи организаций на платформенном уровне идентифицируют коалицию интересов между владельцами платформы и клиентами, то какие коалиции на уровне общества обнаруживают политэкономисты? В показательной политэкономической статье К. С. Рахман и Кэтлин Телен дают ответ, особенно интересный тем, что они почти не ссылаются на исследования на организационном уровне [Rahman, Thelen 2019].

Рахман и Телен помещают свой анализ подъёма платформенной модели в исторический контекст, выделяя в последнем столетии три основных этапа эволюции капитализма. Модель середины XX века включала «узы реципрокных отношений» (*nexus of reciprocal relationships*) между промышленными мегафирмами (такими как General Motors и General Dynamics) и их стейкхолдерами. Эти узы служили достижению устойчивого продолжительного роста, залогом которого являлись многочисленная рабочая сила на постоянных трудовых контрактах и гарантированный долгосрочный капитал (*patient capital*). Данная модель рухнула в конце XX века, сменившись «сетью контрактов», в которой основным показателем успеха была цена акций. В компаниях, подобных Nike, давление инвесторов способствовало возникновению стратегий агрессивного аутсорсинга и сокращения рабочей силы для того, чтобы противостоять ценовой конкуренции между производителями. На третьем этапе новые фирмы, основанные на платформенной бизнес-модели, поддерживаются инвесторами другого типа: «в отличие от менталитета 1990-х “раздели и продай”, финансовые интересы таких фирм, как Uber и Amazon, имеют долгосрочную перспективу» [Rahman, Thelen 2019: 180].

На каждом этапе бизнес-модель опирается на различную политико-коалиционную основу: модель середины века была основана на коалиции менеджеров и стейкхолдеров (включая рабочую силу), а революция акционеров (*shareholder revolution*) конца XX века была организована вокруг объединения менеджеров и инвесторов; модель платформы XXI века сегодня построена на союзе владельцев фирм, инвесторов и потребителей. «Потребители вовлечены — явно или чаще неявно — в политический альянс против трудящихся» [Rahman, Thelen 2019: 181]. Более того, из-за своей беспрецедентно тесной связи с потребителем фирмы-платформы могут использовать потребителя для влияния на регуляторную политику⁵³. Эта очень прямая, почти непосредственная, связь с пользователем делает возможной «откровенную вепонизацию» (*explicit weaponization*), то есть превращение в оружие борьбы клиентской базы в политических баталиях с регуляторами» [Rahman, Thelen 2019: 185].

Наблюдения Рахмана и Телен о политике согласуются с нашими наблюдениями на транзакционном уровне платформы, а также с наблюдениями об ожидаемых эффектах алгоритмического управления на классовую структуру и состав. Вместе они позволяют понять, что «одержимость клиентами», декларируемая организационной доктриной на таких платформах, как Amazon, это гораздо больше, чем просто маркетинговая стратегия: потребители (невольно) с помощью своих данных производят ценность; по-

⁵³ Нильс ван Доорн анализирует рост «регулирующего предпринимательства» и, в частности, Airbnb как предпринимателя в сфере городского регулирования и компанию, для которой изменение закона является существенной частью её бизнес-плана, а пользователей — как масштабируемую политическую рабочую силу и полноправных регулирующих предпринимателей одновременно [Doorn 2020].

требители заменяют (по крайней мере, частично) руководство при оценке рабочей силы и (или) продавцов; потребители же выступают в качестве политического голоса в пользу платформ⁵⁴.

Насколько устойчива политическая бизнес-модель коалиции потребителей с владельцами платформ и (или) инвесторами? Временная ли это конъюнктура или она будет жизнеспособной в долгосрочной перспективе?

Исследование, которое направлено на решение этих вопросов, будет изучать важные различия в американской, европейской и китайской моделях, поставив под сомнение идею единой политической модели платформы [Peck, Phillips 2020]. По признанию Рахмана и Телен, в Соединённых Штатах существуют очень специфические политические и нормативные возможности, которые, скорее всего, сделали их теплицей для выращивания платформ. Но и у Китая есть уникальные, значительно отличающиеся от США, политические особенности, которые тоже создали огромный платформенный сектор. В поиске альянсов там сильным кандидатом будет коалиция операторов платформ и Коммунистической партии Китая (её национальных и региональных органов) [Jia, Winseck 2018; Kloet et al. 2019; Plantin, Seta 2019]. Опять же европейская система регулирования совершенно другая, и, возможно, это является причиной относительно небольшого количества крупных платформ со штаб-квартирами в Европе [Peck, Phillips 2020].

В первые годы в Соединённых Штатах⁵⁵ долгосрочные инвесторы позволяли платформам довольно длительно кросс-субсидировать поставщиков, чтобы создать сетевой эффект и добиться положения, когда «победителю достанется большая часть». При таком субсидировании платформы могли поощрять поставщиков, которые сами вкладывали средства в улучшение своего положения на платформе (например, водителей, купивших автомобили, или собственников, отремонтировавших квартиры). Создав солидную базу поставщиков, платформы направили свою энергию на расширение клиентской базы. Но едва было достигнуто доминирующее положение — как это уже произошло с платформами «первого поколения» (например, Amazon), — платформы перемещаются в сторону (*laterally*), расширяясь в новые секторы. В этой ситуации платформам больше не нужно субсидировать поставщиков⁵⁶, которые теперь уязвимы перед своенравными изменениями условий обслуживания, и чьи личные инвестиции находятся под угрозой⁵⁷. При этом платформы должны поддерживать большую клиентскую базу. Отсюда и союз с потребителем.

Что касается законодательства, то владельцы платформ обходили его неопределённости (или просто игнорировали и нарушали существующие правила), пока не смогли найти лояльных потребителей,

⁵⁴ Согласно Кэтлин Телен, эта коалиция между потребителями и инвесторами и (или) владельцами платформ объясняет различную реакцию регуляторов в странах с одинаковой моделью капитализма: «Если эти результаты нельзя оправдать “разновидностями капитализма”, можно задействовать чисто политические аргументы, основанные на электоральной логике. Политэкономическая литература предпочитает заострять внимание на политике заинтересованных групп, возможно, игнорируя движущую силу желаний, с которыми сталкиваются политики, когда они встречаются с гражданами как избирателями и потребителями» [Thelen 2018]. Такой подход предлагает важную смену перспективы с учётом политической экономии, поскольку смотрит не на избирателей, которые потребляют, а на потребителей, которые голосуют.

⁵⁵ Многие проанализированные нами платформы были созданы в период после кризиса 2008 г. Тогда инвесторы искали новые возможности, рабочая сила и продавцы нуждались в новых рынках, а у потребителей были большие устремления, но мало денег.

⁵⁶ Рахман и Телен могли переоценить терпение инвесторов [Rahman, Thelen 2019]. Не исключено, что давление со стороны акционеров в пользу мер по сокращению расходов является одним из факторов, который приводит к практикам, дорого обходящимся рабочей силе и (или) продавцам.

⁵⁷ Более того, в некоторых секторах стратегии автоматизации делают поставщиков всё менее значимыми. В некоторых случаях поставщики даже вынужденно участвуют в своей замене [Vertesi et al. 2020].

которые поддержали бы их в обеспечении благоприятного регулирования [Thelen 2018; Culpepper, Thelen 2020]. Что может подорвать этот союз? В нынешней ситуации моменты открытого политического конфликта между платформами и гражданином (потребителем) связаны с деятельностью, где платформы создают негативные экстерналии на социальном уровне. Например, некоторые муниципалитеты, включая такие города, как Барселона, жёстко регулируют Airbnb в ответ на запросы граждан, пострадавших как долгосрочные арендаторы от воздействия Airbnb на рынок жилья. Таким образом, в подобных случаях внимание регулирующих органов эффективно смещается с интересов клиента платформы на более широкие общественные интересы, хотя на данный момент это происходит на муниципальном или региональном уровне⁵⁸.

Антимонопольное регулирование капитализма XX века строилось на риторике защиты прав потребителей. Антимонопольное регулирование в XXI века всё ещё может быть построено на такой риторике, но в обозримом будущем экспансия платформ в новые сектора потребует от них продолжения мобилизации поддержки потребителей⁵⁹. Альтернативой является то, что антимонопольное регулирование для сдерживания монопольных платформ будет строиться на иных принципах — на социальной, а не на потребительской защите.

Литература

- Aguilar L., Waldfogel J. 2018. *Platforms, Promotion, and Product Discovery: Evidence from Spotify Playlists*. National Bureau of Economic Research. Working Paper. 24713. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w24713/w24713.pdf
- Boltanski L., Chiapello E. 1999. *Le nouvel esprit du capitalisme*. Paris: Gallimard.
- Boltanski L., Thévenot L. 1991. *De la justification. Les économies de la grandeur*. Paris: Gallimard.
- Bonini T., Gandini A. 2019. “First Week Is Editorial, Second Week Is Algorithmic”: Platform Gatekeepers and the Platformization of Music Curation. *Social Media + Society*. 5 (4): 1–11.
- Braverman H. 1974. *Labor and Monopoly Capital: The Degradation of Work in the Twentieth Century*. New York: Monthly Review Press.
- Bucher T. 2012. Want to Be on Top? Algorithmic Power and the Threat of Invisibility on Facebook. *New Media & Society*. 14 (7): 1164–1180.
- Caliskan K. 2020. Platform Works as Stack Economization: Cryptocurrency Markets and Exchanges in Perspective. *Sociologica*. 14 (3): 115–142.
- Callon M. 2007. Actor-Network Theory. The Market Test. In: Asdal K., Brenna B., Moser I. (eds) *Technoscience. The Politics of Interventions*. Bergen: Fagbokforlaget; 273–286.

⁵⁸ Пеппер Калпеппер и Телен утверждают, что чем больше среди потребителей тех, кто принимает участие в голосовании в данной юрисдикции, тем успешнее компании привлекают их в качестве своих союзников для голосования в соответствующей юрисдикции [Culpepper, Thelen 2020]. Таким образом, имеет значение, потребляется ли услуга платформы местными жителями (как в случае Uber) или туристами (Airbnb), которым местные политики могут не чувствовать себя особенно обязанными. Политики с большей вероятностью склоняются к платформам, где пользователи платформы являются их собственными избирателями, что помогает объяснить, почему мэры многих городов в разных странах ввели больше правил для Airbnb, чем для Uber.

⁵⁹ Можно также ожидать, что американские платформы будут нуждаться в поддержке потребителей (граждан) для проведения политики, минимизирующей угрозу конкуренции со стороны мощных китайских платформ.

- Cansoy M. et al. 2020. *Homo Varians: Diverse Economic Orientations on Sharing Platforms*. URL: <https://www.bc.edu/content/dam/bc1/schools/mcas/sociology/pdf/connected/Homo%20Varians-%20Diverse%20Earner%20Behaviors%20in%20the%20Platform%20Economy.pdf>
- Castelle M. 2016. Marketplace Platforms or Exchanges? Financial Metaphors for Regulating the Collaborative Economy. *Economic Sociology_The European Electronic Newsletter*. 17 (3): 14–26.
- Culpepper P. D., Thelen K. 2020. Are We All Amazon Primed? Consumers and the Politics of Platform Power. *Comparative Political Studies*. 53 (2): 288–318.
- Curchod C. et al. 2020. Working for an Algorithm: Power Asymmetries and Agency in Online Work Settings. *Administrative Science Quarterly*. 65 (3): 644–676.
- Cutolo D., Kenney M. 2020. Platform-Dependent Entrepreneurs: Power Asymmetries, Risks, and Strategies in the Platform Economy. *Academy of Management Perspectives*. URL: https://brie.berkeley.edu/sites/default/files/cutolo-kenney_pdes_.pdf
- Davies W. 2020. Post-Liberal Competitions? Pragmatics of Gamification and Weaponization. In: Stark D. (ed.) *The Performance Complex: Competition and Competitions in Social Life*. Oxford: Oxford University Press; 187–207.
- Delfanti A. 2019. Machinic Dispossession and Augmented Despotism: Digital Work in an Amazon Warehouse. *New Media & Society*. 23 (1): 39–55.
- Dijk J. van, Poell T. 2013. Understanding Social Media Logic. *Media and Communication*. 1 (1): 2–14.
- DiMaggio P. (ed.) 2001. *The Twenty-First-Century Firm: Changing Economic Organization in International Perspective*. Princeton: Princeton University Press.
- Doorn N. van. 2020. A New Institution on the Block: On Platform Urbanism and Airbnb Citizenship. *New Media & Society*. 22 (10): 1808–1826.
- Elert N., Henrekson M. 2017. Entrepreneurship and Institutions: A Bidirectional Relationship. +*IFN Working Paper*. 1153. Stockholm: Research Institute of Industrial Economics (IFN). URL: <http://hdl.handle.net/10419/183382>
- Enriquez D., Vertesi J. 2020. *Managing Algorithms: The Partial Automation of Middle Management and Its Implications for Gig Worker*. Unpublished manuscript. Department of Sociology, Princeton University.
- Espeland W. 2020. Formalized Evaluation: The Work That Rankings Do. In: Stark D. (ed.) *The Performance Complex: Competition and Competitions in Social Life*. Oxford: Oxford University Press; 99–122.
- Esposito E., Stark D. 2020. What's Observed in a Rating? Rankings as Orientation in the Face of Uncertainty. In: Stark D. (ed.) *The Performance Complex: Competition and Competitions in Social Life*. Oxford: Oxford University Press; 123–143.
- Evans J. A. 2008. Electronic Publication and the Narrowing of Science and Scholarship. *Science*. 321 (5887): 395–399.

- Foerderer J. et al. 2018. Does Platform Owner's Entry Crowd Out Innovation? Evidence from Google Photos. *Information Systems Research*. 29 (2): 444–460.
- Frenken K., Fuenfschilling L. 2020. The Rise of Online Platforms and the Triumph of the Corporation. *Sociologica*. 14 (3): 101–113.
- Gandini A., Pais I., Beraldo D. 2016. Reputation and Trust on Online Labour Markets: The Reputation Economy of Elance. *Work Organisation, Labour and Globalisation*. 10 (1): 27–43.
- Gerlitz C., Helmond A. 2013. "The Like Economy": Social Buttons and the Data-Intensive Web. *New Media & Society*. 15 (8): 1348–1365.
- Gillespie T. 2010. The Politics of "Platforms". *New Media & Society*. 12 (3): 347–364.
- Grabher G. 2020. Enclosure 4.0: Seizing Data, Selling Predictions, Scaling Platforms. *Sociologica*. 14 (3): 241–265.
- Grabher G., König J. 2020. Disruption, Embedded. A Polanyian Framing of the Platform Economy. *Sociologica*. 14 (1): 95–118.
- Grabher G., Tuijl E. van. 2020. Uber-Production: From Global Networks to Digital Platforms. *Environment and Planning A: Economy and Space*. 52 (5): 1005–1016.
- Griesbach K. et al. 2019. Algorithmic Control in Platform Food Delivery Work. *Socius*. 5. URL: <https://doi.org/10.1177%2F2378023119870041>
- Hornby N. 1995. *High Fidelity*. London: Victor Gollancz Ltd.
- Huws U. 2014. *Labor in the Global Digital Economy: The Cybertariat Comes of Age*. New York: New York University Press.
- Jia L., Winseck D. 2018. The Political Economy of Chinese Internet Companies: Financialization, Concentration, and Capitalization. *International Communication Gazette*. 80 (1): 30–59.
- Karp H. 2018. As Market Cheers Spotify's Direct Deal with Artists and Managers, Labels Mull Their Options. *Billboard.com*. 15 June. URL: <https://www.billboard.com/articles/business/8461162/spotify-directdeals-artists-managers-labels-options>
- Kellogg K. C., Valentine M., Christin A. 2020. Algorithms at Work: The New Contested Terrain of Control. *Academy of Management Annals*. 14 (1): 366–410.
- Kenney M., Zysman J. 2016. The Rise of the Platform Economy. *Issues in Science and Technology*. Spring: 61–69.
- Kloet J. de et al. 2019. The Platformization of Chinese Society: Infrastructure, Governance, and Practice. *Chinese Journal of Communication*. 12 (3): 249–256.
- Kogut B., Shan W., Walker G. 1992. The Make-or-Cooperate Decision in the Context of an Industry Network. In: Nohria N., Eccles R. E. (eds) *Networks and Organizations*. Cambridge: Harvard Business School Press; 348–365.

- Kornberger M., Pflueger D., Mouritsen J. 2017. Evaluative Infrastructures: Accounting for platform organization. *Accounting, Organizations and Society*. 60: 79–95.
- Kreiss D., Finn M., Turner F. 2011. The Limits of Peer Production: Some Reminders from Max Weber for the Network Society. *New Media & Society*. 13 (2): 243–259.
- Kretschmer T. et al. 2020. Platform Ecosystems as Meta-Organizations: Implications for Platform Strategies. *Strategic Management Journal*. November: 1–20. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1002/smj.3250>
- Langlois G., Elmer G. 2013. The Research Politics of Social Media Platforms. *Culture Machine*. 14: 1–17. URL: <https://culturemachine.net/wp-content/uploads/2019/05/505-1170-1-PB.pdf>
- Latour B. 1987. *Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers through Society*. Cambridge: Harvard University Press.
- Marres N., Stark D. 2020. Put to the Test: For a New Sociology of Testing. *The British Journal of Sociology*. 71 (3): 423–443.
- OECD. 2009. Two-Sided Markets. *Organisation for Economic Co-operation and Development, oecd.org*. 17 December. URL: <https://www.oecd.org/daf/competition/44445730.pdf>
- Orlikowski W. J., Scott S. V. 2014. What Happens When Evaluation Goes Online? Exploring Apparatuses of Valuation in the Travel Sector. *Organization Science*. 25 (3): 868–891.
- Padgett J., Ansell C. 1993. Robust Action and the Rise of the Medici, 1400–1434. *American Journal of Sociology*. 98 (6): 1259–1319.
- Peck J., Phillips R. 2020. The Platform Conjuncture. *Sociologica*. 14 (3): 73–99.
- Pelly L. 2017. Not All Spotify Playlists Are Created Equal. *CashMusic.com*. 21 June. URL: <https://watt.cashmusic.org/writing/theseecretlivesofplaylists>
- Plantin J. C. et al. 2018. Infrastructure Studies Meet Platform Studies in the Age of Google and Facebook. *New Media & Society*. 20 (1): 293–310.
- Plantin J. C., Seta G. de. 2019. WeChat as Infrastructure: The Techno-Nationalist Shaping of Chinese Digital Platforms. *Chinese Journal of Communication*. 12 (3): 257–273.
- Podolny J. M., Page K. L. 1998. Network Forms of Organization. *Annual Review of Sociology*. 24 (1): 57–76.
- Polanyi K. 1957. The Economy as Instituted Process. In: Polanyi K., Arensberg C., Pearson H. (eds) *Trade and Market in the Early Empires: Economies in History and Theory*. New York: Free Press; 243–270.
- Powell W. 1990. Neither Markets nor Hierarchy: Network Forms of Organization. *Research in Organizational Behavior*. 12: 295–336.
- Prey R. 2020. Locating Power in Platformization: Music Streaming Playlists and Curatorial Power. *Social Media + Society*. 6 (3): 1–11.

- Rahman H. 2020. *Invisible Cages: Understanding Algorithmic Evaluations and Their Influence on Workers*. Working Paper: Northwestern University.
- Rahman K. S., Thelen K. 2019. The Rise of the Platform Business Model and the Transformation of Twenty-First-Century Capitalism. *Politics & Society*. 47 (2): 177–204.
- Ravenelle A. J. 2019. *Hustle and Gig: Struggling and Surviving in the Sharing Economy*. Oakland: University of California Press.
- Regulation EU 2019/1150*. URL: EUR-Lex - 32019R1150 - EN - EUR-Lex (europa.eu)
- Rochet J. C., Tirole J. 2003. Platform Competition in Two-Sided Markets. *Journal of the European Economic Association*. 1 (4): 990–1029.
- Rosenblat A. 2018. *Uberland: How Algorithms Are Rewriting the Rules of Work*. Oakland: University of California Press.
- Sabel C. F., Dorf M. C. 1998. A Constitution of Democratic Experimentalism. *Columbia Law Review*. 98 (2): 267–529.
- Schor J. 2020. *After the Gig: How the Sharing Economy Got Hijacked and How to Win It Back*. Berkeley: University of California Press.
- Scott S. V., Orlikowski W. J. 2012. Reconfiguring Relations of Accountability: Materialization of Social Media in the Travel Sector. *Accounting, Organizations and Society*. 37 (1): 26–40.
- Smith-Doerr L., Powell W. 2005. Networks and Economic Life. In: Smelser N., Swedberg R. (eds) *The Handbook of Economic Sociology*. Princeton: Princeton University Press; 377–402.
- Star S. L., Griesemer J. R. 1989. Institutional Ecology, “Translations” and Boundary Objects: Amateurs and Professionals in Berkeley’s Museum of Vertebrate Zoology, 1907–1939. *Social Studies of Science*. 19 (3): 387–420.
- Stark D. 1980. Class Struggle and the Transformation of the Labor Process: A Relational Approach. *Theory and Society*. 9 (1): 89–130.
- Stark D. 1986. Rethinking Internal Labor Markets: New Insights from a Comparative Perspective. *American Sociological Review*. 51 (4): 492–504.
- Stark D. 2003. Ambiguous Assets for Uncertain Environments: Heterarchy in Postsocialist Firms. In: DiMaggio P. (ed.) *The Twenty-First-Century Firm: Changing Economic Organization in International Perspective*. Princeton: Princeton University Press; 69–104.
- Stark D. 2009. *The Sense of Dissonance: Accounts of Worth in Economic Life*. New York; London: Princeton University Press.
- Stark D. 2011. What’s Valuable? In: Beckert J., Aspers P. (eds) *The Worth of Goods: Valuation and Pricing in the Economy*. Oxford: Oxford University Press; 319–338.

- Stark D. 2020. The Performance Complex. In: Stark D. (ed) *The Performance Complex: Competition and Competitions in Social Life*. Oxford: Oxford University Press; 1–30.
- Stark D., Warner N. 2013. *This Place, These People: Life and Shadow on the Great Plains*. New York: Columbia University Press.
- Thelen K. 2018. Regulating Uber: The Politics of the Platform Economy in Europe and the United States. *Perspectives on Politics*. 16 (4): 938–953.
- Thévenot L. 2006. *L'action au pluriel: sociologie des régimes d'engagement*. Paris: Éd. La Découverte.
- Vaan M. de, Stark D., Vedres B. 2015. Game Changer: The Topology of Creativity. *American Journal of Sociology*. 120 (4): 1144–1194.
- Vallas S. P., Schor J. B. 2020. What Do Platforms Do? Understanding the Gig Economy. *Annual Review of Sociology*. 46: 273–294.
- Velthuis O., Doorn N. van. 2020. Weathering Winner-Take-All: How Rankings Constitute Competition on Webcam Sex Platforms, and What Performers Can Do About It. In: Stark D. (ed.) *The Performance Complex: Competition and Competitions in Social Life*. Oxford: Oxford University Press; 167–186.
- Vertesi J., et al. 2020. Pre-Automation: Insourcing and Automating the Gig Economy. *Sociologica*. 14 (3): 167–193.
- Wang R. D., Miller C. D. 2020. Complementors' Engagement in an Ecosystem: A Study of Publishers' E-Book Offerings on Amazon Kindle. *Strategic Management Journal*. 41 (1): 3–26.
- Watkins E. 2020. *The Polysemia of Recognition: Facial Recognition in Algorithmic Management*. PhD Dissertation, Columbia University.
- Watkins E. A., Stark D. 2018. The Möbius Organizational Form: Make, Buy, Cooperate, or Co-opt? *Sociologica*. 12 (1): 65–80.
- Weissenbach A. S. 2020. *Competition as Field-Builder: Engineering Life at the international Genetically Engineered Machine (iGEM) Competition*. Unpublished manuscript, Department of Sociology, Columbia University.
- Williamson O. E. 1996. *The Mechanisms of Governance*. Oxford: Oxford University Press.
- Woodcock J. 2020. The Algorithmic Panopticon at Deliveroo: Measurement, Precarity, and the Illusion of Control. *Ephemera: Theory & Politics in Organization*. 20 (3): 67–95.

NEW TRANSLATION

David Stark, Ivana Pais

Algorithmic Management in the Platform Economy

STARK, David — Professor of Social Science at the University of Warwick (United Kingdom) and Arthur Lehman Professor of Sociology at Columbia University Department of Sociology (USA). Address: 116th Street and Broadway, New York, NY 10027, USA.

Email: dcs36@columbia.edu

PAIS, Ivana — Associate Professor in Economic Sociology at Università Cattolica del Sacro Cuore (Catholic University of the Sacred Heart), Milan (Italy). Address: Largo A. Gemelli 1, 20123, Milan, Italy.

Email: ivana.pais@unicatt.it

century offered a legitimating principle for the growth of a new managerial class, algorithmic management in the early twenty-first century is reshaping the managerial class. Its power asymmetries at the organizational level are related to coalitions at the regulatory level in which platform owner and investors are in alliance with platform consumers.

Abstract

The platform model is the distinguishing organizational form of the early decades of the twenty-first century. Whereas actors in markets *contract*, hierarchies *command*, and networks *collaborate*, platforms *co-opt* assets, resources, and activities that are not part of the firm. As a distinctive organizational form, the platform model confronts a distinctive managerial challenge: how to manage value-creating activities that are undertaken on the platform but not in the firm? In a triangular geometry, platform owners co-opt the behavior of providers and users, enrolling them in the practices of algorithmic management without managerial authority having been delegated to them. Acting on their own behalf, the ratings and other activities of providers and consumers are algorithmically translated into rankings and other calculating devices that circulate through feedback loops that are twisted rather than circular. Algorithmic management involves a peculiar kind of cybernetic control because at each fold of the feedback loop accountability can be deflected and denied. Whereas Scientific Management in the early twentieth

Keywords: Algorithmic management; platforms; Taylorism; rankings; organizational forms.

Acknowledgements

Research for this paper was supported by a grant from the European Research Council (ERC) under grant agreement no 695256. We are grateful to Donato Cutolo, Elena Esposito, Geoff Fougere, James McNally, Elizabeth Watkins, and especially Jonathan Bach for their comments, criticisms, and suggestions.

References

- Aguiar L., Waldfogel J. (2018) *Platforms, Promotion, and Product Discovery: Evidence from Spotify Playlists*. National Bureau of Economic Research. Working Paper, no 24713. Available at: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w24713/w24713.pdf (accessed 22 April 2021).
- Boltanski L., Chiapello E. (1999) *Le nouvel esprit du capitalisme*, Paris: Gallimard.
- Boltanski L., Thévenot L. (1991) *De la justification. Les économies de la grandeur*, Paris: Gallimard.
- Bonini T., Gandini A. (2019) “First Week Is Editorial, Second Week Is Algorithmic”: Platform Gatekeepers and the Platformization of Music Curation. *Social Media + Society*, vol. 5, no 4, pp. 1–11.

- Braverman H. (1974) *Labor and Monopoly Capital: The Degradation of Work in the Twentieth Century*, New York: Monthly Review Press.
- Bucher T. (2012) Want to Be on Top? Algorithmic Power and the Threat of Invisibility on Facebook. *New Media & Society*, vol. 14, no 7, pp. 1164–1180.
- Caliskan K. (2020) Platform Works as Stack Economization: Cryptocurrency Markets and Exchanges in Perspective. *Sociologica*, vol. 14, no 3, pp. 115–142.
- Callon M. (2007) Actor-Network Theory. The Market Test. *Technoscience. The Politics of Interventions* (eds. K. Asdal, B. Brenna, I. Moser), Bergen: Fagbokforlaget, pp. 273–286.
- Cansoy M., Eddy S., Ladegaard I., Schor J. B. 2020. Homo Varians: Diverse Economic Orientations on Sharing Platforms. Available at: <https://www.bc.edu/content/dam/bc1/schools/mcas/sociology/pdf/connected/Homo%20Varians-%20Diverse%20Earner%20%20Behaviors%20in%20the%20Platform%20Economy.pdf> (accessed 22 April 2021).
- Castelle M. (2016) Marketplace Platforms or Exchanges? Financial Metaphors for Regulating the Collaborative Economy. *Economic Sociology_ The European Electronic Newsletter*, vol. 17, no 3, pp. 14–26. Available at: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/156076/1/vol17-no03-a3.pdf> (accessed 22 April 2021).
- Culpepper P. D., Thelen K. (2020) Are We All Amazon Primed? Consumers and the Politics of Platform Power. *Comparative Political Studies*, vol. 53, no 2, pp. 288–318.
- Curchod C., Patriotta G., Cohen L., Neysen N. (2020) Working for an Algorithm: Power Asymmetries and Agency in Online Work Settings. *Administrative Science Quarterly*, vol. 65, no 3, pp. 644–676.
- Cutolo D., Kenney M. (2020) Platform-Dependent Entrepreneurs: Power Asymmetries, Risks, and Strategies in the Platform Economy. *Academy of Management Perspectives*. Available at: https://bric.berkeley.edu/sites/default/files/cutolo-kenney_pdes_.pdf (accessed 22 April 2021).
- Davies W. (2020) Post-Liberal Competitions? Pragmatics of Gamification and Weaponization. *The Performance Complex: Competition and Competitions in Social Life* (ed. D. Stark), Oxford: Oxford University Press, pp. 187–207.
- Delfanti A. (2019) Machinic Dispossession and Augmented Despotism: Digital Work in an Amazon Warehouse. *New Media & Society*, vol. 23, no 1, pp. 39–55.
- Dijk J. van, Poell T. 2013. Understanding Social Media Logic. *Media and Communication*, vol. 1, no 1, pp. 2–14.
- DiMaggio P. (ed.) (2001) *The Twenty-First-Century Firm: Changing Economic Organization in International Perspective*, Princeton: Princeton University Press.
- Doorn N. van (2020) A New Institution on the Block: On Platform Urbanism and Airbnb Citizenship. *New Media & Society*, vol. 22, no 10, pp. 1808–1826.
- Elert N., Henrekson M. (2017) Entrepreneurship and Institutions: A Bidirectional Relationship. *+IFN Working Paper*, no 1153, Stockholm: Research Institute of Industrial Economics (IFN). Available at: <http://hdl.handle.net/10419/183382> (accessed 22 April 2021).

- Enriquez D., Vertesi J. (2020) *Managing Algorithms: The Partial Automation of Middle Management and Its Implications for Gig Worker*. Unpublished manuscript. Department of Sociology, Princeton University.
- Espeland W. (2020) Formalized Evaluation: The Work That Rankings Do. *The Performance Complex: Competition and Competitions in Social Life* (ed. D. Stark), Oxford: Oxford University Press, pp. 99–122.
- Esposito E., Stark D. (2020) What's Observed in a Rating? Rankings as Orientation in the Face of Uncertainty. *The Performance Complex: Competition and Competitions in Social Life* (ed. D. Stark), Oxford: Oxford University Press, pp. 123–143.
- Evans J. A. (2008) Electronic Publication and the Narrowing of Science and Scholarship. *Science*, vol. 321, no 5887, pp. 395–399.
- Foerderer J., Kude T., Mithas S., Heinzl A. (2018) Does Platform Owner's Entry Crowd Out Innovation? Evidence from Google Photos. *Information Systems Research*, vol. 29, no 2, pp. 444–460.
- Frenken K., Fuenfschilling L. (2020) The Rise of Online Platforms and the Triumph of the Corporation. *Sociologica*, vol. 14, no 3, pp. 101–113.
- Gandini A., Pais I., Beraldo D. (2016) Reputation and Trust on Online Labour Markets: The Reputation Economy of Elance. *Work Organisation, Labour and Globalisation*, vol. 10, no 1, pp. 27–43.
- Gerlitz C., Helmond A. (2013) "The Like Economy": Social Buttons and the Data-Intensive Web. *New Media & Society*, vol. 15, no 8, pp. 1348–1365.
- Gillespie T. (2010) The Politics of "Platforms". *New Media & Society*, vol. 12, no 3, pp. 347–364.
- Grabher G. (2020) Enclosure 4.0: Seizing Data, Selling Predictions, Scaling Platforms. *Sociologica*, vol. 14, no 3, pp. 241–265.
- Grabher G., König J. (2020) Disruption, Embedded. A Polanyian Framing of the Platform Economy. *Sociologica*, vol. 14, no 1, pp. 95–118.
- Grabher G., Tuijl E. van (2020) Uber-Production: From Global Networks to Digital Platforms. *Environment and Planning A: Economy and Space*, vol. 52, no 5, pp. 1005–1016.
- Griesbach K., Reich A., Elliott-Negri L., Milkman R. (2019) Algorithmic Control in Platform Food Delivery Work. *Socius*, vol. 5. Available at: <https://doi.org/10.1177%2F2378023119870041> (accessed 22 April 2021).
- Hornby N. (1995) *High Fidelity*, London: Victor Gollancz Ltd.
- Huws U. (2014) *Labor in the Global Digital Economy: The Cybertariat Comes of Age*, New York: New York University Press.
- Jia L., Winseck D. (2018) The Political Economy of Chinese Internet Companies: Financialization, Concentration, and Capitalization. *International Communication Gazette*, vol. 80, no 1, pp. 30–59.

- Karp H. (2018) As Market Cheers Spotify's Direct Deal with Artists and Managers, Labels Mull Their Options. *Billboard.com*, 15 June. Available at: <https://www.billboard.com/articles/business/8461162/spotify-directdeals-artists-managers-labels-options> (accessed 22 April 2021).
- Kellogg K. C., Valentine M., Christin A. (2019) Algorithms at Work: The New Contested Terrain of Control. *Academy of Management Annals*, vol. 14, no 1, pp. 366–410.
- Kenney M., Zysman J. (2016) The Rise of the Platform Economy. *Issues in Science and Technology*, Spring, pp. 61–69.
- Kloet J. de, Poell T., Zeng G., Chow Y. F. (2019) The Platformization of Chinese Society: Infrastructure, Governance, and Practice. *Chinese Journal of Communication*, vol. 12, no 3, pp. 249–256.
- Kogut B., Shan W., Walker G. (1992) The Make-Or-Cooperate Decision in the Context of an Industry Network. *Networks and Organizations* (eds. N. Nohria, R. E. Eccles), Cambridge: Harvard Business School Press, pp. 348–365.
- Kornberger M., Pflueger D., Mouritsen J. (2017) Evaluative Infrastructures: Accounting for platform organization. *Accounting, Organizations and Society*, vol. 60, pp. 79–95.
- Kreiss D., Finn M., Turner F. (2011) The Limits of Peer Production: Some Reminders from Max Weber for the Network Society. *New Media & Society*, vol. 13, no 2, pp. 243–259.
- Kretschmer T., Leiponen A., Schilling M., Vasudeva G. (2020) Platform Ecosystems as Meta-Organizations: Implications for Platform Strategies. *Strategic Management Journal*, November, pp. 1–20. Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1002/smj.3250> (accessed 22 April 2021).
- Langlois G., Elmer G. (2013) The Research Politics of Social Media Platforms. *Culture Machine*, vol. 14, pp. 1–17. Available at: <https://culturemachine.net/wp-content/uploads/2019/05/505-1170-1-PB.pdf> (accessed 22 April 2021).
- Latour B. (1987) *Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers through Society*, Cambridge: Harvard University Press.
- Marres N., Stark D. (2020) Put to the Test: For a New Sociology of Testing. *The British Journal of Sociology*, vol. 71, no 3, pp. 423–443.
- OECD. (2009) Two-Sided Markets. *Organisation for Economic Co-operation and Development*, *oecd.org*, 17 December. Available at: <https://www.oecd.org/daf/competition/44445730.pdf> (accessed 22 April 2021).
- Orlikowski W. J., Scott S. V. (2014) What Happens When Evaluation Goes Online? Exploring Apparatuses of Valuation in the Travel Sector. *Organization Science*, vol. 25, no 3, pp. 868–891.
- Padgett J., Ansell C. (1993) Robust Action and the Rise of the Medici, 1400–1434. *American Journal of Sociology*, vol. 98, no 6, pp. 1259–1319.
- Peck J., Phillips R. (2020) The Platform Conjuncture. *Sociologica*, vol. 14, no 3, pp. 73–99.
- Pelly L. (2017) Not All Spotify Playlists Are Created Equal. *CashMusic.com*, 21 June. Available at: <https://watt.cashmusic.org/writing/theseecretlivesofplaylists> (accessed 22 April 2021).

- Plantin J. C., Lagoze C., Edwards P. N., Sandvig C. (2018) Infrastructure Studies Meet Platform Studies in the Age of Google and Facebook. *New Media & Society*, vol. 20, no 1, pp. 293–310.
- Plantin J. C., Seta G. de (2019) WeChat as Infrastructure: The Techno-Nationalist Shaping of Chinese Digital Platforms. *Chinese Journal of Communication*, vol. 12, no 3, pp. 257–273.
- Podolny J. M., Page K. L. (1998) Network Forms of Organization. *Annual Review of Sociology*, vol. 24, no 1, pp. 57–76.
- Polanyi K. (1957) The Economy as Instituted Process. *Trade and Market in the Early Empires: Economies in History and Theory* (eds. K. Polanyi, C. M. Arensberg, H. W. Pearson), New York: Free Press.
- Powell W. (1990) Neither Markets nor Hierarchy: Network Forms of Organization. *Research in Organizational Behavior*, vol. 12, pp. 295–336.
- Prey R. (2020) Locating Power in Platformization: Music Streaming Playlists and Curatorial Power. *Social Media + Society*, vol. 6, no 3, pp. 1–11.
- Rahman H. (2021) *Invisible Cages: Understanding Algorithmic Evaluations and Their Influence on Workers*, Working Paper: Northwestern University.
- Rahman K. S., Thelen K. (2019) The Rise of the Platform Business Model and the Transformation of Twenty-First-Century Capitalism. *Politics & Society*, vol. 47, no 2, pp. 177–204.
- Ravenelle A. J. (2019) *Hustle and Gig: Struggling and Surviving in the Sharing Economy*, Oakland: University of California Press.
- Regulation EU 2019/1150. Available at: EUR-Lex - 32019R1150 - EN - EUR-Lex (europa.eu) (accessed 22 April 2021).
- Rochet J. C., Tirole J. (2003) Platform Competition in Two-Sided Markets. *Journal of the European Economic Association*, vol. 1, no 4, pp. 990–1029.
- Rosenblat A. (2018) *Uberland: How Algorithms Are Rewriting the Rules of Work*, Oakland: University of California Press.
- Sabel C. F., Dorf M. C. (1998) A Constitution of Democratic Experimentalism. *Columbia Law Review*, vol. 98, no 2, pp. 267–529.
- Schor J. (2020) *After the Gig: How the Sharing Economy Got Hijacked and How to Win It Back*, Berkeley: University of California Press.
- Scott S. V., Orlikowski W. J. (2012) Reconfiguring Relations of Accountability: Materialization of Social Media in the Travel Sector. *Accounting, Organizations and Society*, vol. 37, no 1, pp. 26–40.
- Smith-Doerr L., Powell W. (2005) Networks and Economic Life. *The Handbook of Economic Sociology* (eds. N. Smelser, R. Swedberg), Princeton: Princeton University Press, pp. 377–402.

- Star S. L., Griesemer J. R. (1989) Institutional Ecology, “Translations” and Boundary Objects: Amateurs and Professionals in Berkeley’s Museum of Vertebrate Zoology, 1907–1939. *Social Studies of Science*, vol. 19, no 3, pp. 387–420.
- Stark D. (1980) Class Struggle and the Transformation of the Labor Process: A Relational Approach. *Theory and Society*, vol. 9, no 1, pp. 89–130.
- Stark D. (1986) Rethinking Internal Labor Markets: New Insights from a Comparative Perspective. *American Sociological Review*, vol. 51, no 4, pp. 492–504.
- Stark D. (2003) Ambiguous Assets for Uncertain Environments: Heterarchy in Postsocialist Firms. *The Twenty-First-Century Firm: Changing Economic Organization in International Perspective* (ed. P. DiMaggio), Princeton: Princeton University Press, pp. 69–104.
- Stark D. (2009) *The Sense of Dissonance: Accounts of Worth in Economic Life*, New York; London: Princeton University Press.
- Stark D. (2011) What’s Valuable? *The Worth of Goods: Valuation and Pricing in the Economy* (eds. J. Beckert, P. Aspers), Oxford: Oxford University Press, pp. 319–338.
- Stark D. (2020) The Performance Complex. *The Performance Complex: Competition and Competitions in Social Life* (ed. D. Stark), Oxford: Oxford University Press, pp. 1–30.
- Stark D., Warner N. (2013) *This Place, These People: Life and Shadow on the Great Plains*, New York: Columbia University Press.
- Thelen K. (2018) Regulating Uber: The Politics of the Platform Economy in Europe and the United States. *Perspectives on Politics*, vol. 16, no 4, pp. 938–953.
- Thévenot L. (2006) *L’action au pluriel: sociologie des régimes d’engagement*, Paris: Éd. La Découverte.
- Vaan M. de, Stark D., Vedres B. (2015) Game Changer: The Topology of Creativity. *American Journal of Sociology*, vol. 120, no 4, pp. 1144–1194.
- Vallas S. P., Schor J. B. (2020) What Do Platforms Do? Understanding the Gig Economy. *Annual Review of Sociology*, vol. 46, pp. 273–294.
- Velthuis O., Doorn N. van (2020) Weathering Winner-Take-All: How Rankings Constitute Competition on Webcam Sex Platforms, and What Performers Can Do About It. *The Performance Complex: Competition and Competitions in Social Life* (ed. D. Stark), Oxford: Oxford University Press, pp. 167–186.
- Vertesi J., Goldstein A., Enriquez D., Liu L., Miller K. T. (2020) Pre-Automation: Insourcing and Automating the Gig Economy. *Sociologica*, vol. 14, no 3, pp. 167–193.
- Wang R. D., Miller C. D. (2020) Complementors’ Engagement in an Ecosystem: A Study of Publishers’ E-Book Offerings on Amazon Kindle. *Strategic Management Journal*, vol. 41, no 1, pp. 3–26.
- Watkins E. (2020) *The Polysemia of Recognition: Facial Recognition in Algorithmic Management*, PhD Dissertation, Columbia University.

Watkins E. A., Stark D. (2018) The Möbius Organizational Form: Make, Buy, Cooperate, or Co-opt? *Sociologica*, vol. 12, no 1, pp. 65–80.

Weissenbach A. S. (2020) *Competition as Field-Builder: Engineering Life at the international Genetically Engineered Machine (iGEM) Competition*, Unpublished manuscript, Department of Sociology, Columbia University.

Williamson O. E. (1996) *The Mechanisms of Governance*, Oxford: Oxford University Press.

Woodcock J. (2020) The Algorithmic Panopticon at Deliveroo: Measurement, Precarity, and the Illusion of Control. *Ephemera: Theory & Politics in Organization*, vol. 20, no 3, pp. 67–95.

Received: April 6, 2021

Citation: Stark S., Pais I. Algoritmicheskoe upravlenie v ekonomike platform [Algorithmic Management in the Platform Economy]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 22, no 3, pp. 71–103. doi: [10.17323/1726-3247-2021-3-71-103](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2021-3-71-103) (in Russian).

РАСШИРЕНИЕ ГРАНИЦ

Н. О. Красильникова

Гибкие паттерны перемещения на работу и обратно у современных жителей Челябинска

КРАСИЛЬНИКОВА
Надежда Олеговна — магистр (M. Sc.) Рейнско-Вестфальского технического университета г. Ахена, научный сотрудник факультета городского и регионального планирования Технического университета города Дортмунда. Адрес: August-Schmidt-Str.10 / Einfahrt 50, 44227 Dortmund.

Email: nadezda.krasilnikova@tu-dortmund.de

В связи с цифровизацией рабочих процессов организация труда меняется. Она становится независимой от времени и места. Это, в свою очередь, влияет на изменение паттернов перемещения. Данная статья обращается к изучению паттернов перемещения на работу и обратно у современных жителей крупных городов, спроектированных в советский период как индустриальные центры с предсказуемыми и строго очерченными контурами практик и маршрутов их жителей. На примере кейса города Челябинска данное исследование предлагает типологию перемещений людей, различающихся между собой по занятости. Для этого была использована теория Т. Хагерстранда из «географии времени» о временных и пространственных ограничениях. Путём анализа количественных данных, собранных в феврале 2020 г. в результате стандартизированного уличного опроса, были выявлены три типа паттернов перемещения на работу и обратно у жителей города Челябинска: «гибкие», «гибкие по времени» и «негибкие». Каждый из типов паттернов перемещения был описан следующими количественными характеристиками: сфера занятости, форма трудоустройства и место жительства. Таким образом данное исследование расширяет понимание того, какими могут быть паттерны работающих жителей современных городов России. Оно демонстрирует распространение «гибких по времени» паттернов перемещения среди работников города Челябинска, спроектированного как индустриальный центр с регулярными маршрутами у горожан. Безусловно, количественное исследование не даёт определённой глубины анализа, однако оно создаёт стартовую точку в понимании особенностей индивидуальных паттернов перемещения в городах России. Результаты исследования могут быть интересны исследователям труда, занятости и городской мобильности, а также представителям градостроительной, социальной и транспортной политики.

Ключевые слова: трансформация труда; гибкость; паттерны перемещения на работу и обратно; Т. Хагерстранд; советские города; Челябинск.

Введение

Изменение характера условий труда занимает исследователей разных областей — от социологии труда и занятости [Baltes et al. 1999; Taiji 2000; Pedersen, Jeppesen 2012; Monusova 2018; Pech, Klainot-Hess, Norris 2020] до городской мобильности и развития городов в целом [Shen, Chai, Kwan 2015; Crawford 2020; Wiersma 2020; Xiao, Silva, Zhang 2020]. В связи с цифровизацией рабочих процессов организация труда меняется [Diefenbacher et al. 2016]. Трудовая деятельность всё меньше зафиксирована во времени и

пространстве. Исследователи городов и городской мобильности видят в этих изменениях потенциал для оптимизации транспортной системы и развития городов [Shen, Chai, Kwan 2015; Crawford 2020]. Согласно актуальным научным работам на городские перемещения оказывают влияние не только социально-демографические характеристики индивида, такие как пол, возраст, социальное и семейное положение, его род занятий и условия труда, но и место жительства с определёнными особенностями городской застройки [Cervero, Kockelman 1997; Ewing, Cervero 2010; Vogelpohl 2012; Shen, Chai, Kwan 2015; Newman, Kosonen, Kenworthy 2016; Thomson, Newton, Newman 2016; Thomson, Newman 2018; Newman et al. 2019; Vuitelaar, Leinfelder 2020]. Данная статья фокусируется на следующем вопросе: какие паттерны перемещения на работу и обратно свойственны современным жителям городов, спроектированных в советское время как крупные индустриальные центры? Эта работа обращается к кейсу Челябинска и предлагает типологию перемещений людей, различающихся между собой по занятости. Город Челябинск — яркий пример советской урбанизации с интенсивным ростом численности населения в 1925–1980 гг. Стержнем его развития, как и других крупных городов России, послужила промышленность. Ей были подчинены все сферы жизнедеятельности людей, их повседневные практики и паттерны перемещения. Сегодня Челябинск — это многофункциональный город, индустриальный, административный, образовательный и культурный центр области. Сферы торговли и услуг наряду с промышленностью относятся к ведущим [Современное состояние... 2019]. Данная статья на примере Челябинска показывает, как выглядят паттерны перемещения на работу и обратно у современных жителей крупных российских городов, спроектированных в советское время как крупные индустриальные центры с предсказуемым ритмом жизни.

В основе работы лежит междисциплинарный подход. Помимо исследований социологии труда и занятости [Baltes et al. 1999; Pedersen, Jeppesen 2012; Taiji 2020], анализ литературы включает работы из области географии и городской мобильности [Shen, Chai, Kwan 2015; Crawford 2020; Wiersma 2020; Xiao, Silva, Zhang 2020]. Это позволяет расширить дискуссию об изменениях характеристик труда и их влиянии на паттерны перемещения. Для изучения паттернов перемещения на работу и обратно была использована модель из «географии времени», разработанная Т. Хагерстрандом (см. ниже, раздел «Теория о временных и пространственных ограничениях перемещений» данной статьи). Согласно этой модели, действия людей зависят от временных и пространственных ограничений [Hägerstrand 1970: 29]. Пространственные ограничения накладывает прежде всего распределение в городе основных функций существования. В случае индивидуальных перемещений на работу и обратно этим ограничением является локация рабочего места, которая конкретизируется в исследовании такими переменными, как фиксированное рабочее место вне дома, рабочее место дома и в нескольких местах. Под временными ограничениями, по Т. Хагерстранду, подразумеваются социальные и биологические ритмы (часы работы, время сна и бодрствования). В контексте данного исследования это — график работы. Для его описания были выделены три переменные: время выезда на работу; время выезда с работы домой; количество поездок на работу в неделю. За формированием паттернов перемещения по типам следует анализ ключевых количественных характеристик отдельных типов паттернов. К ним относятся сфера занятости, форма трудоустройства, место жительства и средство передвижения (см. раздел «Условия труда и паттерны перемещения»). Выбор характеристик для изучения отдельных типов паттернов перемещения основывается на дискуссии о гибком труде, описанной ниже.

Для изучения индивидуальной городской мобильности была принята во внимание дискуссия о взаимодействии индивидуальных паттернов перемещений и отдельных жилых зон города [Cervero, Kockelman 1997; Beckmann et al. 2006; Ewing, Cervero 2010; Kemper, Kulke, Schulz 2012; Newman et al. 2019; Vuitelaar, Leinfelder 2020] (см. подробнее в разделе «Метод исследования»). Зонирование города в данной работе основано на анализе перехода городского ядра к природной территории [Аверкиева et al. 2016]. Таким образом, в рамках данного исследования проведён анализ индивидуальных перемещений (их временно-пространственных ограничений) в городском ядре, на городских окраинах

и в пригородной зоне города Челябинска (см. подробнее о формировании зон города Челябинска разделы «Особенности советской урбанизации» и «Челябинск»). Такой подход позволяет учесть влияние зоны проживания индивида на его перемещения и тем самым расширяет актуальную дискуссию об изучении паттернов перемещения на работу и обратно [Shen, Chai, Kwan 2015; Crawford 2020]. Данная статья обращается к изучению индивидуальных паттернов перемещения современных жителей города. В связи с этим в качестве метода опроса были выбраны личные (*face-to-face*) стандартизированные интервью, которые были проведены в феврале 2020 г. в трёх зонах города Челябинска. Всего было собрано 667 анкет. Учитывая доступность разных групп работающих респондентов, были введены квоты по полу и возрасту. Собранные данные иллюстрируют ситуацию до пандемии COVID-19.

Условия труда и паттерны перемещения

История человечества начиная с Первой промышленной революции конца XVIII века демонстрирует ряд примеров того, как менялась организация труда в связи с развитием общества. Массовое производство, основанное на разделении труда и стандартизации производственного процесса, является примером нормированных часов работы и фиксированной локации рабочего места. Гибкость условий труда, креативность и самореализация в работе были невозможны. Такая организация труда привела к стандартизации повседневной жизни многих людей в индустриальном обществе [Pollert 1991; Diefenbacher et al. 2016]. Появилось такое понятие, как классическая рабочая неделя, которая ограничивалась 40 часами и пятью днями. На территории РФ такая 40-часовая рабочая неделя с двумя выходными днями (суббота, воскресенье) была установлена в апреле 1991 г. [Трудовой кодекс РФ 2001: ст. 91]. Переход к постиндустриальному обществу, дерегуляция рынка труда и развитие информационно-коммуникационных технологий привели к изменениям в организации труда [Diefenbacher et al. 2016]. Текущую фазу организации труда ученые называют «Работа 4.0». Ей предшествовали следующие фазы: зарождение первых рабочих организаций в конце XVIII века («Работа 1.0»), начало массового производства начала XX века («Работа 2.0») и автоматизация рабочих процессов конца XX века («Работа 3.0»). К особенностям фазы «Работа 4.0» относятся высокая степень онлайн-коммуникации и использование в работе цифровых технологий (работа за компьютером), которые способствовали переходу к гибким условиям труда (*flexible working arrangements* — FWA) и развитию удалённой работы [Pollert 1991; Menezes, Kelliher 2011; Dettmers, Bamberg 2013; Messenger et al. 2017]. Само понятие «гибкость труда» берёт начало в концепции «нового духа капитализма» Л. Болтански и Э. Кьяпелло [Boltanski, Chiapello 2007]. Гибкость, по Болтански и Кьяпелло, состоит из внутренней, которая затрагивает труд самих работников, то есть индивидуальную организацию труда и используемые механизмы, и внешней, касающейся организации труда на предприятии (согласование процессов и графиков труда внутри предприятия). В этой статье основное внимание уделяется изучению внутренней гибкости — индивидуальной организации труда.

Многочисленные исследования в области социологии труда, психологии, будущего труда и занятости, а также развития городов изучают социально-демографические характеристики «гибких» работников и их место жительства. Одних учёных интересует, как гибкие условия труда влияют на продуктивность и на баланс рабочей и приватной сфер (*work-life balance*) у мужчин и женщин [Baltes et al. 1999 Pedersen, Jeppesen 2012; Taiji 2020]. Р. Таиджи в своём исследовании показывает, что работа по выходным негативно влияет на отношения с партнёром у женщин, а особенно у женщин с детьми [Taiji 2020]. Другие учёные заняты анализом социально-демографических характеристик (таких как пол, возраст, вид деятельности, тип контракта) работников с гибкими условиями труда [Keller, Kalleberg 2000; Golden 2001; Jansen et al. 2004; Seifert 2005; Vogelpohl 2012; Monusova 2018; Pech, Klainot-Hess, Norris 2020]. Согласно исследованию Г. А. Монусовой, трансформация рынка труда приводит к распространению временной и частичной форм занятости [Monusova 2018]. Другие исследователи при этом приходят к выводу, что частичная форма занятости значительно распространена у женщин [Pech, Klainot-Hess, Norris 2020], а также утверждают, что гибкие формы труда чаще свойственны представителям креативного класса,

работающим на себя, — дизайнерам, музыкантам или программистам [Vogelpohl 2012]. Учёные фокусируются на изучении места жительства работников с гибкими условиями труда [Vogelpohl 2012; infas, DLR, IVT 2018]¹. А. Фогельполь в исследовании, проведённом в Гамбурге в 2012 г., говорит, например, о том, что занятые с гибкими условиями труда чаще всего проживают в компактных и функционально смешанных центрах городов [Vogelpohl 2012]. При этом другие немецкие исследования об удалённой работе показывают, что, по данным на 2017 г., количество работников с «гибким» рабочим местом, проживающих на периферии города, мало отличается от количества таких работников с местом жительства в центре города [infas, DLR, IVT 2018].

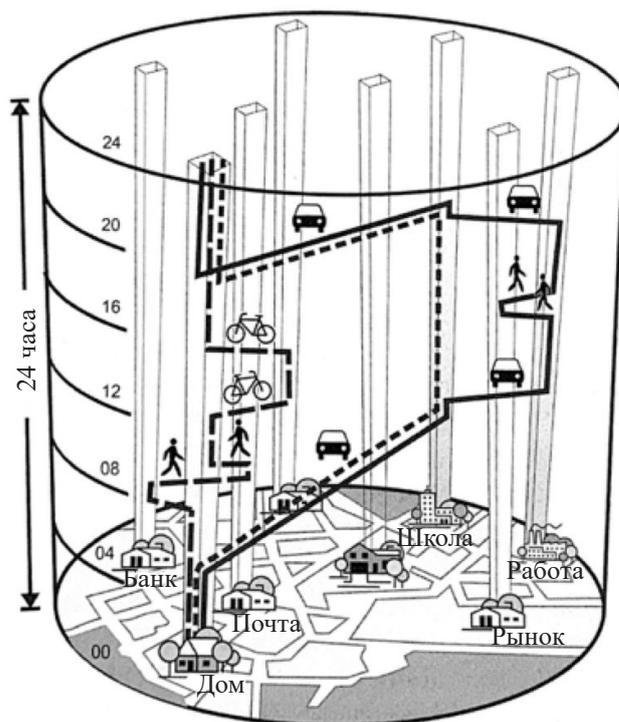
Для данной статьи наибольший интерес представляют исследования о паттернах перемещения из областей географии и транспорта [Beckmann et al. 2006; Kemper, Kulke, Schulz 2012; Shen, Chai, Kwan 2015; Crawford 2020; Wiersma 2020; Xiao, Silva, Zhang 2020]. Под паттернами перемещения в данной работе понимаются индивидуальные регулярные перемещения из дома на работу и обратно (*commuting*), зависящие от временно-пространственных ограничений, накладываемых особенностями организации труда. Одна из наиболее интересных работ по этой теме — исследование Ф. Кроуфорд, чьей целью было определение типов паттернов перемещения у работников в Англии [Crawford 2020]. Кроуфорд работала с уже имеющимся банком данных Национального исследования мобильности (*National Travel Survey — NTS*) о перемещениях на работу и обратно в 1998–2016 гг. Сегментация типов работников в исследовании зависела от частоты поездок и её временной и пространственной вариативности. Частота поездок определялась двумя переменными — количеством дней в неделю, в которые работник ездил на рабочее место, и количеством служебных поездок в каждый из этих дней. Пространственная вариативность рассматривалась путем разделения поездок на основное рабочее место и поездок на другие места работы (например, поездки по служебным делам или в командировки). Временная вариативность зависела от времени выезда из дома на работу и от времени выезда с работы домой. Таким образом, для сегментации были выделены шесть переменных: (1) процент посещаемости основного рабочего места, в днях в неделю; (2) процент посещаемости других мест работы, в днях в неделю; (3) среднее количество поездок в неделю на основное рабочее место и обратно; (4) среднее количество поездок в день по служебным делам; (5) отклонение от стандартного выезда на работу, в минутах; (6) отклонение от стандартного выезда с работы домой, в минутах. В результате регрессионного анализа данных 1998–2016 гг. автор определил четыре типа паттернов работников: (1) нерегулярные, (2) вариативные во времени, (3) вариативные в пространстве и (4) регулярные. В 2016 г. количество работников с нерегулярными паттернами перемещения составляло 22%, с паттернами, вариативными по времени — 9%, с вариативными в пространстве — 10%, с регулярными паттернами — 59%. Одним из недостатков своей статьи Кроуфорд считает отсутствие взаимосвязи с пространственными характеристиками места жительства индивидов, совершающих перемещения. Основная задача данной статьи — расширить дискуссию Кроуфорд и дополнить исследования о паттернах перемещения, анализируя передвижения жителей городов, спроектированных в советский период как крупные индустриальные центры.

Теория о временных и пространственных ограничениях перемещений

В связи с изменениями в организации условий труда появился ряд исследований о временных и пространственных ограничениях действий [Couclelis 2000; 2004; Kwan 2001; Dijst 2004; Zook et al. 2004; Schwanen, Kwan 2008]. Все исследования в данной области тем или иным образом обращаются к модели из «географии времени», разработанной Т. Хагерстрандом (см. рис. 1). Согласно Хагерстранду, действия людей зависят от временных и пространственных ограничений [Hägerstrand 1970: 29]. Под пространственными ограничениями при этом подразумевается распределение основных функций

¹ Infas (Institute for Applied Social Sciences, Germany) — Институт прикладных социальных наук, Германия; DLR (Deutsches Zentrum für Luft- und Raumfahrt) — Немецкий аэрокосмический центр; IVT (Victoria Transport Policy Institute) — независимый исследовательский и консалтинговый институт: мобильность, транспорт и движение.

существования в пространстве. К временным ограничениям относятся социальные и биологические ритмы (часы работы, время сна и бодрствования). На основе теории Хагерстранда ведутся дискуссии о том, как информационно-коммуникационные технологии оказывают влияние на временные и пространственные ограничения [Schwanen, Kwan 2008]. Существует мнение, что информационные технологии способствуют ослаблению временных и пространственных ограничений. Таким образом, трудовая деятельность может осуществляться в разное время и в разных местах, как дома, так и в городе [Couclelis 2000; 2004; Kwan 2001; Dijst 2004; Zook et al. 2004]. Паттерны перемещения работников становятся гибкими, независимыми от временных и пространственных ограничений.

Источник: [Gather, Kagermeier, Lanzendorf 2008: 165].

Рис. 1. Модель временно-пространственной организации действий, разработанная Т. Хагерстрандом

Таблица 1

Принцип формирования типов паттернов перемещения работников согласно особенностям организации их труда

Группа А: временные ограничения	Группа Б: пространственные ограничения	
	Подгруппа Б1: нестандартные	Подгруппа Б2: стандартные
Подгруппа А1: нестандартные	Комбинация переменных А1, Б1	А1, Б2
Подгруппа А2: стандартные	А2, Б1	А2, Б2

Основываясь на теории Хагерстранда, в рамках данной работы были сформированы типы паттернов с разной зависимостью от временных и пространственных ограничений. К *временным* ограничениям относится график работы; к *пространственным* — локация рабочего места. Для описания графика работы были выделены три переменные: время выезда на работу, время выезда с работы домой и количество поездок на работу в неделю. Для локации рабочего места — фиксированное рабочее место вне дома, рабочее место дома и в нескольких местах. На основе этих переменных были определены типы паттернов перемещения: «гибкие», «гибкие по времени», «гибкие по месту», «негибкие». Принцип формирования типов паттернов основан на комбинациях переменных, принадлежащих к опре-

делённым подгруппам и группам переменных, которые оказывают влияние на паттерны. Последовательность образования комбинаций переменных показана в таблице 1: группа А и группа Б — это временные и пространственные ограничения соответственно. Каждая из групп состоит из подгрупп, описывающих нестандартные (А1, Б1) и стандартные (А2, Б2) ограничения паттернов перемещения. Таким образом, к подгруппе А1 относятся нестандартные временные ограничения: вариативность выезда на работу и с работы домой или менее пяти поездок на работу в неделю. К нестандартным пространственным ограничениям (подгруппа Б1) паттернов перемещения — рабочее место дома или рабочее место в нескольких локациях (дома, в офисе, у заказчика, у подрядчика и т. д.). Стандартные временные ограничения (подгруппа А2) определяются классической пятидневной рабочей неделей, когда рабочий день с понедельника по пятницу начинается или заканчивается в одно и то же время. К стандартным пространственным ограничениям (подгруппа Б2) относится фиксированное рабочее место вне дома. В результате комбинации стандартных и нестандартных временно-пространственных ограничений создана аналитическая рамка, которая описывает четыре типа паттернов перемещения на работу и обратно: «гибкие», «гибкие по времени», «гибкие по месту», «негибкие» (см. табл. 2). Согласно этой аналитической рамке проведены сбор и анализ данных.

Таблица 2

Четыре типа паттернов перемещения работников

Временные ограничения (А)	Пространственные ограничения (Б)	
	Нестандартные (Б1)	Стандартные (Б2)
Нестандартные (А1)	Тип 1 «гибкие» (А1, Б1)	Тип 2 «гибкие по времени» (А1, Б2)
Нестандартные (А2)	Тип 3 «гибкие по месту» (А2, Б1)	Тип 4 «негибкие» (А2, Б2)

Особенности советской урбанизации

На протяжении десятилетий, в 1925–1980 гг., промышленность играла градообразующую роль в СССР. Урбанизация на волне индустриализации имела искусственный характер. Система «социалистического расселения» была основана на плановой привязке трудовых ресурсов к месту осуществления труда [Меерович 2015]. За динамичным темпом индустриализации следовал высокий темп роста городов. Ряд новых городов (например, Магнитогорск и Тольятти) закладывались сразу как крупные, минуя фазу малого города [Лаппо 2001; Пивоваров 2001]. Они были монофункциональными и зависели от породившего их предприятия [Bater 1980; Хан-Магомедов 2001; Меерович 2018]. Десятки существующих поселений совершили скачок в промышленном развитии и стали губернскими и областными крупными индустриальными городами. Это подтверждают примеры уездных торговых центров, таких как Челябинск, Череповец, Старый Оскол, Орск и др. [Буни, Саваренская 1979; Лаппо 2001]. В этих городах промышленность служила стержнем, вокруг которого быстрыми темпами разворачивалась функциональная структура города [Bater 1980; Кабалина, Сидорина 1999; Хан-Магомедов 2001; Vatunova et al. 2019]. Это привело к развитию городской среды с бедной инфраструктурой, которая впоследствии стала причиной в том числе транспортных проблем. Таким образом, можно выделить два типа развития городов в период советской урбанизации: первый — строительство новых экономически неустойчивых моногородов на базе промышленности, живущих только за счёт неё; второй — скоротечное развитие существующих поселений, следствием которого была невыразительная застройка с несформированной городской средой [Лаппо 2001]. Тип развития оказал впоследствии первостепенное влияние на развитие российских городов после распада СССР.

Деиндустриализация и кризис в постсоветский период поспособствовали стремительной эволюции макроструктур региональной занятости: к переходу от гипериндустриального экономического сектора к индустриально-сервисному или сервисному [Тревиш 2009: 194]. Таким образом, с одной стороны,

монофункциональные города, находящиеся вдали от экономических центров, стали убыточными и начали терять население. Люди стали мигрировать [Brade, Neugebauer, Axenov 2012; Аверкиева et al. 2016]. С другой стороны, появляется новый тип городов, которые до сегодняшних дней играют решающую роль в политической и экономической стабилизации и модернизации страны [Экономика городов-миллионников... 2019]. Речь идёт о региональных городах-миллионниках, изменивших свою функциональную специализацию в процессе трансформации страны в 1990-е гг. В индустриальном секторе таких городов в 1950-е гг. работали около половины всех трудящихся жителей [Тревиш 2009]. Яркими примерами являются города Урала и Сибири: Екатеринбург, Челябинск, Пермь, Новосибирск — гипериндустриальные центры страны в 1950-е гг., ставшие административными, культурными и научно-образовательными очагами Урала и Сибири. В связи со сдвигами 1990-х гг. кардинально меняются функциональные связи внутри этих городов. Сокращение объёмов производства и остановка крупных промышленных предприятий приводят к изменению традиционных институциональных связей. Муниципализация социальной инфраструктуры промышленных предприятий и приватизация жилого фонда становятся главными направлениями экономических реформ в России после 1990-х гг. [Andrusz, Szelényi, Harloe 1996]. Всё это приводит к интенсивной трансформации рынка труда, развитию частного бизнеса и увеличению числа людей, работающих на себя. Такие изменения оказывают влияние на повседневные практики жителей городов, их маршруты и ритм жизни. Позднее развитие цифровых технологий усиливает давление на привычный образ жизни жителей когда-то крупных индустриальных центров страны.

Челябинск

Особенность этого исследования — выбор города. Данная статья обращается к изучению ежедневных паттернов перемещения из дома на работу и обратно в уральском городе Челябинске — уездном когда-то городе, который пережил интенсивный рост в период советской урбанизации и стремительную трансформацию в 1990-е гг. В 1939 г. численность населения города составляла 273 тыс. чел.; в 1982 г. — уже 1030 тыс. чел. [Современное состояние... 2019]. Сегодня Челябинск — индустриальный, административный, образовательный и культурный центр области, растянувшийся на 500,9 км², в котором проживают 1200,7 тыс. чел. [Современное состояние... 2019]. Город состоит из семи административных районов, соединённых транспортными магистралями. Пассажирские перевозки осуществляются автобусами, трамваями, троллейбусами, маршрутными и легковыми такси. Обеспеченность индивидуальными легковыми автомобилями составляет 269 автомобилей на 1000 жителей [Современное состояние... 2019]. В промышленности, согласно данным на 2017 г., работают 26,3% общего количества экономически занятого населения. Вторым по занятости сектором экономики является оптовая и розничная торговля — 17,5% общего количества занятых. В целом сфера услуг по численности занятых в три раза превышает сферу промышленности (см. табл. 3). Структура занятости города по сравнению с 1950-ми гг., когда 50% жителей работали в промышленности, поменялась. Такое развитие свойственно практически всем российским городам-миллионникам. При этом демонстрируется различная социально-экономическая динамика, поскольку каждый из крупных городов по-разному пережил турбуленции последних десятилетий. Согласно исследованию «КБ Стрелка», на сегодняшний день в России 16 городов являются миллионниками [Экономика городов-миллионников... 2019: 13]. По своему текущему уровню душевого валового городского продукта (ВГП) региональные миллионники можно разделить на две группы: продвинутые (Екатеринбург, Казань, Краснодар, Самара, Санкт-Петербург, Уфа) и отстающие (Волгоград, Воронеж, Красноярск, Нижний Новгород, Новосибирск, Омск, Пермь, Ростов-на-Дону, Челябинск). Продвинутые города отличаются от отстающих высокой занятостью в торговле, гостиничном и ресторанном бизнесе. Выбранный для исследования Челябинск относится к отстающим городам. Этот факт необходимо учитывать при генерализации данных исследования.

Таблица 3

Среднегодовая численность занятых в экономике по отраслям в Челябинске, 2017 г.

Отрасли занятости	Количество занятых (тыс. чел.)	Доля от общего числа занятых (%)
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	1,1	0,2
Рыболовство, рыбоводство	0,0	0,0
Добыча полезных ископаемых	7,2	1,2
Обрабатывающие производства	137,9	22,6
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	15,6	2,6
Строительство	55,1	9,0
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	106,7	17,5
Гостиницы и рестораны	26,4	4,3
Транспорт и связь	46,8	7,7
Финансовая деятельность	13,2	2,2
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	46,8	7,7
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	38,4	6,3
Образование	49,2	8,1
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	39,6	6,5
Предоставление коммунальных, социальных, персональных и прочих услуг	26,4	4,3
Итого	610	100

Источник: [Современное состояние... 2019: 41].

Если смотреть на городскую структуру современного Челябинска, на переход типологии застройки от городского ядра к природной территории [Аверкиева et al. 2016], то город состоит из трех зон: городского ядра (исторический центр с прилегающими жилыми районами), городских окраин (микрорайонная застройка) и пригородов, переходящих в сельский ландшафт (малоэтажная и частная застройка). Такое деление обусловлено историческим развитием в советский период урбанизации через индустриализацию. Для превращения Челябинска из небольшого провинциального в крупный индустриальный центр страны в 1920–1930 гг. был заложен каркас новой планировочной структуры, в основе которого лежало создание промышленно-селитебных комплексов вокруг существующей застройки города. Так в 1930-е гг. вокруг исторического ядра города были выстроены первые рабочие поселки Челябинской государственной районной электростанции (ЧГРЭС), электрометаллургического комбината (ЧЭМК) и Челябинского тракторного завода (ЧТЗ) [Коньшева 2005]. Размещение новых промышленных предприятий с рабочими поселками (так называемыми промышленно-селитебными комплексами) в отдалении от исторического ядра города предопределило рассредоточенную структуру Челябинска и способствовало его четкому делению на городское ядро и городские окраины со своими центрами. Последующее развитие города только усилило сложившееся зонирование. Оптимальное расселение жителей растущего города зависело от размещения основных мест приложения труда. Поездки к месту работы не должны были превышать 40 минут [Поливанов 1986]. Так, городские окраины были разделены на планировочные районы, расположенные в непосредственной близости к заводам. Каждый планировочный район состоял из жилых районов и имел свой центр. Жилой район, в свою очередь, формировался из нескольких микрорайонов. В микрорайоны должны были входить детские сады, школы, продовольственные магазины, столовые, аптеки и другие предприятия бытовых услуг регулярного использования. Пешеходная доступность ко всем этим объектам должна была составлять не более

500 метров. Таким образом, в период советской урбанизации была достигнута организация строго очерченных повседневных практик жителей города, их маршрутов и ритма жизни. Все сферы жизни города были связаны с промышленностью [Поливанов 1986].

Метод исследования

Для анализа паттернов перемещения на работу и обратно был выбран количественный метод, поскольку задача исследования — определить, какими типами паттернов отличаются работающие жители города Челябинска и какие количественные характеристики им свойственны. Для изучения индивидуальных паттернов перемещения на работу и обратно был проведён стандартизированный уличный опрос по методу личных интервью. Анкета для опроса жителей состояла из вопросов о временно-пространственных ограничениях паттернов по Хагерстранду (часы работы, количество рабочих дней и место работы), и о количественных характеристиках типов паттернов. К количественным характеристикам относятся социально-демографические особенности индивидов, совершающих перемещения: сфера занятости, форма трудоустройства, место жительства и средство передвижения. Выбор количественных характеристик паттернов перемещения на работу и обратно основан на изучении исследований о труде и занятости [Kalleberg 2000; Golden 2001; Jansen et al. 2004; Keller, Seifert 2005; Vogelpohl 2012; Monusova 2018; Pech, Klainot-Hess, Norris 2020] и связанной с ними мобильности [Beckmann et al. 2006; Kemper, Kulke, Schulz 2012; Shen, Chai, Kwan 2015; Crawford 2020; Wiersma 2020; Xiao, Silva, Zhang 2020]. В результате анкета содержала три блока (условия труда, район проживания и регулярные перемещения) и состояла из 40 вопросов.

Для определения мест опроса жителей города была принята во внимание дискуссия о влиянии пространственных характеристик района (зоны) проживания (типология и плотность застройки, доступность повседневных услуг и транспорта, удаленность от центра города) на ежедневные паттерны перемещения его жителей. Исследователи городской мобильности убеждены в том, что регулярные индивидуальные перемещения зависят от пространственных характеристик района, в котором проживает индивид, совершающий перемещения [Cervero, Kockelman 1997; Beckmann et al. 2006; Ewing, Cervero 2010; Kemper, Kulke, Schulz 2012]. Одной из концепций, описывающих взаимодействие индивидуальных паттернов перемещений и зон крупного города, является «Urban Fabrics» («Городские структуры») [Newman et al. 2019; Buitelaar, Leinfelder 2020]. Согласно этой концепции, индивидуальные паттерны перемещений зависят от пространственных характеристик района проживания (типология и плотность застройки, доступность повседневных услуг и транспорта, удалённость от центра города). При этом, конечно, не исключается тот факт, что индивиды могут изначально выбирать место жительства таким образом, чтобы оно отвечало их предпочтениям в передвижениях и доступности транспорта, соответствующим определённому периоду жизни [Scheiner, Holz-Rau 2015; Schneider 2018]. В соответствии с этой концепцией стандартизированный опрос жителей города Челябинска проводился в зонах города с разной типологией застройки и удаленностью от центра. Это позволило учесть особенности места жительства при анализе паттернов перемещения жителей города.

Зонирование города Челябинска было осуществлено на основе изучения истории урбанизации города и анализа перехода городского ядра к природной территории [Аверкиева et al. 2016]. Как отмечалось выше (см. раздел «Челябинск»), город состоит из трёх зон: городского ядра (исторический центр с прилегающими жилыми районами), городских окраин (микрорайонная застройка) и пригородов, переходящих в сельский ландшафт (малоэтажная и частная застройка). В каждой из зон был выбран ареал опроса со свойственными этой зоне характеристиками пространства типология и плотность застройки, доступность повседневных услуг и транспорта и удалённость от центра города [Newman et al. 2019; Buitelaar, Leinfelder 2020]. Таким образом, в зоне городского ядра опрашивались жители, проживающие в центре города по улицам Советская, Коммуны, Свободы, Российская, Воровского, Курчатова,

Володарского, Энгельса и Сони Кривой. В зоне городских окраин опрос проводился в микрорайонной застройке на проспекте Победы и на улицах Чичерина, Салавата Юлаева и 250-летия Челябинска. В пригороде работа велась в посёлках Смолино, Западный и Вишневая горка. Опрашивались только жители, проживающие в ареале опроса или в непосредственной близости к нему.

Для определения точек контакта с предполагаемыми респондентами в ареале опроса была проведена оценка повседневной жизни жителей разных зон города. С этой целью были проведены 15 телефонных интервью с вопросами об обычном рабочем дне и обычной рабочей неделе; об услугах, которыми жители пользуются в пешеходной доступности от места проживания; о том, как выглядят их маршруты из дома на работу и обратно. Это позволило понять, где и в какое время, в какой день недели жители городского ядра, городских окраин и пригородов скапливаются в общественном пространстве. В результате анализа данных 15 телефонных интервью стало ясно, что жители городского ядра и окраин Челябинска покупают продукты питания регулярно (2–3 раза в неделю) в пешеходной доступности от дома. Жители периферии менее регулярно, но тоже пользуются продовольственными магазинами вблизи места жительства. В зависимости от социального статуса жители всех трёх зон с разной частотой ездят на общественном транспорте или маршрутном такси, а значит, регулярно перемещаются от остановок общественного транспорта до дома пешком. Таким образом, анализ телефонных интервью позволил выделить основные места скопления в разных зонах города. В качестве точек контакта интервьюеров с респондентами были выбраны следующие общественные места: продуктовые магазины, пешеходные зоны и дворовые территории в ареале опроса.

Сбор и анализ данных

Уличный стандартизированный опрос жителей Челябинска проходил в феврале 2020 г. в местах скопления в общественном пространстве в следующих зонах: (1) городское ядро по улицам Советская, Коммуны, Свободы, Российской, Воровского, Курчатова, Володарского, Энгельса и Сони Кривой; (2) городские окраины на проспекте Победы и на улицах Чичерина, Салавата Юлаева и 250-летия Челябинска; (3) пригородные посёлки Смолино, Западный и Вишневая горка. Ареалы опроса для исследования были установлены согласно зонированию, описанному выше (см. раздел «Метод исследования»). Для опроса была использована электронная платформа LimeSurvey. Запланированное время заполнения анкеты составляло 10–12 минут. В работе по проведению опроса была задействована группа из девяти интервьюеров и одного координатора. Часы опроса были установлены согласно проведённым при подготовке к опросу телефонным интервью с жителями города об их повседневных практиках. В рабочие дни опрос проходил в 15:30–20:00; в выходные — в 11:00–17:00. Администрации Челябинска и районов, в которых работали интервьюеры, были уведомлены о проведении уличного опроса. Помимо этого, был установлен контакт с локальными СМИ с просьбой об оказании информационного содействия, в результате чего две онлайн-платформы разместили информацию об опросе, уведомив жителей города о предстоящем его проведении и теме: паттерны перемещения на работу и обратно.

В зонах городского ядра и городских окраин работали четыре интервьюера. В пригороде в связи с более низкой плотностью населения работал один интервьюер. За каждым был закреплён 500–600-метровый радиус опроса. При подготовке к опросу с рабочей группой были проведены ряд ознакомительных и тренировочных мероприятий в несколько этапов. В первый этап входили вводная лекция, обсуждение выданного накануне технического задания, групповой тест анкеты с последующим обсуждением. Вторым этапом было проведение тестовой фазы опроса на улицах города, которая пришлась на первую половину февраля 2020 г. В рамках этого этапа интервьюеры вышли на улицы города и попробовали в закреплённом за ними радиусе опроса установить контакт с респондентами, как это было указано в техническом задании для заполнения электронной анкеты. По завершении второго этапа подготовительной фазы была проведена рабочая встреча, на которой обсуждались сложности и проблемы, воз-

никшие в ходе работы с респондентами. Основная фаза опроса прошла во второй половине февраля 2020 г. и длилась 10 дней. Каждый из участников команды ежедневно получал по 10 активных ссылок на электронную анкету. При сохранении анкеты вместе с ответами на вопросы фиксировались дата, время и длительность заполнения, а также имя и фамилия интервьюера, который вводил данные. Контроль за работой интервьюеров осуществлялся с помощью активной виртуальной коммуникации и геолокации, которая была включена у интервьюеров во время их работы на улицах города.

Количество анкет, собранных в каждой из трёх зон города, зависело от плотности населения зоны. Согласно стратегическому плану развития города Челябинска 2019 г., в зоне городского ядра плотность населения составляет 250 чел./га, в зоне городских окраин — более 300 чел./га, в пригороде (посёлки Смолино, Западный и Вишнёвая горка) — менее 100 чел./га. Исходя из этого было запланировано собрать 280 анкет в зоне городского ядра, 350 анкет в зоне городских окраин, 100 анкет в пригороде. Такой подход позволил уже на этапе сбора данных учесть особенности разных зон города [Newman et al. 2019; Buitelaar, Leinfelder 2020]. Следующим шагом было соблюдение в каждой зоне опроса выборки по полу и возрасту. Опираясь на статистику о социально-демографических характеристиках жителей Челябинска [Современное состояние... 2019], планировалась выборка по полу и возрасту: 20% мужчин и 20% женщин в возрасте 18–35 лет; 20% мужчин и 20% женщин в возрасте от 36–50 лет, 10% мужчин и 10% женщин в возрасте старше 51 года (см. табл. 4). Поскольку в опросе должны были участвовать только работающие жители города, был предусмотрен следующий контрольный вопрос, который интервьюеры задавали респондентам до начала заполнения анкеты: «Работаете ли Вы в настоящий момент?» Для контроля места проживания при установлении контакта потенциальным респондентам также задавался вопрос о том, проживают они в этих домах (указывая на застройку рядом) или в нескольких минутах ходьбы от места контакта.

Таблица 4

План выборки по полу и возрасту (%)

Пол	Возраст			Итого
	18–35 лет	36–50 лет	Старше 51 года	
Мужской	20	20	10	50
Женский	20	20	10	50

Самой сложной оказалась работа в пригороде. Изначально планировалось опрашивать только жителей посёлка Смолино, но в этом посёлке было очень сложно установить контакт с группой в возрасте 18–35 лет, что привело к сильному смещению выборки в сторону старшего поколения. Для того чтобы выравнять выборку, было принято решение расширить ареал опроса в пригороде и включить еще два поселка — Западный и Вишнёвая горка. В Западном интервьюеры столкнулись с группой жителей города, которые перемещались исключительно на автомобиле. Контакт с ними установить было невозможно. В Вишнёвой горке проживают преимущественно молодые семьи с детьми, которые легко шли на контакт, что позволило закончить опрос в пригороде с установленной выборкой по полу и возрасту. Следующей по сложности была зона городских окраин. В сравнении с зоной городского ядра её жители реже совершают пешие прогулки. Местами скопления и контакта с респондентами чаще всего были продовольственные магазины. Опрос вблизи продуктовых магазинов был возможен не всегда. Часто люди спешили по делам, у них не было времени на участие, что привело к небольшому недобору анкет в этой зоне. В зоне городского ядра у интервьюеров было меньше всего сложностей. Большое количество пешеходов, разнообразные места скопления (пешеходные зоны, остановки общественного транспорта, торговые центры, продовольственные магазины) позволили активно проводить опрос. Единственной сложностью было наличие большого количества людей, проживающих не в зоне опроса, а на городских окраинах и в пригороде. Интервьюерам приходилось чаще контактировать с возможными респондентами и отсеивать респондентов, проживающих в других зонах города.

В результате 10-дневной работы были собраны 667 анкет: 286 — в зоне городского ядра; 311 — в зоне городских окраин; 70 — в пригороде. Реальное время заполнения анкеты составляло 5–20 минут. Выборка по полу и возрасту была выдержана без особых смещений (см. табл. 5). Половина всех опрошенных были мужчины, а половина — женщины. Распределение опрошенных по возрастным группам тоже соответствовало плану: 20%, 20%, 10%. После контроля выборки по полу и возрасту был проведен анализ данных касательно области труда, чтобы зафиксировать возможное смещение численности занятых по отраслям относительно данных за 2017 г. (см. раздел «Челябинск») [Современное состояние... 2019]. Согласно данным за 2017 г., сфера услуг по численности занятых в три раза превышает сферу промышленности, которая составляет 26,3% общего количества экономически занятого населения. В опросе, проведенном в феврале 2020 г., число занятых в сфере промышленности составляет 12,5% от всех опрошенных; в сфере торговли и услуг заняты 53% опрошенных. Эти факты необходимо принимать во внимание при интерпретации данных опроса. Дополнительно была проанализирована доля съёмного жилья: 20% опрошенных в Челябинске живут в съёмных квартирах. Это значение близко к общероссийскому показателю (25%) доли жилья, используемого на условиях найма [Экономика городов-миллионников... 2019].

Таблица 5

Результат выборки по полу и возрасту (%)

Пол	Возраст			Итого
	18–35 лет	36–50 лет	Старше 51 года	
Мужской	24,1	18,4	7,1	49,5
Женский	18,7	21,8	9,9	50,5

Для анализа была использована программа SPSS Statistics и выбран метод дескриптивной статистики, что помогло количественно охарактеризовать типы паттернов работников по сфере занятости, форме трудоустройства, месту жительства и средству передвижения. Оценка степени влияния отдельных характеристик паттернов перемещения друг на друга не была целью данной статьи, в связи с чем отсутствуют результаты соответствующих статистических тестов, таких как таблицы сопряжённости с использованием критерия согласия Пирсона.

Результаты исследования

Основной целью анализа данных опроса было формирование типов паттернов перемещения на работу и обратно. Для этого была разработана аналитическая рамка, согласно теории о временных и пространственных ограничениях перемещений (см. табл. 1). Так, паттерны перемещения зависят от временно-пространственных ограничений, накладываемых особенностями организации труда. Как показано в таблице 2, к типу «гибкие» относятся работники: (1) имеющие вариативность выезда на работу и с работы домой, а также с менее или более пяти поездками на работу в неделю; (2) у которых рабочее место дома или в нескольких местах (дома, в офисе, у заказчика, у подрядчика и т. д.). К типу «гибкие по времени» относятся работники: (1) с вариативностью выезда на работу и с работы домой, а также с менее или более пяти поездками на работу в неделю, но (2) с фиксированным рабочим местом вне дома. Тип «гибкие по месту» — это работники (1) с классической пятидневной неделей, когда рабочий день с понедельника по пятницу начинается или заканчивается в одно и то же время, но (2) с нестандартным местом приложения труда — дома или в нескольких местах (дома, в офисе, у заказчика, у подрядчика и т. д.). Тип «негибкие» — это работники, едущие на работу пять дней в неделю (1) в одно и то же время туда и обратно; (2) в одно и то же место. Согласно данному принципу образования паттернов был проведен анализ данных, собранных в Челябинске. В результате, как показано в таблице 6, число работников с гибкими паттернами перемещения составляет 6,6% от всех опрошенных работников, «гибкие по времени» — 37,9%, «гибкие по месту» — 0,3%, «негибкие» — 53,5%. Если сравнить

данную типологию с результатами Кроуфорд (где в 2016 г. в Англии количество работников с нерегулярными паттернами перемещения составляло 22%, с паттернами, вариативными по времени — 9%, с вариативными в пространстве — 10%, с регулярными паттернами — 59%) [Crawford 2020], то видно, что количество работников с регулярными паттернами перемещения составляет около 60%. Это близко к результатам в Челябинске, где количество опрошенных с регулярными паттернами равно 53,5%. В то же время распределение по типам с разной гибкостью в Челябинске значительно отличается: преобладают «гибкие по времени» (37,9%) над «гибкими» (6,6%) и «гибкими по месту» (0,3%); «гибкие по месту» практически отсутствуют. В связи с этим в последующем анализе данных будут приняты во внимание только выраженные типы паттернов — «гибкие», «гибкие по времени» и «негибкие».

Таблица 6

Четыре типа паттернов перемещения работников Челябинска

Временные ограничения	Пространственные ограничения	
	Нестандартные	Стандартные
Нестандартные	6,6% «гибкие»	37,9% «гибкие по времени»
Стандартные	0,3% «гибкие по месту»	53,5% «негибкие»

Далее было важно понять, какие сфера занятости и форма трудоустройства присущи какому типу паттернов перемещения работников. Таблица 7 иллюстрирует, что работники с гибкими паттернами перемещения чаще всего заняты в ИТ-сфере (21,4%), в сфере коммунальных, социальных и персональных услуг (21,4%) и в торговле (19%). Работники с гибкими по времени паттернами перемещения особенно заметны в торговле (18,8%) и в сфере образования (16,7%). Негибкие паттерны перемещения на работу и обратно свойственны занятым в сфере торговли (16,6%), образования (13,6%) и промышленности (12,4%). Анализ сфер занятости показывает, что, как и в международной дискуссии (см. раздел «Условия труда и паттерны перемещения»), гибкие паттерны перемещения в наибольшей степени свойственны занятым в ИТ-сфере. Учитывая смещение в выборке относительно распределения по сферам занятости (в промышленности на 2017 г. работали 26,3% жителей Челябинска, в сфере услуг — в три раза больше [Современное состояние... 2019]; в данном опросе число занятых в сфере промышленности составляет 12,5% от всех опрошенных, в сфере услуг заняты — 53% от всех опрошенных, можно сказать, что именно промышленность — та сфера занятости в Челябинске, в которой и на сегодняшний день наиболее часто встречаются работники с негибкими паттернами перемещения на работу и обратно. Отдельного внимания и дальнейшего изучения заслуживает сфера торговли, работникам которой одинаково свойственны все типы паттернов перемещения. При анализе формы трудоустройства у всех опрошенных видно, что работники с гибкими паттернами перемещения, как и в международной дискуссии (см. раздел «Условия труда и паттерны перемещения»), чаще всего трудятся на себя (69,9%). Работники как с гибкими по времени паттернами, так и с негибкими трудоустроены в Челябинске у частного лица (см. табл. 8). При этом важно отметить, что на частное лицо работают большинство опрошенных жителей города (57,6%).

Таблица 7

Сфера занятости и типы паттернов перемещения (%)

Область деятельности	Гибкие	Гибкие по времени	Негибкие
Промышленность	4,8	7,3	12,4
Образование	7,1	16,7	13,6
IT-сфера	21,4	3,3	5,7
Сельское хозяйство		1,6	0,8
Оптовая и розничная торговля	19,0	18,8	16,6
Транспорт и связь		9,4	8,2
Гостиничный бизнес	2,4	1,6	1,7
Ресторанный бизнес		4,1	2,2
Реклама	9,5	3,7	4,3
Финансовая деятельность	2,4	3,3	4,8
Государственное управление	2,4	4,5	5,6
Строительство	9,5	8,2	8,4
Медицина		6,1	6,5
Коммунальные, социальные и персональные услуги	21,4	11,4	9,1
Итого	100	100	100

Таблица 8

Форма трудоустройства и типы паттернов перемещения (%)

Форма трудоустройства	Гибкие	Гибкие по времени	Негибкие
В госорганизации	2,3	29,4	32,8
На частное лицо	27,9	56,3	63,3
На себя	69,9	14,3	3,9
Итого	100	100	100

Также было проанализировано, какие типы паттернов перемещения свойственны жителям городского ядра, городских окраин и пригорода (см. табл. 9). Занятые с гибкими паттернами перемещения на работу и обратно проживают преимущественно в зоне городского ядра (51,2% всех опрошенных). Гибкие по времени паттерны перемещения свойственны работающим жителям как городского ядра, так и городских окраин (44,1%). Негибкие паттерны перемещения встречаются чаще всего у жителей городских окраин (47,6%) и у жителей городского ядра (42,3%). В таблице 9 показано, что распределения по зонам города внутри типов паттернов отличаются друг от друга минимально: в каждой из зон проживают в равной степени занятые с гибкими и негибкими паттернами перемещения. Опрошенные занятые с гибкими паттернами проживают в зоне городского ядра (51,2%) несколько чаще, чем занятые с гибкими по времени паттернами (41,1%) и негибкими (42,3%). Причина такого распределения может крыться в исторически сложившемся противостоянии между зонами городского ядра и городских окраин (см. раздел «Челябинск»). Однако, чтобы объяснить полученный результат, недостаточно количественных данных, собранных в результате опроса жителей. Необходимо провести ряд интервью с жителями разных зон города с разными паттернами перемещения на работу и обратно.

Таблица 9

Зона проживания и типы паттернов перемещения

Зона проживания	Типы паттернов перемещения (%)		
	Гибкие	Гибкие по времени	Негибкие
Городское ядро	51,2	44,1	42,3
Городские окраины	41,9	44,1	47,6
Пригород	7,0	11,8	10,1
Итого	100	100	100

Анализ данных в Челябинске показал один ярко выраженный тип гибких паттернов перемещения — «гибкие по времени». Занятые с гибкими по времени паттернами перемещения работают преимущественно на частное лицо в сферах оптовой и розничной торговли (18,8%), образования (16,7%) и услуг (11,4%). В попытке объяснить доминирование гибких по времени паттернов среди гибких были рассмотрены отдельные временные параметры, отличающие этот тип от других. К ним относятся вариативность количества поездок на работу в неделю, а также выезда на работу и с работы домой. В таблице 10 приведены результаты, которые показывают, что занятым с гибкими по времени паттернами перемещения свойственны более пяти поездок на работу в неделю (42%), что присуще работе по сменному графику. Два-три дня в неделю ездят на работу 27,5% занятых с гибкими по времени паттернами, что говорит о частичной занятости. Данные о начале и окончании рабочего дня демонстрируют гибкий график: 60% занятых с гибкими по времени паттернами начинают работу в одно и то же время только два-три дня в неделю, а 75% — заканчивают. Гибкий график работы, работа по сменам, частичная занятость свойственны в том числе таким сферам труда, как торговля, образование и персональные услуги, которые наиболее часто встречаются в гибких по времени паттернах перемещения. Эти сферы относятся к одним из распространенных сфер трудоустройства в Челябинске [Современное состояние... 2019], что отражают и собранные данные. В сферах торговли и услуг работают 53% опрошенных, что объясняет ярко выраженный тип с гибкими по времени паттернами перемещения. Дальнейшие заключения требуют более тщательного изучения повседневных практик у работников с гибкими по времени паттернами перемещения.

Таблица 10

Параметры «гибких по времени» паттернов перемещения

Параметры «гибких по времени»	Количество дней в неделю			Итого
	2–3	5	6–7	
Количество поездок на работу (%)	27,5	30,5	42,0	100
Начало рабочего дня в одно и то же время (%)	60,0	12,5	27,5	100
Окончание рабочего дня в одно и то же время (%)	75,0	—	25,0	100

Особенности Челябинска

Одна из главных особенностей Челябинска — наличие занятых с рабочим местом рядом с местом жительства. Согласно анализу, к таким относятся 40,6% всех опрошенных жителей города. Причиной тому может быть историческое развитие города. В советский период оно характеризуется развитием рабочих посёлков вблизи к промышленному производству в зоне городских окраин. В постсоветский — интенсивным и хаотичным ростом сервисного экономического сектора, с которым связано развитие розничной торговли и сферы услуг по всему городу. Эти два аспекта способствовали созданию рабочих мест в зоне городских окраин и в пригороде. Дальнейший анализ месторасположения городских предприятий и распределения рабочих мест по городу поможет объяснить наличие такого процента занятых, работающих рядом с местом жительства.

Ещё одна особенность Челябинска — перемещения, связанные с работой, в центр города. Только 16% опрошенных, проживающих в зоне городских окраин и пригороде, ездят на работу в Центральный район города. Опрошенные жители города также работают в Советском (17,5%), Курчатовском (15,9%), Ленинском (10,5%) и других районах. Однако около 35% опрошенных регулярно совершают поездки по служебным нуждам в течение рабочего дня, половина из них — в центр города. Таким образом, можно сказать, что ежедневная миграция с окраин в центр выражена, но это не единственное её направление. Данный аспект может быть интересен представителям градостроительной, социальной и транспортной политики в контексте работы над стратегиями для развития города и оптимизации трафика.

Основными средствами передвижения на работу и обратно служат личный автомобиль (31%) и маршрутное такси (30%), а около 20% опрошенных ходят на работу пешком (30% — в городском ядре, 17% в зоне городских окраин, 15% в пригороде). Используют автобус 5,9%, трамвай — 4,5%, троллейбус — 2,4%. Жители пригорода пользуются автомобилем для перемещения на работу чаще (таких 59%) жителей городского ядра (25%) и городских окраин (26%). В целом автомобиль используется жителями городского ядра и городских окраин одинаково часто. Однако жители городского ядра всё же чаще ходят пешком (30%), чем жители городских окраин (17%). У 60% всех опрошенных в семье есть личный автомобиль, у 10% проживающих преимущественно в пригороде два автомобиля.

Если рассматривать гибкость паттернов перемещения на работу и обратно в контексте оптимизации транспортных потоков [Shen, Chai, Kwan 2015; Crawford 2020], то важна разница в выборе транспортного средства при гибких и негибких паттернах перемещения. В Челябинске разница в выборе транспортного средства для перемещения на работу между гибкими по времени и негибкими типами паттернов перемещения практически отсутствует; 30% опрошенных как с гибкими, так и с негибкими паттернами используют автомобиль для перемещения на работу и обратно, 27–32% опрошенных ездят на маршрутном такси, около 25% ходят пешком. Занятые с гибкими паттернами перемещения (по временным и пространственным ограничениям) в большинстве своём (75%) работают из дома и не совершают перемещений. Те из них, кто иногда ездит по служебным делам, чаще пользуются личным автомобилем (14%) или маршрутным такси (9,3%).

Заключение

Анализ паттернов перемещения работающих жителей Челябинска — уездного города, который в период советской урбанизации стал крупным индустриальным, а сегодня относится к крупному многофункциональному центру Урала — показал, что его жители отличаются гибкими по времени паттернами перемещения на работу и обратно (37,9%). К гибким по времени паттернам преимущественно относятся занятые в сферах оптовой и розничной торговли, образования и услуг, работающие на частное лицо. Слабо выражены занятые, относящиеся к занятым с гибкими паттернами перемещения (6,6%). Их обычно характеризуют гибким графиком и рабочим местом дома или в нескольких местах (дома, в офисе, у заказчика, у подрядчика и т. д.). Занятые с гибкими паттернами работают в основном в ИТ-сфере, в сфере коммунальных, социальных и персональных услуг. В Челябинске практически отсутствуют занятые с гибкими по месту паттернами перемещения (0,3%), работающие в разных местах, но с классической пятидневной неделей (рабочие дни с понедельника по пятницу и фиксированным началом и концом). Чуть более половине опрошенных свойственны негибкие паттерны перемещения на работу и обратно (53,5%). Эта группа респондентов ездит на работу пять дней в неделю в одно и то же время и работает в одном и том же месте. Негибкие паттерны встречаются чаще всего в промышленном секторе. В целом распределение паттернов перемещения по типам отражает особенности развития Челябинска: к негибким относятся 53,5% опрошенных, к гибким по времени — 37,9%; к гибким — 6,6%, к гибким по месту — 0,3%. Доминирующие сегодня сферы услуг и торговли отличаются гибкими по времени паттернами перемещения на работу и обратно. Можно предположить, что низкая доля занятых с гибкими и гибкими по месту паттернами пере-

мещения связана со спецификой рынка труда (преобладание сфер торговли, образования, персональных услуг и промышленности), с отсутствием условий для работы из дома у работника (маленькая жилищная площадь, маленькие дети и др.) и у работодателя (нет определённой формы контракта, механизмов контроля и др.), с привычкой «ездить на работу». Дальнейшее изучение паттернов перемещения жителей города с использованием качественных методов позволит более детально объяснить сложившееся распределение паттернов перемещения по типам. В дополнение к этому важно понять, как пандемия COVID-19 повлияла на изменение условий труда и паттернов перемещений в Челябинске. Такой анализ дополнит данное исследование, международную дискуссию о паттернах перемещения и может быть использован в стратегическом планировании развития города. Отвечая на вопрос о том, можно ли генерализировать полученные на основе кейса Челябинска данные, важно заметить, что Челябинск относится к отстающим городам-миллионникам [Экономика городов-миллионников... 2019: 13]. По сравнению с отстающими в продвинутых городах наблюдается повышенная занятость в торговле. Согласно исследованию, в Челябинске занятые с гибкими по времени паттернами перемещения работают преимущественно в сфере торговли. Таким образом вероятно, что в продвинутых городах процент занятых с гибкими по времени паттернами перемещения выше. Что касается других типов гибких паттернов, то, возможно, что в городах, отличающихся более высоким социально-экономическим положением, занятость населения в IT- и креативной сфере более широко распространена. Из этого следует, что доля населения, работающего удаленно в продвинутых городах может быть выше, чем в отстающих, а значит, и доля занятых с гибкими и гибкими по месту паттернами перемещения будет отличаться. Для эмпирического подтверждения этих доводов необходимо отдельное исследование одного из продвинутых по социально-экономическим показателям городов-миллионников.

Литература

- Аверкиева К. В. et al. 2016. *Между домом и... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России*. М.: Новый хронограф.
- Бунин А. В., Саваренская Т. Ф. 1979. *История градостроительного искусства: в 2 т.* М.: Стройиздат.
- Кабалина В. И., Сидорина Т. Ю. 1999. Предприятие — город: трансформация социальной инфраструктуры в период реформ. *Мир России*. 8 (1-2): 167–198.
- Коньшева Е. В. 2005. *Градостроительство и архитектура Челябинска конца 1920-х — 1950-х гг. в контексте развития советского зодчества*. Челябинск: Изд-во ЧГПУ.
- Лаппо Г. 2001. Урбанизация в европейской России: процессы и результаты. В сб.: Нефедова Т., Полян П., Трейвиш А. (ред.-сост.) *Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен*. М.: ОГИ; 128-154.
- Меерович М. Г. 2015. Уникальность урбанизации в СССР. *Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета*. 2: 10–16.
- Меерович М. Г. 2018. Советские моногорода: история возникновения и специфика. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 1: 53–65.
- Пивоваров Ю. Л. 2001. Урбанизация России в XX веке: представления и реальность. *Общественные науки и современность*. 6: 101–113.
- Поливанов С. Н. 1986. *Челябинск. Градостроительство: вчера, сегодня, завтра*. Челябинск: Южно-уральское книжное издательство.

- Современное состояние социально-экономического комплекса. 2019. Кн. 1. Этап II: *Разработка положений о территориальном планировании генерального плана города Челябинска и материалов по его обоснованию*. М.: Гипрогор.
- Трейвиш А. 2009. *Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа*. М: Новый хронограф.
- Трудовой кодекс РФ*. 2001. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/
- Хан-Магомедов С. О. 2001. *Архитектура советского авангарда: в 2 кн*. М.: Стройиздат.
- Экономика городов-миллионников: право на развитие*. 2019. URL: <https://media.strelka-kb.com/gdpcities>
- Andrusz G. D., Szelényi I., Harloe M. 1996. *Cities after Socialism: Urban and Regional Change and Conflict in Post-Socialist Societies*. Oxford; Cambridge, MA: Blackwell.
- Baltes B. B. et al. 1999. Flexible and Compressed Workweek Schedules: A Meta-Analysis of Their Effects on Work-Related Criteria. *Journal of Applied Psychology*. 84 (4): 496–513.
- Bater J. H. 1980. *The Soviet City: Ideal and Reality*. London: Edward Arnold.
- Batunova E. et al. 2019. A Socialist Built Legacy in a Small Shrinking City: The Case of Zernograd, Southern Russia. *Territorio*. 91: 97–106.
- Beckmann K. J. et al. (Hrsg.) 2006. *StadtLeben: Wohnen, Mobilität und Lebensstil neue Perspektiven für Raum- und Verkehrsentwicklung*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften.
- Boltanski L., Chiapello È. 2007. *The New Spirit of Capitalism*. London: Verso.
- Brade I., Neugebauer C. S., Axenov K. 2012. Grosswohnsiedlungen in St. Petersburg zwischen sozialräumlicher Polarisierung und Persistenz. *Geographica Helvetica*. 66 (1): 42–53.
- Buitelaar E., Leinfelder H. 2020. Public Design of Urban Sprawl: Governments and the Extension of the Urban Fabric in Flanders and the Netherlands. *Urban Planning*. 5 (1): 46–57.
- Burchell B., Reuschke D., Zhang M. 2020. Spatial and Temporal Segmenting of Urban Workplaces: The Gendering of Multi-Locational Working. *Urban Studies*. 0 (00): 1–26. doi: 10.1177/0042098020903248
- Cervero R., Kockelman K. 1997. Travel Demand and the 3Ds: Density, Diversity, and Design. *Transportation Research Part D: Transport and Environment*. 2 (3): 199–219.
- Couclelis H. 2000. From Sustainable Transportation to Sustainable Accessibility: Can We Avoid a New Tragedy of the Commons? In: Janelle D. G., Hodge D. C. (eds) *Information, Place, and Cyberspace*. Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg; 341–356.
- Couclelis H. 2004. Pizza over the Internet: E-Commerce, the Fragmentation of Activity and the Tyranny of the Region. *Entrepreneurship & Regional Development*. 16 (1): 41–54.
- Crawford F. 2020. Segmenting Travellers Based on Day-to-Day Variability in Work-Related Travel Behaviour. *Journal of Transport Geography*. 86 (102765): 1–11.

- Dettmers J., Bamberg E. 2013. Verfügbarkeit für die Erwerbsarbeit — Analyse von Anforderungen, Belastungen und Ressourcen. In: Jeschke J. (Ed.) *Innovationsfähigkeit im demografischen Wandel. Beiträge der Demografietagung des BMBF im Wissenschaftsjahr 2013*. Frankfurt am Main; New York: Campus-Verl; 115–124.
- Diefenbacher H. et al. 2016. *Zwischen den Arbeitswelten: Der Übergang in die Postwachstumsgesellschaft* (1. Aufl.). Frankfurt am Main: FISCHER E-Books.
- Dijst M. 2004. ICTs and Accessibility: An Action Space Perspective on the Impact of New Information and Communication Technologies. In: Beuthe M. (ed.) *Transport Developments and Innovations in an Evolving World*. Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg; 27–46.
- Ewing R., Cervero R. 2010. Travel and the Built Environment. *Journal of the American Planning Association*. 76 (3): 265–294.
- Gather M., Kagermeier A., Lanzendorf M. 2008. *Geographische Mobilitäts- und Verkehrsforschung: Mit 24 Tabellen*. Berlin; Stuttgart: Borntraeger.
- Golden L. 2001. Flexible Work Schedules. *American Behavioral Scientist*. 44 (7): 1157–1178.
- Hägerstrand T. 1970. What about People in Regional Science? *Papers of the Regional Science Association*. 24: 6–21. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/BF01936872>
- infas, DLR, IVT. 2018. *Mobilität in Deutschland — MiD Ergebnisbericht*. URL: http://www.mobilitaet-in-deutschland.de/pdf/MiD2017_Ergebnisbericht.pdf
- Jansen N. W. H. et al. 2004. Impact of Worktime Arrangements on Work-Home Interference among Dutch Employees. *Scandinavian Journal of Work, Environment & Health*. 30 (2): 139–148.
- Kalleberg A. L. 2000. Nonstandard Employment Relations: Part-time, Temporary and Contract Work. *Annual Review of Sociology*. 26 (1): 341–365.
- Keller B., Seifert H. 2005. Atypical Employment and Flexicurity. *Management Revue*. 16 (3): 304–323.
- Kemper F.-J., Kulke E., Schulz M. (Hrsg.) 2012. *Die Stadt der kurzen Wege: Alltags- und Wohnmobilität in Berliner Stadtquartieren*. Wiesbaden: Springer VS.
- Kwan M.-P. 2001. Cyberspatial Cognition and Individual Access to Information: The Behavioral Foundation of Cybergeography. *Environment and Planning B: Planning and Design*. 28 (1): 21–37.
- Menezes L. M. de, Kelliher C. 2011. Flexible Working and Performance: A Systematic Review of the Evidence for a Business Case. *International Journal of Management Reviews*. 13 (4): 452–474.
- Messenger J. et al. 2017. *Working Anytime, Anywhere: The Effects on the World of Work*. Research report. Eurofound. Internationales Arbeitsamt; European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions. Luxembourg: Eurofound.
- Monusova G. A. 2018. Temporary Employment in Europe. *World Economy and International Relations*. 62 (9): 36–47.

- Newman P., Kosonen L., Kenworthy J. 2016. Theory of Urban Fabrics: Planning the Walking, Transit/Public Transport and Automobile/Motor Car Cities for Reduced Car Dependency. *Town Planning Review*. 87 (4): 429–458.
- Newman P. et al. 2019. Sustainable Cities: How Urban Fabrics Theory Can Help Sustainable Development. *Reports of the Finnish Environment Institute*. 39. Helsinki: SYKE.
- Pech C., Klainot-Hess E., Norris D. 2020. Part-Time by Gender, Not Choice: The Gender Gap in Involuntary Part-time Work. *Sociological Perspectives*. 64 (2): 280–300. doi: [10.1177/0731121420937746](https://doi.org/10.1177/0731121420937746).
- Pedersen V. B., Jeppesen H. J. 2012. Contagious Flexibility? A Study on Whether Schedule Flexibility Facilitates Work-Life Enrichment. *Scandinavian Journal of Psychology*. 53 (4): 347–359.
- Pollert A. 1991. *Farewell to Flexibility?* Oxford: Blackwell.
- Scheiner J., Holz-Rau C. 2015. *Räumliche Mobilität und Lebenslauf: Studien zu Mobilitätsbiografien und Mobilitätssozialisation*. Weisbaden: Springer VS.
- Schneider U. 2018. *Urbane Mobilität im Umbruch*. Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden.
- Schwanen T., Kwan M.-P. 2008. The Internet, Mobile Phone and Space-Time Constraints. *Geoforum*. 39 (3): 1362–1377.
- Shen Y., Chai Y., Kwan M.-P. 2015. Space-Time Fixity and Flexibility of Daily Activities and the Built Environment: A Case Study of Different Types of Communities in Beijing Suburbs. *Journal of Transport Geography*. 47: 90–99.
- Taiji R. 2020. Gender, Nonstandard Schedules, and Partnership Quality in the UK: Exploring Heterogeneous Effects through a Quasi-Experiment. *Social Science Research*. 85 (102370). doi: [10.1016/j.ssresearch.2019.102370](https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2019.102370).
- Thomson G., Newman P. 2018. Urban Fabrics and Urban Metabolism — from Sustainable to Regenerative Cities. *Resources, Conservation and Recycling*. 132: 218–229.
- Thomson G., Newton P., Newman P. 2016. Urban Regeneration and Urban Fabrics in Australian Cities. *Journal of Urban Regeneration and Renewal*. 10 (2): 1–22.
- Vogelpohl A. 2012. *Urbanes Alltagsleben*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften.
- Wiersma J. K. 2020. Commuting Patterns and Car Dependency in Urban Regions. *Journal of Transport Geography*. 84 (C). doi: [10.1016/j.jtrangeo.2020.102700](https://doi.org/10.1016/j.jtrangeo.2020.102700).
- Xiao C., Silva E. A., Zhang C. 2020. Nine-Nine-Six Work System and People's Movement Patterns: Using Big Data Sets to Analyse Overtime Working in Shanghai. *Land Use Policy*. 90 (104340). doi: [10.1016/j.landusepol.2019.104340](https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2019.104340).
- Zook M., et al. 2004. New Digital Geographies: Information, Communication, and Place. In: Brunn S. D., Cutter S. L., Harrington J. W. (eds) *Geography and Technology*. Dordrecht: Springer Netherlands; 155–176.

BEYOND BORDERS

Nadezda Krasilnikova

Flexible Commuting Patterns by Current Residents of Chelyabinsk

KRASILNIKOVA,

Nadezda — M.Sc. RWTH Aachen, Researcher at the Faculty of Urban and Regional Planning Technical University of Dortmund (TU Dortmund). Address: August-Schmidt-Str.10 / Einfahrt 50, 44227 Dortmund.

Email: nadezda.krasilnikova@tu-dortmund.de

Abstract

Digitization is changing the organization of work. Work is becoming independent of time and place, which affects changes in mobility patterns. This article explores the commuting patterns of current residents of Soviet-designed industrial cities with strictly delineated contours of practice and commuting patterns. Using a case study of the city of Chelyabinsk, this study proposes a typology of residential mobility patterns that varies in relation to employment. For this purpose, Hägerstrand's theory of the temporal and spatial constraints of mobility was used. By analyzing quantitative data collected in February 2020 through a standardized street survey, three types of commuting patterns were identified: "flexible," "temporally flexible," and "regular." Each type of pattern is described by quantitative characteristics, such as employment sector, form of employment, and place of residence. This study extends the understanding of what commuting patterns in current Russian cities might look like. It demonstrates the dominance of the "temporally flexible" commuting patterns of residents of Chelyabinsk, designed as an industrial center with regular commuting patterns. While the study does not provide a certain depth of analysis, it can be taken as a starting point in understanding individual mobility patterns in Russian cities. The results of the study may be of interest to researchers on work and urban mobility, as well as to city planners and policy makers on social and transport issues.

standing of what commuting patterns in current Russian cities might look like. It demonstrates the dominance of the "temporally flexible" commuting patterns of residents of Chelyabinsk, designed as an industrial center with regular commuting patterns. While the study does not provide a certain depth of analysis, it can be taken as a starting point in understanding individual mobility patterns in Russian cities. The results of the study may be of interest to researchers on work and urban mobility, as well as to city planners and policy makers on social and transport issues.

Keywords: transformation of work; flexibility; commuting patterns; Hägerstrand; Soviet cities; Chelyabinsk.

Acknowledgements

The study was undertaken as part of the Oxford Russia Fellowship 2019–2020.

References

- Andrusz G. D., Szelényi I., Harloe M. (1996) *Cities after Socialism: Urban and Regional Change and Conflict in Post-Socialist Societies*, Oxford; Cambridge, MA: Blackwell.
- Averkiyeva K., Antonov P., Kirillov P., Makhrova A., Medvedev A., Neretin A., Nefedova T., Treyvish A. (2016) *Mezhdú domom i... domom. Vozvratnaya prostranstvennaya mobilnost naseleniya Rossii* [Between Home and... Home. The Spatial Mobility of Russia's People in Return], Moscow: Novyy khronograf (in Russian).
- Baltes B. B., Briggs T. E., Huff J. W., Wright J. A., Neuman G. A. (1999) Flexible and Compressed Workweek Schedules: A Meta-Analysis of Their Effects on Work-Related Criteria. *Journal of Applied Psychology*, vol. 84, no 4, pp. 496–513.

- Bater J. H. (1980) *The Soviet City: Ideal and Reality*, London: Edward Arnold.
- Batunova E., Cocaj R., Sokoli Z., Kuma S. (2019) A Socialist Built Legacy in a Small Shrinking City: The Case of Zernograd, Southern Russia. *Territorio*, vol. 91, pp. 97–106.
- Beckmann K. J., Hesse M., Holz-Rau C., Hunecke M. (Hrsg.) (2006) *StadtLeben: Wohnen, Mobilität und Lebensstil neue Perspektiven für Raum- und Verkehrsentwicklung*, Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften.
- Boltanski L., Chiapello È. (2007) *The New Spirit of Capitalism*, London u.a.: Verso.
- Brade I., Neugebauer C. S., Axenov K. (2012) Grosswohnsiedlungen in St. Petersburg zwischen sozialräumlicher Polarisierung und Persistenz. *Geographica Helvetica*, vol. 66, no 1, pp. 42–53.
- Buitelaar E., Leinfelder H. (2020) Public Design of Urban Sprawl: Governments and the Extension of the Urban Fabric in Flanders and the Netherlands. *Urban Planning*, vol. 5, no 1, pp. 46–57.
- Bunin A., Savarenskaya T. (1979) *Istoriya gradostroitel'nogo iskusstva: v 2t.* [History of Urban Planning, 2 vols.], Moscow: Stroyizdat (in Russian).
- Burchell B., Reuschke D., Zhang M. (2020) Spatial and Temporal Segmenting of Urban Workplaces: The Gendering of Multi-Locational Working. *Urban Studies*, vol. 0, no 00, pp. 1–26. doi: [10.1177/0042098020903248](https://doi.org/10.1177/0042098020903248).
- Cervero R., Kockelman K. (1997) Travel Demand and the 3Ds: Density, Diversity, and Design. *Transportation Research Part D: Transport and Environment*, vol. 2, no 3, pp. 199–219.
- Couclelis H. (2000) From Sustainable Transportation to Sustainable Accessibility: Can We Avoid a New Tragedy of the Commons? *Information, Place, and Cyberspace* (eds. D. G. Janelle, D. C. Hodge), Berlin; Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg, pp. 341–356.
- Couclelis H. (2004) Pizza over the Internet: E-Commerce, the Fragmentation of Activity and the Tyranny of the Region. *Entrepreneurship & Regional Development*, vol. 16, no 1, pp. 41–54.
- Crawford F. (2020) Segmenting Travellers Based on Day-to-Day Variability in Work-Related Travel Behaviour. *Journal of Transport Geography*, vol. 86, art. 102765, pp. 1–11.
- Dettmers J., Bamberg E. (2013) Verfügbarkeit für die Erwerbsarbeit — Analyse von Anforderungen, Belastungen und Ressource. *Innovationsfähigkeit im demografischen Wandel. Beiträge der Demografietagung des BMBF im Wissenschaftsjahr 2013* (Hrsg. A. Jeschke), Frankfurt am Main; New York: Campus-Verl, pp. 115–124.
- Diefenbacher H., Foltin O., Held B., Rodenhäuser D., Schweizer R., Teichert V. (2016) *Zwischen den Arbeitswelten: Der Übergang in die Postwachstumsgesellschaft* (1. Aufl.), Frankfurt am Main: FISCHER E-Books.
- Dijst M. (2004) ICTs and Accessibility: An Action Space Perspective on the Impact of New Information and Communication Technologies. *Transport Developments and Innovations in an Evolving World* (ed. M. Beuthe), Berlin; Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg, pp. 27–46.

- Ewing R., Cervero R. (2010) Travel and the Built Environment. *Journal of the American Planning Association*, vol. 76, no 3, pp. 265–294.
- Gather M., Kagermeier A., Lanzendorf M. (2008) *Geographische Mobilitäts- und Verkehrsforschung: Mit 24 Tabellen*, Berlin; Stuttgart: Borntraeger.
- Giprogor (2019) *Sovremennoye sostoyaniye sotsialno-ekonomicheskogo kompleksa. Kniga 1. Etap II: Razrabotka polozheniy o territorialnom planirovanii generalnogo plana goroda Chelyabinska i materialov po ego obosnovaniyu* [The Current State of the Socio-Economic Complex, book 1, phase II: Development of Spatial Planning Regulations for the Chelyabinsk City Master Plan and Justification Materials], Moscow: Giprogor (in Russian).
- Golden L. (2001) Flexible Work Schedules. *American Behavioral Scientist*, vol. 44, no 7, pp. 1157–1178.
- Gosudarstvennaya Duma (2001) *Trudovoy kodeks RF* [The Employment Law of the Russian Federation], Moscow: Gosudarstvennaya Duma. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (accessed 7 May 2021) (in Russian).
- Hägerstrand T. (1970) What about People in Regional Science? *Papers of the Regional Science Association*, vol. 24, pp. 6–21. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/BF01936872> (accessed 7 May 2021).
- infas, DLR, IVT (2018) *Mobilität in Deutschland — MiD Ergebnisbericht*. Available at: http://www.mobilitaet-in-deutschland.de/pdf/MiD2017_Ergebnisbericht.pdf (accessed 7 May 2021).
- Jansen N. W. H., Kant I., Nijhuis F. J. N., Swaen G. M. H., Kristensen T. S. (2004) Impact of Worktime Arrangements on Work-Home Interference among Dutch Employees. *Scandinavian Journal of Work, Environment & Health*, vol. 30, no 2, pp. 139–148.
- Kabalina V., Sidorina T. (1999) Predpriyatiye — gorod: transformatsiya sotsialnoy infrastruktury v period reform [The Industry — the City: The Transformation of Social Infrastructure in a Period Of Reform], *Universe of Russia = Mir Rossii*, vol. 8, no 1-2, pp. 167–198 (in Russian).
- Kalleberg A. L. (2000) Nonstandard Employment Relations: Part-Time, Temporary and Contract Work. *Annual Review of Sociology*, vol. 26, no 1, pp. 341–365.
- KB Strelka (2019) *Ekonomika gorodov-millionnikov: pravo na razvitiye* [The Economies of Cities with a Population of Millions: The Right to Development], Moscow: KB Strelka. Available at: <https://media.strelka-kb.com/gdpcities> (accessed 7 May 2021) (in Russian).
- Keller B., Seifert H. (2005) Atypical Employment and Flexicurity. *Management Revue*, vol. 16, no 3, pp. 304–323.
- Kemper F.-J., Kulke E., Schulz M. (Hrsg.) (2012) *Die Stadt der kurzen Wege: Alltags- und Wohnmobilität in Berliner Stadtquartieren*, Wiesbaden: Springer VS.
- Khan-Magomedov S. (2001) *Arkhitektura sovet'skogo avangarda: v 2 kn.* [Architecture of the Soviet Avantgarde: 2 vols.], Moscow: Stroyizdat (in Russian).

- Konyshva E. (2005) *Gradostroitelstvo i arkhitektura Chelyabinska kontsa 1920-kh — 1950-kh gg. v kontekste razvitiya sovetskogo zodchestva* [Urban Planning and Architecture of Chelyabinsk from the End of the 1920s to the 1950s in the Context of the Development of Soviet Architecture], Chelyabinsk: ChGPU (in Russian).
- Kwan M.-P. (2001) Cyberspatial Cognition and Individual Access to Information: The Behavioral Foundation of Cybergeography. *Environment and Planning B: Planning and Design*, vol. 28, no 1, pp. 21–37.
- Lappo G. (2001) Urbanizatsiya v evropeyskoy Rossii: protsessy i rezultaty [Urbanisation in European Russia: Processes and Results], *Gorod i derevnya v Evropeyskoy Rossii: sto let peremen* [Urban and Rural Areas in European Russia: A Hundred Years of Change] (eds. T. Nefedova, P. Polyan, A. Treyvish), Moscow: OGI, pp. 128–154 (in Russian).
- Menezes L. M. de, Kelliher C. (2011) Flexible Working and Performance: A Systematic Review of the Evidence for a Business Case. *International Journal of Management Reviews*, vol. 13, no 4, pp. 452–474.
- Messenger J., Llave Vargas O., Gschwind L., Böhmer S., Vermeulen G. (2017) *Working Anytime, Anywhere: The Effects on the World of Work*. Research report. Eurofound. Internationales Arbeitsamt; European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions, Luxembourg: Eurofound.
- Meyerovich M. (2015) Unikalnost urbanizatsii v SSSR [The Uniqueness of Urbanisation in the USSR], *Journal of Construction and Architecture = Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta*, no 2, pp. 10–16 (in Russian).
- Meyerovich M. (2018) Sovetskiye monogoroda: istoriya vozniknoveniya i spetsifika [Soviet Mono-Cities: History and Specificity]. *Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts = Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no 1, pp. 53–65 (in Russian).
- Monusova G. A. (2018) Temporary Employment in Europe. *World Economy and International Relations*, vol. 62, no 9, pp. 36–47.
- Newman P., Kosonen L., Kenworthy J. (2016) Theory of Urban Fabrics: Planning the Walking, Transit/Public Transport and Automobile/Motor Car Cities for Reduced Car Dependency. *Town Planning Review*, vol. 87, no 4, pp. 429–458.
- Newman P., Thomson G., Helminen V., Kosonen L., Terämä E. (2019) *Sustainable Cities: How Urban Fabrics Theory Can Help Sustainable Development*. Reports of the finnish environment institute, no 39, Helsinki: SYKE.
- Pech C., Klainot-Hess E., Norris D. (2020) Part-Time by Gender, Not Choice: The Gender Gap in Involuntary Part-time Work. *Sociological Perspectives*, vol. 64, no 2, pp. 280–300. doi: [10.1177/0731121420937746](https://doi.org/10.1177/0731121420937746)
- Pedersen V. B., Jeppesen H. J. (2012) Contagious Flexibility? A Study on Whether Schedule Flexibility Facilitates Work-Life Enrichment. *Scandinavian Journal of Psychology*, vol. 53, no 4, pp. 347–359.
- Pivovarov Yu. (2001) Urbanizatsiya Rossii v XX veke: predstavleniya i realnost [Urbanisation of Russia in the 20th Century: Perceptions and Reality]. *Social Sciences and Contemporary World = Obshchestvennyye nauki i sovremennost*, no 6, pp. 101–113 (in Russian).

- Polivanov C. (1986) *Chelyabinsk. Gradostroitelstvo: vchera. segodnya. Zavtra* [Chelyabinsk. Urban Planning: Yesterday, Today, Tomorrow], Chelyabinsk: South Ural Book (in Russian).
- Pollert A. (1991) *Farewell to Flexibility?* Oxford u.a.: Blackwell.
- Scheiner J., Holz-Rau C. (2015) *Räumliche Mobilität und Lebenslauf: Studien zu Mobilitätsbiografien und Mobilitätssozialisation*, Weisbaden: Springer VS.
- Schneider U. (2018) *Urbane Mobilität im Umbruch*, Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden.
- Schwanen T., Kwan M.-P. (2008) The Internet, Mobile Phone and Space-Time Constraints. *Geoforum*, vol. 39, no 3, pp. 1362–1377.
- Shen Y., Chai Y., Kwan M.-P. (2015) Space-time Fixity and Flexibility of Daily Activities and the Built Environment: A case Study of Different Types of Communities in Beijing Suburbs. *Journal of Transport Geography*, vol. 47, pp. 90–99.
- Tajji R. (2020) Gender, Nonstandard Schedules, and Partnership Quality in the UK: Exploring Heterogeneous Effects through a Quasi-Experiment. *Social Science Research*, vol. 85, art. 102370, doi: [10.1016/j.ssresearch.2019.102370](https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2019.102370).
- Thomson G., Newman P. (2018) Urban Fabrics and Urban Metabolism — From Sustainable to Regenerative Cities. *Resources, Conservation and Recycling*, vol. 132, pp. 218–229.
- Thomson G., Newton P., Newman P. (2016) Urban Regeneration and Urban Fabrics in Australian Cities. *Journal of Urban Regeneration and Renewal*, vol. 10, no 2, pp. 1–22.
- Treyvish A. (2009) *Gorod, rayon, strana i mir. Razvitiye Rossii glazami stranoveda* [City, District, Country and World. Russia's Development Through the Eyes of a National Historian], Moscow: The New Chronograph (in Russian).
- Vogelpohl A. (2012) *Urbanes Alltagsleben*, Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften.
- Wiersma J. K. (2020) Commuting Patterns and Car Dependency in Urban Regions. *Journal of Transport Geography*, vol. 84, no C. doi: [10.1016/j.jtrangeo.2020.102700](https://doi.org/10.1016/j.jtrangeo.2020.102700).
- Xiao C., Silva E. A., Zhang C. (2020) Nine-Nine-Six Work System and People's Movement Patterns: Using Big Data Sets to Analyse Overtime Working in Shanghai. *Land Use Policy*, vol. 90, art. 104340. doi: [10.1016/j.landusepol.2019.104340](https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2019.104340).
- Zook M., Dodge M., Aoyama Y., Townsend A. (2004) New Digital Geographies: Information, Communication, and Place. *Geography and Technology* (eds. S. D. Brunn, S. L. Cutter, J. W. Harrington), Dordrecht: Springer Netherlands, pp. 155–176.

Received: June 16, 2020

Citation: Krasilnikova N. (2021) Gibkie patterny peremeshcheniya na rabotu i obratno u sovremennykh zhiteley Chelyabinska [Flexible Commuting Patterns by Current Residents of Chelyabinsk]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 22, no 3, pp. 104–128. doi: [10.17323/1726-3247-2021-3-104-128](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2021-3-104-128) (in Russian).

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОБЗОРЫ

В. А. Кондратенко, Я. М. Рощина

Можем ли мы объяснить различия в моделях потребления алкоголя: обзор теоретических подходов¹

КОНДРАТЕНКО

Валерия

Александровна — магистрант программы «Прикладные методы социального анализа рынков» факультета социальных наук; стажёр-исследователь Лаборатории экономико-социологических исследований (ЛЭСИ); преподаватель кафедры экономической социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: vkondratenko@hse.ru

Алкоголь является важной частью культуры многих народов, и модели его потребления различаются тем, как именно люди пьют, то есть какие напитки и в каких обстоятельствах употребляют, какие придают им смыслы и т. д. Эти аспекты обычно изучаются с точки зрения социологии, культурологии, антропологии, истории. Цель данной статьи — классифицировать публикации, посвящённые различиям в моделях потребления алкоголя, на основании доминирующей идеи. В первую очередь нужно обратить внимание на критерии выделения следующих паттернов: количественный (в зависимости от объёма и частоты потребления) и качественный (в зависимости от выбираемых напитков, обстоятельств, мотивов использования). Первый из них позволяет выделить такие часто используемые модели, как эпизодическое употребление алкоголя в больших количествах, злоупотребление, спорадический, постоянный лёгкий и интенсивный типы. В рамках второго чаще всего выделяют северный (основанный на водке), южный (базирующийся на вине) и центральноевропейский (предпочитающий пиво) типы. Акцент на мотивах потребления даёт возможность обнаружить четыре модели: усиление, совладание, конформизм и общность. Однако исследователи, как правило, хотят понять, чем объясняются различия в выборе паттерна потребления. Во второй части статьи мы обращаемся к систематизации таких объяснений на основе культурного, исторического и структурного подхода. В последней части статьи мы показали, что выделенные нами подходы позволяют объяснять особенности моделей потребления алкоголя в России и их изменение в течение последних двух десятилетий. Можно сделать вывод, что наиболее плодотворным является комплексное применение рассмотренных нами подходов — выделение паттернов на основе разнообразных критериев, объяснение их выбора как культурно-историческими факторами, так и с точки зрения различий между социальными группами, смыслами и мотивами потребления.

Ключевые слова: модели потребления алкоголя; мотивы потребления алкоголя; потребительская культура; структурный подход; культурно-антропологический подход; идентичность; эффект коллективности.

Чаще всего алкоголь рассматривается как фактор угрозы здоровью и социальная проблема. С этой точки зрения прежде всего важно понять, что

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Соотношение формальных и неформальных источников хозяйственной власти в современной российской экономике», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 г.

РОЩИНА Яна Михайловна — кандидат экономических наук, доцент департамента социологии; старший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований (ЛЭСИ); ведущий научный сотрудник Центра лонгитюдных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: yroshchina@hse.ru

влияет на спрос и какие меры можно использовать для его сокращения. Ранее в публикации «Что влияет на потребление алкоголя и табака: обзор экономических, социологических концепций и эмпирических результатов» [Рощина, Богданов 2018] были достаточно подробно рассмотрены некоторые факторы склонности к потреблению алкогольных напитков, в первую очередь основанные на экономических концепциях аддиктивных благ и потребительского капитала. Кроме того, в той же публикации упоминались такие социологические объяснения потребления алкоголя и табака, как теории девиантного поведения, социализация, поиск идентичности, а также «маркировка», «побег от реальности» и «диффузия инноваций» [Рощина, Богданов 2018]. Это направление исследований очень важно, так как потребление алкоголя в современной России было подвержено существенным изменениям. Так, в 1990-х гг. наблюдалось значительное увеличение объёма продаж, а также снижение спроса на водку и рост — на пиво. За последнее десятилетие одной из важнейших тенденций является увеличение доли людей, отказывающихся от алкоголя, прежде всего среди молодёжи [Radaev, Roshchina 2019]. Это вселяет надежду на то, что Россия не будет более одной из наиболее пьющих стран и потребление алкоголя, став умеренным, перестанет рассматриваться только как один из серьёзнейших факторов заболеваемости и смертности.

Алкогольные напитки являются, несомненно, важной частью потребительской культуры многих народов. Помимо изучения спроса, прежде всего в количественном аспекте, важно знать не только СКОЛЬКО, но и КАК пьют, то есть какие употребляют напитки, в каких обстоятельствах и т. д. Как правило, такие различия принято называть моделями, типами, паттернами потребления, иногда также говорят о структуре потребления (виды напитков и соответствующий им объём).

Аспекты потребления алкоголя чаще изучаются с точки зрения социологии, культурологии, антропологии, истории. Эти науки ищут ответы на целый ряд вопросов: зачем люди пьют и какие смыслы приписывают этому действию? Какие напитки выбирают? В каких обстоятельствах пьют, с кем и когда, на какие референтные группы ориентируются? Мы попробуем последовательно разобрать, как исследователи отвечают на эти вопросы.

Поиск публикаций, сделанных в 1990–2020 гг., осуществлялся для данной статьи на основе ключевых слов в поисковых системах ScienceDirect, JTORE для зарубежных публикаций, а также eLYBRARY.RU для российских публикаций; в первую очередь — в журналах, по тематике «социология», «культура» и «аддиктивное поведение». Однако в тех случаях, когда в изучаемых публикациях обнаруживались отсылки к более ранним фундаментальным работам по теме, мы также использовали эти книги или статьи. Отбор текстов проводился на основе релевантности и тематического насыщения, то есть мы не ставили целью описать абсолютно все исследования по выбранной теме, а упоминали в обзоре наиболее, на наш взгляд, важные и (или) цитируемые из них. Мы также отдавали предпочтение статьям, в которых выделялись несколько моделей потребления, не отбирались специфические категории (например, молодёжь, женщины и т. д.) и, по возможности давались объяснения выбора разных моделей.

Достаточно сложно оказалось решить поставленную в данном обзоре цель — систематизировать публикации, классифицировать их в зависимости от выбранных авторами подходов, методов, концепций, особенно потому, что зачастую многие из них можно отнести одновременно к нескольким направлениям исследований. В результате отобранные источники были разбиты на несколько направлений по критерию основной идеи. Мы встречали три типа таких идей: (1) основание типологии (например, состав напитков, мотивы потребления и др.); (2) объяснение факторов выбора людьми каждого типа (например, конкретный период времени или социальный класс, или гендер и др.); (3) влияние типа модели на изменения в потреблении или приписываемые людьми смыслы.

В первой части статьи рассматривается, какие варианты построения паттернов потребления алкоголя выделяют исследователи, отмечая два основных подхода — количественный и качественный. Вторая часть работы — ключевая, в ней мы структурируем теоретические подходы по их отличительным чертам: модели, которые основываются на причинах потребления алкоголя; модели, сформулированные на основе культурных различий между обществами; модели, связанные с историческими эпохами; модели потребления алкоголя в контексте социальной структуры общества, идентичности человека и его связей другими людьми. В последней части работы попытаемся продемонстрировать то, как данные подходы могут сочетаться друг с другом, на примере потребления алкоголя в современной России.

«Количественное» и «качественное» конструирование паттернов потребления

Типологический подход основан на идее выделения различных типов потребления, их ещё называют моделями или паттернами. Для различения моделей потребления алкоголя принято выделять два метода — количественный и качественный. Первый делает акцент на различиях в объёме и частоте потребления алкоголя без учёта его вида, а второй — на структуре (то есть видах напитков и, иногда, на объёмах каждого из них) и обстоятельствах потребления.

В рамках первого подхода обычно учитывается объём потребления (зачастую измеряемый в количестве «стандартных порций») в течение некоторого периода времени, например, года, месяца, недели и т. д. Так, в работе А. Бреннана и его коллег были выделены типы «умеренного», «рискованного» и «вредного для здоровья» потребления [Brennan et al. 2009]. Если, помимо объёма, учитывать также частоту потребления, то одной из наиболее часто выделяемых моделей является *binge drinking* — эпизодическое употребление алкоголя в больших количествах, означающее превышение некоторого фиксированного количества стандартных порций за один раз (обычно 4 порций и более для женщин и 5 порций и более для мужчин), а также ограниченного количества эпизодов потребления в месяц (обычно не более пяти случаев) [Радаев, Рощина 2019]. Если таких эпизодов больше, чаще всего говорят о чрезмерном потреблении алкоголя или о злоупотреблении им (*heavy alcohol use*). Наряду с этими двумя нередко выделяют такие типы, как спорадический (от случая к случаю), эпизодический, а также постоянный — лёгкий и интенсивный. «Социальным» иногда называют приемлемый уровень потребления алкоголя, то есть время от времени и в небольших количествах [Epstein et al. 2004].

Если говорить о качественном подходе, то чаще всего исследователи принимают во внимание следующие параметры: виды напитков; время потребления — в какое время суток, недели и т. д.; обстоятельства «случая потребления» (*drinking occasion*), то есть с кем пили, когда, с едой или нет, в каком месте (дома, в баре, в гостях и т. д.); было ли потребление приурочено к какому-то событию (например, к празднику) и т. д. В случае запрета на потребление алкоголя в обществе выделяют также подпольное потребление [Single, Leino 1998]. Так, в Испании чётко различаются обычаи пить за обедом или ужином, пить без еды, зачастую — между приёмами пищи, и они служат разным целям. В зависимости от времени года испанцы выбирают разные наборы напитков: летом — холодное пиво и сангрию, зимой — бренди и виски. На их выбор оказывают влияние социальное окружение (в присутствии жен-

щин принято пить умеренно), день недели (в выходные можно позволить себе на несколько порций больше, чем в будние), время суток. Так, ранним утром за завтраком принято выпить рюмку крепкого алкоголя; в первой половине дня — пиво или вино во время второго завтрака, зачастую в баре; в полдень уместен аперитив. Семейный обед сопровождается вином. Сиеста предполагает кофе с ликёром. Вечером принято посидеть в баре и выпить вина или крепкие напитки без еды. Ужин, дома или в ресторане, сопровождают вином. Наконец, ночью с пятницы на субботу алкоголь служит для релаксации, ухаживания и общения в баре и не предполагает приёма пищи [Gamella 1995].

Качественный подход позволяет выделить некоторые типичные модели потребления алкоголя в зависимости от структуры потребляемых напитков. Ж. Бенцен и В. Смит предложили нетривиальный способ оценить структуру потребления алкоголя при помощи измерения длины вектора (B, W, S) , определенного соответственно для пива, вина и водки [Bentzen, Smith 2009]. Структурные особенности моделируются углом между этим и единичными векторами. Однако самая популярная идея связана с имеющейся дифференциацией между странами. Действительно, объём крепкого алкоголя, вина и пива, потребляемый людьми в различных регионах, не является одним и тем же. Считается, что можно выделить два основных паттерна — северный и южный. Северная модель характеризуется редким потреблением крепкого алкоголя, но в больших количествах, в выходные или по праздникам; зачастую это сопровождается агрессивным поведением, которое нередко получает негативную оценку со стороны общества [Горячева 2003; Porova et al. 2007]. Потребление алкоголя в этом случае связывается с желанием «оторваться» от повседневной рутины, что является поводом выпить с друзьями и родственниками. Такая модель считается самой опасной из-за последствий интоксикации и связанной с ней высокой смертностью [Радаев, Рощина 2019], она распространена в северных странах, например, в Финляндии, Швеции, Норвегии, России и др. [Горячева 2003].

Однако модель потребления алкоголя не только формируется на основе выбора напитков, но и включает условия, в которых люди пьют. В обществах, где потребление алкоголя связано с негативными моральными оценками, места для питья зачастую находятся в замкнутых пространствах с неприметными вывесками, таким образом посетителям предоставляется своего рода гарантия конфиденциальности [Social and Cultural Aspects... 1998: 26]. Таким образом, в баре или ресторане человек может расслабиться и быть самим собой, но это осуществляется при помощи строгих мер внешней «маскировки» заведений, которые помогают «оторвать» человека от внешних реальностей и осуждения.

Отличие южной модели состоит в том, что потребление алкоголя является частью образа жизни людей. В обществах с такой моделью пьют вино довольно часто, но преимущественно в небольших количествах. Процесс потребления внедрён в повседневную жизнь, а значит, не вызывает осуждения. Алкоголь не только выступает как возможность отдохнуть и расслабиться, он связывается со спокойным и «мирным» времяпрепровождением [Радаев, Котельникова 2016]. Примерами такой модели являются южные страны, производящие вина, — Франция, Испания, Португалия, Италия и др. [Горячева 2003]. Важная черта этого паттерна — осуждение потребления алкоголя в одиночестве [Smart 2005: 111]. Отличие южной модели потребления алкоголя от северной проявляется и в пространстве питейных заведений. Так, вместо неприметных мест, спрятанных от общественного взгляда, в южных странах заведения располагаются на центральных улицах, представляют собой довольно просторные залы с большими окнами, зачастую с открытыми верандами. Посетители уже не анонимны, наоборот, они открыты для общения и не опасаются критики со стороны проходящих мимо людей [Social and Cultural Aspects... 1998: 26].

Близкая идея лежит в разделении стран на «влажные» и «сухие» [Room, Mitchell 1972; Room, Mäkelä 2000; Room 2001]. Традиционно «влажный» тип означает высокую интеграцию алкоголя в повседневную жизнь общества (мало трезвенников, много хронических проблем, связанных с алкоголем),

тогда как «сухой» — наоборот, низкую. Производящие вино страны относят к «влажной» культуре, а Скандинавские страны — к «сухой». В России, на Украине и в некоторых других странах потребление водки долгое время сочеталось с потреблением самогона.

Часто выделяют также центральноевропейскую модель, особенной чертой которой является доминирование в потреблении пива [Porova et al. 2007: 1], нередко в больших количествах. Причиной возникновения такого типа называют заимствование молодым поколением практик из разных стран, что отмечают, например, в Испании [Social and Cultural Aspects... 1998: 23]. Важно, что часто вместе с заимствованием определённого напитка общество инкорпорирует и соответствующий ему паттерн потребления [Social and Cultural Aspects ...1998]. Можно отметить ещё одну тенденцию: со второй половины XX века наблюдается гомогенизация моделей потребления алкоголя. Так, страны с северной моделью потребления алкоголя сдвигаются к центральноевропейской, а в странах с центральноевропейской моделью начинается переход к южной [Social and Cultural Aspects... 1998: 8]. Такие сдвиги от одной модели потребления к другой вписываются в существующие в мире тренды [Porova et al. 2007].

Фактически идея выделения моделей, или типов, потребления алкоголя на основе различных критериев (таких, как мотивы потребления; виды напитков; объём, частота и обстоятельства потребления и др.) лежит в основе всех остальных концепций, на которых мы остановимся в следующих разделах обзора.

Модели, основанные на различиях в мотивах потребления

Зачем люди пьют спиртные напитки? Как указывает Ф. Бродель, первоначально алкоголь использовался для утоления жажды, и в прошлом вино и пиво с точки зрения качества нередко имели преимущество перед водой, которая нередко была грязной и непригодной для питья [Бродель 2006]. Кроме того, вино зачастую представляло собой дешёвый способ утоления голода, так как его цена порой была ниже, чем у хлеба. Появление перегонного куба привело к возникновению крепкого алкоголя, который сначала использовался как лекарство или как способ консервации вина, а затем приобрёл самостоятельное значение. В то же время Ф. Бродель относит спиртные напитки к возбуждающим средствам, которые можно найти в культуре народов почти всех стран и континентов [Бродель 2006]. Способность алкоголя возбуждать организм связана с его психоактивными свойствами, имеющими эйфоризирующее, антидепрессивное и транквилизирующее действие [Немцов 2008: 147]. Выявлено также влияние алкоголя на субъективное хорошее настроение и в то же время на снижение способности решать задачи [Smith, Kendrick, Maben 1992]. Именно эти свойства, согласно А. Немцову, привели к успеху алкоголя в европейской цивилизации, способствовали повышению самооценки индивида, устранению помех в коммуникативности и подавлению индивидуальности [Немцов 2008]. Таким образом, чисто физиологическое действие алкогольных напитков приводит к их социальному значению. Потребление водки снижает социальную напряжённость и облегчает коммуникацию [Smith, Kendrick, Maben 1992]. Кроме того, алкоголь позволяет «убежать» от реальности, снизить беспокойство, справиться с депрессией [Loose, Acier, El-Baalbaki 2018].

Социологи выделяют несколько мотивов потребления алкоголя [Heath 1999]:

- повышение коммуникабельности;
- возможность релаксации;
- обозначение социальных границ и социального статуса;
- разграничение рабочего времени и досуга;
- ритуальные цели (праздники, торжественные события);
- «преодоление границ» (трансцендентность): в ряде культур вино использовали в религиозных церемониях;

- использование «социального кредита», означающего обмен и реципрокность, неформальную поддержку партнёров по питью;
- особого рода состязательность: кто больше выпьет или произнесёт тостов (Грузия), или сочинит стихов (Китай);
- повышение креативности и ослабление контроля, что нередко бывает важно для социальных групп создателей искусства.

У. Кокс и Е. Клиндер предложили мотивационную модель, разделив все причины потребления алкоголя на четыре ведущих типа, которые складываются под влиянием двух ортогональных измерений: позитивные или негативные эмоции; внешний или внутренний источник ожидаемых изменений в аффектах. Таким образом, выделяются четыре скрытых мотива: (1) усиление (позитивные эмоции и внутренний источник, то есть человек сам ожидает позитивного результата); (2) совладание (негативные эмоции и внутренний источник); (3) конформизм (негативные эмоции и внешний источник, следование давлению группы); (4) общность (позитивные эмоции и внешний источник, ожидание улучшения контактов и социальных связей). Различия в мотивации могут быть важными предикторами рискованного потребления алкоголя. Было обнаружено, что описанные выше мотивы являются медиаторами между психологическими типами личности и вероятностью алкоголизма [Loose, Acier, El-Baalbaki 2018], между импульсивностью и опасностью потребления алкоголя [Anderson et al. 2020], между рациональностью и отказом от потребления [Yang, Borges, Leyro 2019]. Подтвердилась также взаимосвязь между мотивами потребления алкоголя детьми и их родителями [Marino et al. 2018].

Модели потребления алкоголя как результат культурных различий

Культурно-антропологический подход был разработан антропологами в XX веке и представляет собой уникальный взгляд на изучение потребления алкоголя, которое рассматривается не как проблема [Douglas 1987: 3], а как форма материальной культуры [Dietler 2001], социальный акт [Health 1987: 46], и считается обусловленным набором множества культурных и социальных правил [Dietler 2006: 232], приобретая символическое значение. Различные общества и культуры могут приписывать алкоголю совершенно противоположные смыслы; он может восприниматься и как еда, и как напиток, и как приправа или яд, и как что-то сакральное или, наоборот, запретное (мусульманство); может быть сигналом низкого или, напротив, высокого социального статуса и т. д. Так называемая «влажная» культура плохо относится к пьянству, тогда как «сухая» более терпима. В первой алкоголь допустим для женщин и в присутствии детей, а также на работе, а во второй — недопустим [Heath 1999].

В книге «Alcohol and Pleasure: A Health Perspective» («Алкоголь и удовольствие: медицинская перспектива») рассматриваются особенности потребления и восприятия алкоголя в различных обществах — в Африке, Латинской Америке, Австралии, Индии, Японии и других; показано, что алкоголь может служить разным целям (например, разрешению конфликтов, как в Нигерии), его потребление по-разному регулируется (например, в Японии существуют 10 принципов умеренного питья) [Peele, Grant 1999]. Однако оказывается, что по-разному воспринимаются и понятие «удовольствие», связанное с алкоголем, и допустимый уровень потребления как в разных культурах [Heath 1999], так и в разных обстоятельствах — например, на свадьбе или на дружеской вечеринке [Single, Pomeroy 1999] или в гендерных группах [Camargo 1999; Nadeau 1999]. Неодинаковое понимание удовольствия приводит также к разным паттернам использования алкоголя [Marlatt 1999].

Р. Рум и К. Макела, основываясь на различных подходах к типологии культур потребления алкоголя, предложили новую классификацию обществ [Room, Mäkelä 2000]. По их мнению, для такой классификации нужен социокультурный подход, так как «холокультурного» (основанного только на сравнении обобщённой функции индивидуального потребления) недостаточно. Одним из первых использовал

социокультурный подход Р. Бэйлс [Bales 1946], который выделил такие типы обществ, как полная абстиненция (мусульманские страны); «ритуальное отношение» (например, Израиль); «утилитаристское отношение» (Ирландия, США); и «дружелюбное потребление алкоголя» в качестве промежуточного между двумя предыдущими. Р. Рум и К. Макела отмечают, что на основании социокультурного подхода ранее было предложено еще много различных типологий — например, «запретительная», «предписывающая» и «разрешительная» культуры [Mizruchi, Ferrucci 1970], а также дополняющие их «амбивалентная» и «сверхразрешающая» [Pittman 1967]. Р. Рум и К. Макела также критикуют разделение культур на «влажные» и «сухие», так как соответствующие стили, с одной стороны, не описывают множество разнообразных практик, а с другой, должны включать большое количество сопутствующих характеристик (например, отношение к чрезмерно пьющим, организацию потребления и т. д.). В итоге авторы предлагают четыре «идеальных типа» культур потребления алкоголя на основании сочетания параметров регулярности и распространённости практик: (1) общество с запретом потребления алкоголя; (2) ограниченное ритуальное потребление (*constrained ritual drinking*); (3) повседневное распитие алкоголя (*banalized drinking*) и (4) праздничное потребление (*fiesta drunkenness*).

Говоря о взаимосвязи алкоголя и религии, Р. Рум выделил следующие типы соотношения опьянения и духовности [Room 2013]: опьянение как средство сообщения с духовным миром; опьянение как разрушение духовности; совместное использование алкоголя и опьянение как способ возникновения сообществ; духовность и религия как средство коллективной трезвости; духовность как путь к индивидуальной трезвости; воздержание как духовная практика и индикатор членства в религиозном сообществе. Таким образом, опьянение может способствовать или препятствовать духовности как на индивидуальном, так и на коллективном уровне.

Однако культурные различия в способах потребления алкоголя можно не только проводить между обществами, но и дифференцировать напитки и паттерны внутри обществ. Наибольшее внимание в антропологическом подходе уделяется алкоголю как социальному акту, явлению [Douglas 1987: 4; Demossier 2005: 129]. Алкоголь может представлять собой неотъемлемую часть ритуала, быть частью празднования определённого события [Smart 2005: 112]. Иллюстрирует эту идею исследование А. Торнтон, которая разделила потребляемые жителями австрийской деревни напитки на две группы, несущие определённый социальный смысл. Первую группу напитков символизирует сект (игристое вино), его потребление опосредуется традицией и связано с городскими и национальными праздниками, например, с Новым годом. Его пьют в однотипных ситуациях, а виды мало отличаются по вкусу, он подаётся сразу для большого количества людей, которые не связаны между собой. Вторую группу представляет шнапс (фруктовая водка), потребление которого опосредует общение связанных близкими отношениями людей, не ориентировано на какое-либо время суток или день месяца, а зависит от интересов объединяемых им людей. Существует множество видов шнапса, поэтому каждый может подобрать себе вкус индивидуально. При распитии шнапса формальности исчезают, общепринятые нормы уходят на второй план, и человек может вести себя так, как захочет, ведь он находится в кругу друзей и близких [Thornton 1987]. Дж. Гусфельд противопоставляет в своих исследованиях кофе и алкоголь: кофе, по его наблюдениям, выступает как переход от досугового времени к рабочему, в то время как алкоголь, наоборот, переводит человека из рабочего режима в состояние отдыха [Gusfield 1986].

Модели потребления алкоголя в разные исторические эпохи

Исторический подход тесно примыкает к культурно-антропологическому; его представители изучают практики потребления алкоголя в различных обществах на протяжении времени. Алкоголь играл центральную роль почти во всех человеческих культурах с неолитических времён [Charters 2006: 14]. Все общества без исключения используют опьяняющие вещества, среди которых алкоголь является наиболее распространённым [Social and Cultural Aspects... 1998]. Исследователи показывают, для каких

стран и эпох был характерен тот или иной напиток и почему, какие традиции были связаны с практиками потребления. К. Макела отмечал три исторических типа использования спиртосодержащих напитков, основываясь на их потребительской ценности: (1) пищевое; (2) медицинское и (3) в качестве интоксиканта. В потреблении алкоголя эти три эффекта всегда присутствуют одновременно. Макела полагал, что исторически доминирующее использование можно принять как критерий классификации культур алкоголя [Mäkelä 1983].

Умеренное потребление вина, согласно Платону, могло играть роль обучения людей сочетать желания, удовольствия и контролю над ними; эта точка зрения была характерна для Афин. В Спарте же пропагандировалась абстиненция, так как трезвость была необходима воинам [Nelson 2008]. Исследуя историю возникновения пива, М. Нельсон отмечает, что ещё в Древней Греции оно противопоставлялось вину как более холодный, женственный, нечистый напиток. Фактически уже в Древнем мире он обнаруживает два типа использования алкоголя: первый (умеренное потребление вина) практиковался в Древней Греции, тогда как второй (чрезмерное потребление пива) был характерен для варваров [Nelson 2008].

Одно из важнейших исторических исследований — труд Ф. Броделя 1979 г., в котором он показывает место спиртосодержащих напитков в XV–XVIII веках и то, что выбор конкретного вида алкоголя чаще всего связан с имеющимся сырьём: в южных районах Европы — виноградное вино; севернее — пиво на основе хмеля и ячменя или яблочный сидр, а также медовуха и т. п.; Китай — рисовое вино и пиво; Америка — напитки на основе маиса, маниоки или агавы, а на севере — на основе кленового сока [Бродель 2006]. После изобретения перегонного куба начинается распространение крепких напитков (виски, коньяк и др.), которые становятся наиболее типичными прежде всего для северных стран. Важная закономерность, которую отмечает Ф. Бродель, — это взаимосвязь между выбором напитков и социальной группой: высшие слои предпочитают более редкие и дорогие напитки, являющиеся роскошью, однако со временем такие напитки могут начать пить более низкие классы (так называемый «эффект просачивания»). Кроме того, согласно Броделю, в Европе с XVI века известно применение ограничений с целью сокращения пьянства и алкоголизма. Наконец, алкоголь представлял собой и средство управления; например, распространение пульке, водки и рома среди индейцев Северной и Южной Америки имело целью создать зависимость аборигенов от колонизаторов [Бродель 2006].

Историки отмечают, что одним из факторов, способствующих распространению вина в Европе, было христианство. Так, важной частью церковного ритуала было символическое потребление хлеба и вина как «тела и крови Христовых», причём предпочтение отдавалось именно красному вину, символизирующему кровь [Дириу 1986]. Со временем, однако, наоборот, белое вино стали использовать чаще как для того, чтобы подчеркнуть разницу между вином и кровью [Poulain, Rouyer 1987], так и, по некоторым свидетельствам, в силу того что оно оставляло меньше пятен на алтарном покрывале [Albert 1991].

Распространение алкоголя происходило и на основе развития технологий. В течение 2000 лет вино хранилось в тяжёлых амфорах, однако в I веке были изобретены бочки, начали использоваться водонепроницаемые виды дерева, что позволило упростить не только хранение, но и перевозку вина, а значит, об этом напитке узнали новые регионы и страны [Charters 2006: 24–25]. Изменение технологий, появление на рынке новых продуктов влияют и на вкусовые характеристики вина [Charters 2003]. Возросшая в XX веке популярность сахара повлияла на рост количества сладких вин на рынке. Таким образом, производство алкогольных напитков, их качество и распространение тесно связаны с жизнедеятельностью общества, его развитием, поэтому изучать потребление спиртного необходимо в историческом контексте, в тесной связи с событиями рассматриваемого периода.

Модели потребления алкоголя и социальные классы

Анализ взаимосвязи структуры общества с различными предпочтениями в питании и выборе напитков принято называть структурным подходом [Douglas, Isherwood 1979; Levi-Strauss 1981]. Представители данного направления отмечают, что различия в потребительских предпочтениях алкоголя обуславливаются рассматриваемым периодом и принадлежностью человека к социальному классу. При этом потребительское поведение, в том числе в сфере питания и напитков, включая алкоголь, представляет собой важную часть стиля жизни, который, по Веберу, характерен именно для определённой стратификационной группы [Вебер 1994]. Потребление алкогольных напитков, как и другие практики, при этом выступают индикатором социального положения, который позволяет отличать членов социальных групп друг от друга, и способствуют общности внутри группы [Douglas 1987; Thornton 1987; Бурдьё 2005].

Согласно концепции П. Бурдьё, дифференциация потребительских практик, в том числе связанных с алкоголем, зависит, во-первых, от соотношения экономического и культурного капитала каждой группы, а во-вторых, от специфического габитуса, возникающего на основе разных условий жизни [Bourdieu 1984]. Вкусы того или иного класса зависят от «представлений класса о теле и о взаимодействии, оказываемом пищей на тело» [Бурдьё 2005: 38]. Описывая специфичность потребления алкогольных напитков в зависимости от соотношения капиталов на примере французского общества 1970-х гг., Бурдьё утверждал, что для обеспеченных людей характерно потребление коньяка и шампанского, а для клерков — аперитивов, в то время как рабочие пьют вино и пиво [Бурдьё 2005]. Однако в 2000-х гг. представители среднего класса во Франции предпочитают качественное вино, причём признаком принадлежности к классу выступает знание особенностей его производства и вкусов, участие в специальных клубах «знатоков», и М. Демоссье в своём исследовании называет такие паттерны «новой винной культурой» [Demossier 2005].

Вино называют пищей для иерархии, поскольку его потребление воспроизводит структуру социума [Guille-Escuret 1987: 63]. М. Демоссье выделила во французском обществе две группы людей: образованные знатоки, для которых потребление вина представляет собой нечто большее, чем потребление алкоголя; любители вина, которые мало в нём разбираются и чувствуют себя растерянными в мире с большим количеством правил и норм того, как вино необходимо потреблять [Demossier 2005].

Таким образом, соответствие между социальной группой и предпочитаемым напитком подвижно, может меняться с течением времени. Такие взаимосвязи различаются в разных странах. Например, в Польше в конце 1980-х гг. импортное вино служило признаком высокого социального статуса, а водка и пиво — низкого [Engs, Slawinska, Hanson 1991]. Кроме того, сам по себе отказ от алкоголя в пользу более здорового типа питания также может служить признаком принадлежности к более высокому классу, как это было обнаружено в Норвегии [Flemmen, Hjellbrekke, Jarness 2018]. Было также выявлено, что социальный статус влияет на тип и частоту потребления алкоголя: низшие слои пьют реже, чем управляющие, хотя в «типичный» день они выпивают больше и для них более характерно эпизодическое употребление алкоголя в больших количествах (*binge drinking*) [Beard et al. 2019].

В последней четверти XX века появилась концепция общества постмодерна, характерной чертой которого является снижение значимости класса. Причиной перехода к новому типу общества называют различные экономические и политические шоки, глобализацию и технологизацию в целом [Harvey 1989; Негрен, Вергер 2008]. Предполагается, что в этом новом обществе повседневные практики людей уже не зависят напрямую от их принадлежности к социальному классу. Особенностью постмодернистского типа считается фрагментарность потребительских практик, стиль жизни уже не является маркером принадлежности человека к определённому классу, люди могут потреблять тот алкогольный напиток, который хотят, а не предписанный их социальной страте [Demossier 2005: 149].

Структурный подход применялся в России. В исследовании П. Мартыненко и Я. Рощиной на основе базы данных Росиндекса за 2010 г. были выявлены четыре кластера потребителей алкоголя: (1) гендерно-нейтральный кластер «любителей лёгкого алкоголя»; (2) «мужской тип потребления» с преобладанием водки; (3) «женский тип» с предпочтением вина и шампанского; (4) «эклектичный, или постмодернистский тип», характеризующийся сочетанием разнообразных напитков. В исследовании была обнаружена взаимосвязь между данными типами и принадлежностью к социальному классу. Для высшего класса характерно потребление вина, шампанского, коньяка и редких напитков (ром, текила), а водку и пиво пьют менее образованные люди с низким уровнем дохода. Постмодернистский тип предпочитает прежде всего молодёжь [Рощина, Мартыненко 2014].

Учитывая не только вид напитка, но и ситуацию, в которой употреблялся алкоголь, З. Котельникова на основе базы данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ ВШЭ) за 2012 г. выделила шесть практик, которые, как оказалось, связаны с социальным статусом. Высшие классы склонны к разнообразию, они выбирают лёгкий, но дорогой алкоголь. Представители среднего класса не имеют ярко выраженных практик, отдают предпочтение как традиционным, так и новым необычным напиткам. Низшие слои потребляют традиционные напитки в больших количествах [Котельникова 2015].

Модели потребления алкоголя как маркер идентичности

Практики потребления с течением времени трансформируются, адаптируются под существующие нормы в обществе и, согласно концепции Н. Эллиаса, подвергаются всё большему контролю со стороны общества и индивида, а разные виды продуктов и напитков всё чаще «закрепляются» за определёнными социальными группами. У людей в связи с новыми общественными правилами приличий развиваются чувство деликатности и самоконтроля, сдержанность в потреблении блюд и напитков, алкоголь становится, скорее, привилегией мужчин и взрослых, а отдельные его виды — высших слоёв общества (дорогие вина, коньяк и т. д.) [Mennell 1985; 1987].

С одной стороны, алкоголь имеет интегративную функцию, которая проявляется в налаживании коммуникации между людьми, социальной сплочённости [Gariné 2001: 2; Dietler 2006: 235]. С другой стороны, алкоголь поддерживает границы идентичности людей, воспроизводит их, является возможностью для проявления социальной напряженности, «включения» и «исключения» индивида из социального взаимодействия [Douglas 1987: 8; Demossier 2005: 133; Dietler 2006: 235]. При этом для разных социальных групп (выделенных по признаку пола, возраста, профессии, национальности, дохода и др.) такую роль могут играть разные спиртные напитки [Dietler 2006: 235].

Алкогольные напитки часто являются важным маркером национальной идентичности. Нередко такая взаимосвязь мифологизируется, как это произошло с водкой для русских. Ирландцы чаще всего пьют пиво, текила характерна для мексиканцев, а виски прежде всего для шотландцев [Macdonald 1994]. Вино традиционно выступает напитком французов [Demossier 2005], а его потребление может быть шкалой, по которой оценивают их работоспособность, умение себя контролировать и выстраивать общение с людьми [Thurnell-Read 2015]. Вино для французов выступает «тотемным» напитком [Wocock 2008: 40] в той мере, в какой пиво в середине прошлого века воспринималось национальным напитком в Англии. В различных исследованиях того времени отождествляли потребление пива рабочим классом и повседневную жизнь англичан, однако на сегодняшний день наблюдается снижение роли пива как национального напитка, его замещают другие виды алкоголя [Thurnell-Read 2015].

Потребление алкоголя, особенно крепкого, во многих странах и культурах прочно связано с образом сильного мужчины. Более того, в некоторых ситуациях мужчину могут оценивать на соответствие при-

нятым в обществе стандартам именно по практикам потребления алкоголя. Д. Марс описывает практики потребления алкоголя дальнотбойщиками в одном из портов Канады [Mars 1987: 91]: мужчин оценивают по их умению пить, вести себя в соответствии с общепринятыми правилами поведения после этого, а также по тому, сколько они тратят на выпивку. Если кандидат удовлетворяет всем условиям, то он может быть принят в группу «инсайдеров» при наличии вакантного места, что позволяет ему претендовать на более высокую заработную плату, привилегии относительно продвижения по карьерной лестнице, уважение со стороны коллег. Иначе он попадает в группу «аутсайдеров», которые отличаются более низким положением и вынуждены ждать, пока в доминирующей группе появится «вакансия» [Mars 1987].

Умение пить много и не пьянеть является лекалом, по которому оценивают, насколько человек себя ведёт «по-мужски» [Iwamoto et al. 2011]. Те молодые люди, которые имеют успех в алкогольных соревнованиях (на скорость, по количеству выпитого за раз и т. д.), оцениваются как мужественные, а не достигшие заданного уровня могут быть исключены из общения [Lemle, Mishkind 1989; Iwamoto et al. 2011]. В этом случае потребление алкоголя связано с выходом за общепринятые рамки поведения, однако это позволено только мужчинам, так как означает проявление маскулинности [Østergaard 2007: 145].

Практики потребления алкоголя помогают воспроизводить и феминность, так как определённые спиртные напитки связывают, скорее, с женским поведением (например, различные коктейли, шампанское, вино). Потребление алкоголя женщинами может представлять собой и протест против общепринятых норм в обществе [Social and Cultural Aspects... 1998], оно даёт возможность отойти от типичного женского образа, от повседневных обязанностей [Hunt, Antin 2019: 3]. Однако способы проявления гендерной идентичности меняются со временем [Mullen et al. 2007]. Более того, исследователи отмечают «сближение» моделей потребления алкоголя среди мужчин и женщин, это означает, что мужчины начинают пить меньше, а женщины, наоборот, больше [Hunt, Antin 2019: 1].

Алкоголь используется молодёжью, чтобы заявить о своей зрелости, как ритуал перехода из одной возрастной группы в другую [Bakken, Sandøy, Sandberg 2017: 18]. Для более взрослых людей, наоборот, подражание молодёжной модели (например, пить много, сочетать разные крепкие напитки) является возможностью вернуться к своей молодости и взять «тайм-аут» в повседневной рутине и исполняемых человеком ролях [Hunt, Antin 2019: 3]. Так, для матерей маленьких детей потребление алкоголя — это способ вернуться к «беззаботным временам» молодости [Emslie, Hunt, Lyons 2015: 443]. Однако возможны и проявления других видов идентичности. Рекламные ролики, например, демонстрируют потребление алкоголя как символ успеха; в литературе алкоголь, наоборот, является «метафорой личной неудачи»; спиртное выступает и как помощник в рефлексии о жизни. Таким образом, те символы и смыслы, которые вкладываются в потребление алкоголя сегодня, тесно связаны с историей общества и социальных групп [Hailwood, Toner 2015: 7].

Модели потребления алкоголя и эффект коллективности

Практически все исследователи отмечают, что выпивка в большинстве культур представляет собой коллективное явление, «компания подталкивает к выпивке, вовлекает новых потребителей» [Немцов 2008: 29]. Хорошо известны эффекты влияния родителей на потребление алкоголя подростками [Yu 2003], инициация потребления в молодёжных компаниях [McVicar, Polanski 2013; Ding 2014], совместное потребление на работе или в сообществах, клубах [Heath 1999], в семье [Edenberg, Foroud 2006; Рощина 2012]. Однако речь может идти не только о групповой выпивке, но и об особенностях потребления определённой социальной группы, в том числе поколения.

Близость потребительских привычек людей одного и того же возраста может объясняться общим периодом социализации. С этой идеей связаны исследования в русле модели «возраст — период — когорта» (*age — period — cohort*, APC), ставящей целью выделить эффекты каждого из этих компонентов на особенности потребления алкоголя. Значимое влияние когорты было обнаружено для США, Швеции, Германии, Австралии, России и других стран [Kerr et al. 2009; Pabst et al. 2010; Kraus et al. 2015; Livingston et al. 2016; Radaev, Roshchina, Salnikova 2020].

Ещё одна идея может быть названа теорией социального взаимодействия или коллективности (*collectivity*). Согласно ей паттерны алкогольного поведения формируются на основе диффузии опыта, а изменение потребления возникает под мультипликативным воздействием факторов социума на индивида [Немцов 2008: 166]. Эту концепцию предложил О. Ског [Skog 1985] отчасти в противовес теории одномерного распределения С. Ледерманна [Ledermann 1956], которая постулировала, что характеристики распределения потребления алкоголя в обществе описываются логнормальным распределением, а по среднему уровню можно предсказать долю злоупотребляющих им людей [Bruun 1975]. Но исследования показали, что обычно в таком распределении есть два пика: один — для социальных (умеренных) потребителей, второй — для зависимых потребителей. К тому же теория Ледерманна исходит из гомогенности потребителей, тогда как в обществе есть много разных социальных групп [Single, Leino 1998].

Как правило, для тестирования гипотезы коллективности используются данные об изменении потребления различных децильных групп: различия в темпах изменений были найдены для разных стран [Norström, Svensson 2014; Rossow, Mäkelä, Kerr 2014; Gomes de Matos et al. 2015]. Обычно наиболее сильно пьющая группа (95%-ная дециль) может существенно отличаться от других, например, снижать или повышать объём потребления в большей или меньшей степени, чем остальные. В том случае, если все группы изменяют потребление в одном направлении, но в разной степени, можно говорить о мягкой коллективности [Oldham et al. 2020].

Изменение моделей потребления алкоголя в современной России

Если говорить об истории алкоголя в России, то лучшими обобщающими работами следует признать исследования В. Дмитриева начала XX века [Дмитриев 2001]² и А. Немцова, включающее как советский, так и ранний постсоветский периоды [Немцов 2008]. Однако можем ли мы интерпретировать изменения в потреблении алкоголя в России в новейшее время, опираясь на рассмотренные выше теории? Иными словами, может ли сделанный нами обзор иметь прикладное значение?

В СССР в 1960–1980 гг. сложилась советская модель потребления алкоголя [Радаев, Котельникова 2016], которая характеризовалась конкуренцией между потреблением водки и самогона, невысоким спросом на зарубежное вино и ещё более низким — на пиво (как правило, плохого качества). Эта модель полностью соответствовала описанному выше северному типу. Первым шоком для этой модели была антиалкогольная кампания 1985–1987 гг., когда следствием жёсткого контроля за производством и продажей алкоголя стали как снижение общего объёма потребления, так и рост доли нелегального алкоголя [Ващук, Крушанова 2014]. Вторым шоком стали экономические и политические реформы начала 1990-х гг., которые запустили процесс разрушения северного типа потребления из-за либерализации цен, притока на рынок дешёвого алкоголя, агрессивной рекламы пива и др.

С 1994 г. до начала 2000-х гг. спад спроса на водку компенсировался ростом потребления самогона и пива, а женщины стали реже пить вино и шампанское. При этом более 70% потребляемого алкоголя приходилось на высшую квантильную группу, а бедные пили меньше и чаще предпочитали самогон

² Репринт издания 1911 г.

[Тапилина 2006; Рощина 2012], что подтверждает упомянутую в обзоре структурную теорию. В то же время было обнаружено, что в неумеренном потреблении алкоголя в 1990-е значительную роль играли профессиональные группы, а не классы, что может быть связано с кризисом идентичности и сломом социальной структуры [Тапилина 2006: 93].

С начала 2000-х до 2010 г. — это время перехода от северной к центральноевропейской модели потребления алкоголя на фоне экономического роста, когда после запрета рекламы водки и притока иностранных инвестиций в российские заводы пива его потребление конкурировало с водкой [Рощина 2012; Радаев, Котельникова 2016]. Меняются не только структура и объём потребляемых напитков россиянами, но и отношение к нему; спиртное становится повседневностью и видом досуга [Позднякова 2011], а между социальными стратами и типом алкогольного потребления существует значимая связь [Рощина, Мартыненко 2014].

К 2010 г. в России сложилась центральноевропейская модель, отличительными чертами которой является конкуренция выбора между водкой и пивом с низким спросом на самогон и вино [Радаев, Котельникова 2016], а также с сохранением взаимосвязи типа потребления с социальной структурой [Котельникова 2015]. Однако начиная с этого времени наблюдается постоянное снижение душевого потребления чистого спирта, прежде всего среди молодёжи, что в значительной степени объясняется эффектом когорты [Radaev, Roshchina 2019; Radaev, Roshchina, Salnikova 2020]. Вероятно, это связано с изменением роли алкоголя в обществе: он перестаёт служить маркером социальной, гендерной и возрастной идентичности. На это же указывает наличие эклектичного типа потребления, который может быть охарактеризован как постмодернистский и не связан с социальным классом [Рощина, Мартыненко 2014].

Были обнаружены различия между поколениями в качественном аспекте. В 1994–2017 гг. разные когорты россиян (при контроле возраста и периода) были склонны к разным типам напитков (водка, вино, пиво, самогон) [Radaev, Roshchina 2019]. Похожий вывод был сделан и в исследовании Е. Яковлева: мужчины, выросшие в СССР, в течение своей жизни предпочитали водку, а те, кто вырос в постсоветский период, — пиво [Yakovlev 2012]. Это можно объяснить тем, что в период взросления молодые люди инкорпорируют наиболее распространённые паттерны, а в Советском Союзе самым популярным напитком была водка, тогда как в 1990-е это место было занято пивом [Yakovlev 2012]. На российских данных за последние 15 лет также было обнаружено, что тенденции к снижению объёма выпитого наблюдаются и среди умеренных, и среди активных потребителей, хотя сильно пьющие снижают его в меньшей степени. Это поддерживает гипотезу мягкой коллективности для России, а не гипотезу поляризации [Radaev, Roshchina 2021].

Как показывают полевые исследования российских и зарубежных учёных, в России алкоголь имеет одно из ключевых значений в культуре [Tutorsky 2016: 8]. Было обнаружено, что потребление алкоголя россиянами наделено множеством символов, при его помощи люди выражают своё уважение, воспроизводят религиозные ритуалы, свою идентичность [Leete, Ventsel 2016: 3]. В России распитие спиртных напитков используется для демонстрации маскулинности, это само собой разумеющаяся практика «нормальных людей», мужчин [Mikeshin 2016: 21].

Как и в других странах, в России потребление спиртных напитков является частью культуры и традиций, наполнено смыслами и ритуалами. Вместе с изменениями социальной структуры и ценностей, под влиянием рекламы и антиалкогольной политики, с приходом новых поколений могут разрушаться казавшиеся вечными стереотипы: водка как главный национальный напиток; пьянство как типичный досуг; бутылка как способ общения и универсальная взятка. Эти и другие изменения требуют объяснения с точки зрения не только влияния экономических и регулятивных стимулов, но и понимания социальных механизмов формирования моделей потребления алкоголя.

Заключение

В данной статье мы продолжили систематизацию исследований потребления алкоголя, дополняя уже существующую публикацию, в которой рассматривались факторы спроса на алкоголь и табак [Рощина, Богданов 2018], сфокусировавшись на особенностях различных паттернов, или моделей, прежде всего в качественном аспекте. Нашей целью была систематизация публикаций, их классификация в зависимости от выбранных авторами подходов и концепций. Однако нередко одно и то же исследование сочетает в себе несколько подходов, поэтому основанием для классификации мы выбрали ведущую идею рассматриваемого источника — либо критерий выделения паттерна потребления, либо взаимосвязь паттернов с особенностями общества или социальной группы, либо их эффект на динамику спроса на алкоголь или др.

Прежде всего, нам удалось выделить два важнейших подхода к выделению паттернов потребления алкоголя — количественный (основанный на различиях в объёме и частоте) и качественный (принимающий во внимание различия в напитках, обстоятельствах, мотивах и проч.). В рамках второго подхода наиболее часто используемыми можно назвать северную, южную и центральноевропейскую модели, основанные на предпочитаемом напитке и частоте его использования. Различия в причинах потребления позволяют выделить четыре паттерна: усиление, совладание, конформизм и общность.

Во второй части обзора мы попытались рассмотреть различия в выборе модели потребления в зависимости от типа культуры и исторической эпохи. Социокультурный подход означает, что недостаточно выделения только северной и южной моделей, а в зависимости от сочетания параметров регулярности и распространённости практик можно обнаружить следующие «идеальные типы»: общество абстиненции; ограниченное ритуальное потребление; повседневное распитие алкоголя; праздничное потребление. Нужно также принимать во внимание смыслы, приписываемые в разных обществах потреблению алкоголя. Исторический подход позволяет соотнести различные паттерны потребления алкоголя, в том числе разные спиртные напитки, с определёнными историческими эпохами развития общества и показывает, какие факторы влияли на распространение напитков и их изменение, а также доказывает, что для одних и тех же стран в разные периоды были характерны разные модели.

Затем мы показали, что различные модели потребления в одной и той же стране и в одно и то же время бывают характерны для различных социальных групп, являясь и инструментом сплочённости, и границей идентичности, выступая как их маркер. Исследования показывают, что разные социальные классы обычно выбирают разные напитки, хотя с появлением общества постмодерна эта закономерность стирается. Однако разные паттерны потребления алкоголя могут разграничивать и другие социальные группы, выделенные по критериям пола, возраста, национальности, года рождения и т. д.

Наконец, в заключительной части мы показали, что исследования моделей потребления алкоголя и их изменения в современной России лежат в русле рассмотренных концепций и позволяют объяснить такие феномены, как снижение потребления водки и рост потребления пива в 1990-х гг., уменьшение спроса на алкоголь в 2010-х гг.

Мы полагаем, что для будущих исследований потребления алкоголя наиболее плодотворным может быть комплексное применение рассмотренных нами подходов, то есть выделение паттернов на основе разнообразных критериев, объяснение их выбора как культурно-историческими факторами, так и с точки зрения различий между социальными группами, смыслами и мотивами потребления. Сделанный обзор, мы надеемся, будет полезен для этого.

Литература

- Бродель Ф. 2006. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. *Том 1: Структуры повседневности*. М.: Весь мир.
- Бурдьё П. 2005. Различение: социальная критика суждения. *Экономическая социология*. 6 (3): 25–48. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2005-6-3/26594088.html>
- Ващук А. С., Крушанова Л. А. 2014. Антиалкогольная политика в СССР в годы перестройки и её последствия в Дальневосточном регионе. *Россия и АТР*. 4 (86): 94–108.
- Вебер М. 1994. Основные понятия стратификации. *Социологические исследования*. 5: 147–156.
- Горячева Н. В. 2003. Модель потребления алкоголя в России. *Социологический журнал*. 4: 101–107.
- Дмитриев В. К. 2001. *Критические исследования о потреблении алкоголя в России*. М.: Русская панорама.
- Котельникова З. В. 2015. Взаимосвязь практик потребления алкоголя с социальной структурой современной России. *Социологические исследования*. 4: 105–112.
- Немцов А. В. 2008. *Алкогольная история России. Новейший период*. М.: URSS.
- Позднякова М. Е. 2011. Алкогольные традиции в современной России. *Россия реформирующаяся*. 10: 350–372.
- Радаев В. В., Котельникова З. В. 2016. Изменение структуры потребления алкоголя в контексте государственной алкогольной политики в России. *Экономическая политика*. 11 (5): 92–117.
- Радаев В. В., Рощина Я. М. 2019. Измерение потребления алкоголя как методологическая проблема. *Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология:4М)*. 48: 7–57.
- Рощина Я. М., Богданов М. Б. 2018. Что влияет на потребление алкоголя и табака: обзор экономических, социологических концепций и эмпирических результатов. *Экономическая социология*. 19 (4): 134–171. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2018-19-4/224872166.html>
- Рощина Я. М., Мартыненко П. А. 2014. Структура потребления алкоголя как индикатор социальной группы в современных российских городах. *Экономическая социология*. 15 (1): 20–42. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2014-15-1/111329690.html>
- Рощина Я. М. 2012. Динамика и структура потребления алкоголя в современной России. *Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)*. 2: 238–257.
- Тапилина В. С. 2006. Сколько пьёт Россия? Объем, динамика и дифференциация потребления алкоголя. *Социологические исследования*. 2: 5–94.
- Albert J. P. 1991. Le vin sans l'ivresse. In: Fournier D., D'Onofrio S. (eds) *Le Ferment divin*. Paris, MSH; 77–91

- Anderson K. R. et al. 2020. Drinking Motives Mediate the Associations between Urgency and Hazardous/Harmful Alcohol Use among Moderate-to-Heavy Drinking Men Who Have Sex with Men (MSM). *Addictive Behaviors*. 110 (November): 106520.
- Bakken S. A., Sandøy T. A., Sandberg S. 2017. Social Identity and Alcohol in Young Adolescence: The Perceived Difference between Youthful and Adult Drinking. *Journal of Youth Studies*. 20 (10): 1380–1395.
- Bales R. F. 1946. Cultural Differences in Rates of Alcoholism. *Quarterly Journal of Studies on Alcohol*. 6 (4): 480–499.
- Beard E. et al. 2019. Associations between Socio-Economic Factors and Alcohol Consumption: A Population Survey of Adults in England. *PLoS ONE*. 14 (2): e0209442. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0209442>
- Bentzen J., Smith V. 2009. *Wine Production in Denmark Do the Characteristics of the Vineyards Affect the Chances for Awards?* Working Paper. Aarhus: University of Aarhus; Aarhus School of Business; Department of Economics.
- Bocock R. 2008. *Consumption*. Abingdon, UK; New York: Routledge.
- Bourdieu P. 1984. *Distinction. A Social Critique of the Judgment of Taste*. Transl. by Richard Nice. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Brennan A. et al. 2009. *Modelling to Assess the Effectiveness and Cost-Effectiveness of Public Health Related Strategies and Interventions to Reduce Alcohol Attributable Harm in England Using the Sheffield Alcohol Policy Model version 2.0*. The National Institute for Health and Care Excellence, Report to the NICE Public Health Programme Development Group. Sheffield, UK: The University of Sheffield.
- Bruun K. 1975. *Alcohol Control Policies in Public Health Perspective*. Helsinki: Finnish Foundation for Alcohol Studies; 25.
- Camargo C. A. 1999. Gender Differences in the Health Effects of Moderate Alcohol Consumption. In: Peele S., Grant M. (eds) *Alcohol and Pleasure: A Health Perspective*. Ann Arbor: Taylor & Francis; 157–170.
- Charters S. 2003. Wine in the Modern World. In: Katz S., Weaver W. W. (eds) *Encyclopedia of Food and Culture*. New York: Charles Scribner's Sons. 3; 557–561.
- Charters J. 2006. *Wine and Society: The Social and Cultural Context of a Drink*. Oxford, UK: Elsevier Ltd.
- Cox W. M., Klinger E. 1988. A Motivational Model of Alcohol Use. *Journal of Abnormal Psychology*. 97 (2): 168–180.
- Demossier M. 2005. Consuming Wine in France. The 'Wandering' Drinker and Vin-Anomie. In: Wilson Y. M. (ed.) *Drinking Cultures: Alcohol and Identity*. Oxford: Berg; 129–154.
- Dietler M. 2001. Theorizing the Feast: Rituals of Consumption, Commensal Politics and Power in African Contexts. In: Dietler M., Hayden B. (eds) *Feasts: Archaeological and Ethnographic Perspectives on Food, Politics, and Power*. Washington, DC: Smithsonian Institution Press; 65–114.

- Dietler M. 2006. Alcohol: Anthropological/Archaeological Perspectives. *Annual Review of Anthropology*. 35: 229–249.
- Ding L. 2014. *Drinking in Context: The Influence of Peer Pressure on Drinking Among Chinese College Students*. Lincoln, NE: University of Nebraska-Lincoln.
- Douglas M. 1987. A Distinctive Anthropological Perspective. In: Douglas M. (ed.) *Constructive Drinking: Perspectives on Drink from Anthropology*. Cambridge: Cambridge University Press; 3–15.
- Douglas M., Isherwood B. 1979. *The World of Goods: Towards an Anthropology of Consumption*. New York: Basic Books.
- Dupuy B. 1986. *L'eucharistie et le Seder pascal juif. Rencontres de l'Ecole du Louvre. La table et le partage*. Paris: La Documentation Française.
- Edenberg H. J., Foroud T. 2006. The Genetics of Alcoholism: Identifying Specific Genes Through Family Studies. *Addiction Biology*. 11 (3–4): 386–396.
- Emslie C., Hunt K., Lyons A. 2015. Transformation and Time-Out: The Role of Alcohol in Identity Construction Among Scottish Women in Early Midlife. *International Journal of Drug Policy*. 26 (5): 437–445.
- Engs R. C., Slawinska J. B., Hanson D. J. 1991. The Drinking Patterns of American and Polish University Students: A Cross-National Study. *Drug and Alcohol Dependence*. 27 (2): 167–175.
- Epstein E. E. et al. 2004. Development and Validity of Drinking Pattern Classification: Binge, Episodic, Sporadic, and Steady Drinkers in Treatment for Alcohol Problems. *Addictive Behaviors*. 29 (9): 1745–1761.
- Flemmen M., Hjellbrekke J., Jarness V. 2018. Class, Culture and Culinary Tastes: Cultural Distinctions and Social Class Divisions in Contemporary Norway. *Sociology*. 52 (1): 128–149.
- Gamella J. F. 1995. Spain. In: Heath D. B. (ed.) *International Handbook on Alcohol and Culture* Westport, CT: Greenwood Publishing Group; 254–268.
- Garine I. de. 2001. For a Pluridisciplinary Approach to Drinking. In: Garine I. de, Garine V. de (eds). *Drinking: Anthropological Approaches*. New York: Berghahn Books; 1–11.
- Garine I. de, Garine V. de (eds.) 2001. *Drinking: Anthropological Approaches*. New York: Berghahn Books.
- Giddens A. 1991. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Gomes de Matos E. et al. 2015. Does a Change Over All Equal a Change in All? Testing for Polarized Alcohol Use Within and Across Socio-Economic Groups in Germany. *Alcohol and Alcoholism*. 50 (6): 700–707.
- Guille-Escuret G. 1987. *Le décalage humain : Le fait social dans l'évolution*. 1er édition. Paris: Kimé.
- Gusfield J. R. 1986. *Symbolic Crusade: Status Politics and the American Temperance Movement*. Urbana; Chicago: University of Illinois Press.

- Hailwood M., Toner D. (eds) 2015. *Biographies of Drink: A Case Study Approach to Our Historical Relationship with Alcohol*. Newcastle upon Tyne, UK: Cambridge Scholars Publishing.
- Harvey D. 1989. *The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change*. Oxford, UK; Cambridge, MA: Basil Blackwell.
- Health D. 1987. A Decade of Development in the Anthropological Study of Alcohol Use, 1970–1980. In: Douglas M. (ed.) *Constructive Drinking: Perspectives on Drink from Anthropology*. Cambridge, MA: Cambridge University Press; 73–90.
- Heath D. B. 1999. Drinking and Pleasure across Cultures. In: Peele S., Grant M. (eds) *Alcohol and Pleasure: A Health Perspective*. Ann Arbor: Taylor & Francis; 61–72.
- Herpin N., Verger D. 2008. *Consommation et modes de vie en France*. Paris: La Découverte, coll. «Grands Repères».
- Hunt G., Antin T. 2019. Gender and Intoxication: From Masculinity to Intersectionality. *Drugs: Education, Prevention and Policy*. 26 (1): 70–78.
- Iwamoto D. K. et al. 2011. «Maning» Up and Getting Drunk: The Role of Masculine Norms, Alcohol Intoxication and Alcohol-Related Problems Among College Men. *Addictive Behaviors*. 36 (9): 906–911.
- Kerr W. C. et al. 2009. Age–Period–Cohort Modelling of Alcohol Volume and Heavy Drinking Days in the US National Alcohol Surveys: Divergence in Younger and Older Adult Trends. *Addiction*. 104 (1): 27–37.
- Kraus L. et al. 2015. Age, Period and Cohort Effects on Time Trends in Alcohol Consumption in the Swedish Adult Population 1979–2011. *Alcohol and Alcoholism*. 50 (3): 319–327.
- Ledermann S. 1956. *Alcool, Alcoolisme, Alcoolisation*. 1. Paris: Presses Universitaires de France.
- Leete A., Ventsel A. 2016. Preface to the Special Issue: Drinking Is Not Just Fun. *Journal of Ethnology and Folkloristics*. 10 (2): 3–6.
- Lemle R., Mishkind M. E. 1989. Alcohol and Masculinity. *Journal of Substance Abuse Treatment*. 6 (4): 213–222.
- Levi-Strauss C. 1981 (1947). *Les structures élémentaires de la parenté*. Paris: Mouton.
- Livingston M. et al. 2016. Understanding Trends in Australian Alcohol Consumption — An Age-Period-Cohort Model: Trends in Australian Alcohol Consumption. *Addiction*. 111 (9): 1590–1598.
- Loose T., Acier D., El-Baalbaki G. 2018. Drinking Motives as Mediators between Personality Traits and Alcohol Use among Young French People. *Personality and Individual Differences*. 134: 268–274.
- Macdonald S. 1994. Whisky, Women and the Scottish Drinking Problem. A View from the Highlands. In: McDonald M. (ed.) *Gender, Drink and Drugs*. Oxford: Berg; 125–143.
- Mäkelä K. 1983. The Uses of Alcohol and Their Cultural Regulation. *Acta Sociologica*. 26 (1): 21–31.

- Marino C. et al. 2018. Parents' Drinking Motives and Problem Drinking Predict Their Children's Drinking Motives, Alcohol Use and Substance Misuse. *Addictive Behaviors*. 84: 40–44.
- Marlatt G. A. 1999. Alcohol, the Magic Elixir? In: Peele S., Grant M. (eds) *Alcohol and Pleasure: A Health Perspective*. Ann Arbor: Taylor & Francis; 233–248.
- Mars G. 1987. Longshore Drinking, Economic Security and Union Politics in Newfoundland. In: Douglas M. (ed.) *Constructive Drinking: Perspectives on Drink from Anthropology*. Cambridge, MA: Cambridge University Press; 91–101.
- McVicar D., Polanski A. 2013. Peer Effects in UK Adolescent Substance Use: Never Mind the Classmates? *Oxford Bulletin of Economics and Statistics*. 76 (4): 589–604.
- Mennell S. 1985. *All Manners of Food. Eating and Taste in England and France from the Middle Ages to the Present*. Oxford: Basil Blackwell.
- Mennell S. 1987. On the Civilizing of Appetite. *Theory, Culture & Society*. 4 (2–3): 373–403.
- Mikeshin I. 2016. «I'm Not Like Most of You Here, I'm Just an Alcoholic»: A Russian Baptist Theory of Addiction. *Journal of Ethnology and Folkloristics*. 10 (2): 19–32.
- Mizruchi E. H., Perrucci R. 1970. Prescription, Proscription and Permissiveness: Aspects of Norms and Deviant Drinking Behavior. In: Maddox G. L. (ed.) *The Domesticated Drug: Drinking Among Collegians*. New Haven, CT: College and University Press: 234–253.
- Mullen K. et al. 2007. Young Men, Masculinity and Alcohol. *Drugs: Education, Prevention and Policy*. 14 (2): 151–165.
- Nadeau L. 1999. Gender and Alcohol: The Separate Realities of Women's and Men's Drinking. In: Peele S., Grant M. (eds). *Alcohol and Pleasure: A Health Perspective*. Ann Arbor: Taylor & Francis; 305–321.
- Nelson M. 2008. *The Barbarian's Beverage: A History of Beer in Ancient Europe*. Abingdon, UK; New York: Routledge.
- Norström T., Svensson J. 2014. The Declining Trend in Swedish Youth Drinking: Collectivity or Polarization? *Addiction*. 109 (9): 1437–1446.
- Oldham M. et al. 2020. The Decline in Youth Drinking in England — Is Everyone Drinking Less? A quantile Regression Analysis. *Addiction*. 115 (2): 230–238.
- Østergaard J. 2007. Mind the Gender Gap! *Nordic Studies on Alcohol and Drugs*. 24 (2): 127–148.
- Pabst A. et al. 2010. Age, Period, and Cohort Effects on Time Trends in Alcohol Consumption in the German Adult Population. *SUCHT*. 56 (5): 349–359.
- Peele S., Grant M. (eds) 1999. *Alcohol and Pleasure: A Health Perspective*. Ann Arbor: Taylor & Francis
- Pittman D. J. 1967. International Overview: Social and Cultural Factors in Drinking Patterns, Pathological and Nonpathological. In: Pittman D. J. (ed.) *Alcoholism*. New York: Harper Collins; 3–20.

- Popova S. et al. 2007. Comparing Alcohol Consumption in Central and Eastern Europe to Other European Countries. *Alcohol and Alcoholism*. 42 (5): 465–473.
- Poulain J. P., Rouyer J. L. 1987. *Histoire et recettes de la Provence et du Comte de Nice*. Toulouse: Privat.
- Radaev V., Roshchina Y. 2019. Young Cohorts of Russians Drink Less: Age-Period-Cohort Modelling of Alcohol Use Prevalence 1994–2016. *Addiction*. 114 (5): 823–835.
- Radaev V., Roshchina Y. 2021. Decline in Alcohol Consumption in Russia: Collectivity or Polarization? *Drug And Alcohol Review*. 40 (3): 481–488.
- Radaev V., Roshchina Y., Salnikova D. 2020. The Decline in Alcohol Consumption in Russia from 2006 to 2017: Do Birth Cohorts Matter? *Alcohol and Alcoholism*. 55 (3): 323–335.
- Room R. 2001. Intoxication and Bad Behaviour: Understanding Cultural Differences in the Link. *Social Science & Medicine*. 53 (2): 189–198.
- Room R. 2013. Spirituality, Intoxication and Addiction: Six Forms of Relationship. *Substance Use & Misuse*. 48 (12): 1109–1113.
- Room R., Mäkelä K. 2000. Typologies of the Cultural Position of Drinking. *Journal of Studies on Alcohol*. 61 (3): 475–483.
- Room R., Mitchell A. 1972. Notes on Cross-National and Cross-Cultural Studies. *Drinking and Drug Practices Surveyor*. 5 (14): 16–20.
- Rossow I., Mäkelä P., Kerr W. 2014. The Collectivity of Changes in Alcohol Consumption Revisited. *Addiction*. 109 (9): 1447–1455.
- Single E., Leino V. E. 1998. The Level, Patterns and Consequences of Drinking. In: Grant M., Litvak J. (eds) *Drinking Patterns and Their Consequences*. Washington, DC: Taylor & Francis; 7–24.
- Single E., Pomeroy H. 1999. Drinking and Setting: A Season for All Things. In: Peele S., Grant M. (eds) *Alcohol and Pleasure: A Health Perspective*. Ann Arbor: Taylor & Francis; 265–276.
- Skog O. J. 1985. The Collectivity of Drinking Cultures: A Theory of the Distribution of Alcohol Consumption. *British Journal of Addiction*. 80 (1): 83–99.
- Smart J. 2005. Cognac, Beer, Red Wine or Soft Drinks? Hong Kong Identity and Wedding Banquets. Drinking Cultures. In: Wilson Y. M. (ed.) *Alcohol and Identity*. Oxford: Berg; 107–128.
- Smith A., Kendrick A., Maben A. 1992. Use and Effects of Food and Drinks in Relation To Daily Rhythms of Mood and Cognitive Performance. Effects of Caffeine, Lunch and Alcohol on Human Performance, Mood and Cardiovascular Function. *Proceedings of the Nutrition Society*. 51 (3): 322–333.
- Social and Cultural Aspects of Drinking. 1998. *A Report to the European Commission*. Oxford: The Social Issues Research Centre.
- Thornton M. A. 1987. Sekt Versus Schnaps in Austrian Village. In: Douglas M. (ed.) *Constructive Drinking. Perspectives on Drink from Anthropology*. Cambridge, MA: Cambridge University Press; 102–112.

- Thurnell-Read T. (ed.) 2015. *Drinking Dilemmas: Space, Culture and Identity*. Abingdon, UK; New York: Routledge.
- Tutorsky A. V. 2016. Drinking in the North of European Russia: From Traditional to Totalising Liminality. *Journal of Ethnology and Folkloristics*. 10 (2): 7–18.
- Yakovlev E. 2012. *USSR Babies: Who Drinks Vodka in Russia?* CEFIR/NES Working Paper. 183. Moscow: Center for Economic and Financial Research (CEFIR).
- Yang M. J., Borges A., Leyro T. M. 2019. The Sequential Indirect Effect of Negative Urgency on Drinking Consequences Through Distress Intolerance and Drinking Motives: Initial Examination in College Students Reporting Past Month Alcohol Use. *International Journal of Mental Health and Addiction*. 17 (3): 479–492.
- Yu J. 2003. The Association Between Parental Alcohol-Related Behaviors and Children's Drinking. *Drug and Alcohol Dependence*. 69 (3): 253–262.

PROFESSIONAL REVIEWS

V. Kondratenko, Y. Roshchina

Can We Explain Differences in Patterns of Alcohol Consumption? Review of Theoretical Approaches

KONDRATENKO, Valeriia — MA

Student; Research assistant,
Laboratory for Studies in Economic
Sociology, HSE University. Address:
20 Myasnitskaya str., Moscow,
101000, Russian Federation.

Email: vkondratenko@hse.ru

ROSHCHINA, Yana — PhD in
Economics, Associate Professor,
Department of Economic Sociology;
Senior Researcher, Center of
Longitudinal Research; Senior
Research Fellow, Laboratory for
Studies in Economic Sociology,
HSE University. Address:
20 Myasnitskaya str., Moscow,
101000, Russian Federation.

Email: yroshchina@hse.ru

Abstract

Alcohol is an important part of the culture of many people, and the patterns of its consumption differ according to the types of drinks people drink, in what circumstances they drink, what kind of meaning drinking offers them, etc. In this article, we decided to classify publications on differences in drinking patterns based on a dominant idea. We highlight the criteria for identifying such patterns: quantitative (depending on the volume and frequency of consumption) and qualitative (depending on the chosen drinks, circumstances, and motives for use). The quantitative criteria make it possible to identify frequently used patterns, such as episodic alcohol consumption in large quantities, binge drinking, sporadic drinking, and light and heavy drinking. Within the framework of the qualitative criteria, Northern, Southern, and Central European types are often distinguished. The emphasis on consumption motives reveals four patterns: reinforcement, coping, conformity, and community. However, researchers tend to understand what explains the differences in consumption patterns. Therefore, in the second part of the article, we turn to the systematization of such explanations based on cultural-anthropological, historical, and structural approaches.

In the last part of our article, we show that the approaches we have identified allow us to explain the features of alcohol consumption patterns in Russia and their changes over the past several decades. It can be concluded that the most productive way of analyzing alcohol consumption is the complex application of the approaches we have considered—the identification of patterns based on various criteria and the explanation of their choice by different highlighted approaches.

Keywords: patterns of alcohol consumption; alcohol consumption motives; consumer culture; structural approach; cultural and anthropological approach; identity; collectivity effect.

Acknowledgements

This research paper uses the results of the project “The Ratio of Formal and Informal Sources of Economic Power in the Modern Russian Economy” carried out within the framework of the HSE Program of Fundamental Research in 2021.

References

Albert J. P. (1991) *Le vin sans l'ivresse. Le Ferment divin* (éditeurs D. Fournier, S. D'Onofrio), Paris, MSH, pp. 77–91.

- Anderson K. R., Palfai T. P., Maisto S. A., Simons J. S. (2020) Drinking Motives Mediate the Associations between Urgency and Hazardous/Harmful Alcohol Use among Moderate-to-Heavy Drinking Men Who Have Sex with Men (MSM). *Addictive Behaviors*, vol. 110, art. 106520.
- Bakken S. A., Sandøy T. A., Sandberg S. (2017) Social Identity and Alcohol in Young Adolescence: The Perceived Difference between Youthful and Adult Drinking. *Journal of Youth Studies*, vol. 20, no 10, pp. 1380–1395.
- Bales R. F. (1946) Cultural Differences in Rates of Alcoholism. *Quarterly Journal of Studies on Alcohol*, vol. 6, no 4, pp. 480–499.
- Beard E., Brown J., West R., Kaner E., Meier P., Michie S. (2019) Associations between Socio-Economic Factors and Alcohol Consumption: A Population Survey of Adults in England. *PLoS ONE*, vol. 14, no 2, e0209442. Available at: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0209442> (accessed 15 July 2020).
- Bentzen J., Smith V. (2009) *Wine Production in Denmark Do the Characteristics of the Vineyards Affect the Chances for Awards?* Working Paper, Aarhus: University of Aarhus; Aarhus School of Business; Department of Economics.
- Bocock R. (2008) *Consumption*, Abingdon, UK; New York: Routledge.
- Bourdieu P. (1984) *Distinction. A Social Critique of the Judgment of Taste* (transl. R. Nice), Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Bourdieu P. (2005) Razlicheniye: sotsial'naya kritika suzhdeniya [Distinction: The Social Critique of Judgment]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya Sotsiologiya*, vol. 6, no 3, pp. 25–48. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2005-6-3/26594088.html> (accessed 15 July 2020) (in Russian).
- Braudel F. (2006) *Materialnaya tsivilizatsia, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. Tom 1: struktury povsednevnosti* [Material Civilization, Economy and Capitalism, XV–XVIII. Vol. 1: Structures of Daily Occurrence], Moscow: Ves' Mir (in Russian).
- Brennan A., Purshouse R., Latimer N., Meng Y., Rafia R. (2009) *Modelling to Assess the Effectiveness and Cost-Effectiveness of Public Health Related Strategies and Interventions to Reduce Alcohol Attributable Harm in England Using the Sheffield Alcohol Policy Model version 2.0*. The National Institute for Health and Care Excellence, Report to the NICE Public Health Programme Development Group, Sheffield, UK: The University of Sheffield.
- Bruun K. (1975) *Alcohol Control Policies in Public Health Perspective*, Helsinki: Finnish Foundation for Alcohol Studies. 25.
- Camargo C. A. (1999) Gender Differences in the Health Effects of Moderate Alcohol Consumption. *Alcohol and Pleasure: A Health Perspective* (eds. S. Peele, M. Grant), Ann Arbor: Taylor & Francis, pp. 157–170.
- Charters S. (2003) Wine in the Modern World. *Encyclopedia of Food and Culture* (eds. S. Katz, W. W. Weaver), vol. 3, New York: Charles Scribner's Sons, pp. 557–561.
- Charters J. (2006) *Wine and Society. The Social and Cultural Context of a Drink*, Oxford, UK: Elsevier Ltd.

- Cox W. M., Klinger E. (1988) A motivational Model of Alcohol Use. *Journal of Abnormal Psychology*, vol. 97, no 2, pp. 168–180.
- Demossier M. (2005) Consuming Wine in France. The “Wandering»” Drinker and Vin-Anomie. *Drinking Cultures: Alcohol and Identity* (ed. Y. M. Wilson), Oxford: Berg, pp. 129–154.
- Dietler M. (2001) Theorizing the Feast: Rituals of Consumption, Commensal Politics, and Power in African Contexts. *Feasts: Archaeological and Ethnographic Perspectives on Food, Politics, and Power* (eds. M. Dietler, B. Hayden), Washington, DC: Smithsonian Institution Press, pp. 65–114.
- Dietler M. (2006) Alcohol: Anthropological/Archaeological Perspectives. *Annual Review of Anthropology*, vol. 35, pp. 229–249.
- Ding L. (2014) *Drinking in Context: The Influence of Peer Pressure on Drinking Among Chinese College Students*, Lincoln, NE: University of Nebraska-Lincoln.
- Dmitriev V. K. (2001) *Kriticheskiye issledovaniya o potreblenii alkogolya v Rossii* [Critical Research on Alcohol Consumption in Russia], Moscow: Russian panorama (in Russian).
- Douglas M. (1987) A Distinctive Anthropological Perspective. *Constructive Drinking: Perspectives on Drink from Anthropology* (ed. M. Douglas), Cambridge, MA: Cambridge University Press, pp. 3–15.
- Douglas M., Isherwood B. (1979) *The World of Goods: Towards an Anthropology of Consumption*, New York: Basic Books.
- Dupuy B. (1986) *L’eucharistie et le Seder pascal juif. Rencontres de l’Ecole du Louvre. La table et le partage*, Paris: La Documentation Francaise.
- Edenberg H. J., Foroud T. (2006) The Genetics of Alcoholism: Identifying Specific Genes Through Family Studies. *Addiction Biology*, vol. 11, no 3–4, pp. 386–396.
- Emslie C., Hunt K., Lyons A. (2015) Transformation and Time-Out: The Role of Alcohol in Identity Construction among Scottish Women in Early Midlife. *International Journal of Drug Policy*, vol. 26, no 5, pp. 437–445.
- Engs R. C., Slawinska J. B., Hanson D. J. (1991) The Drinking Patterns of American and Polish University Students: A Cross-National Study. *Drug and Alcohol Dependence*, vol. 27, no 2, pp. 167–175.
- Epstein E. E., Labouvie E., McCrady B. S., Swingle J., Wern J. (2004) Development and Validity of Drinking Pattern Classification: Binge, Episodic, Sporadic, and Steady Drinkers in Treatment for Alcohol Problems. *Addictive Behaviors*, vol. 29, no 9, pp. 1745–1761.
- Flemmen M., Hjellbrekke J., Jarness V. (2018) Class, Culture and Culinary Tastes: Cultural Distinctions and Social Class Divisions in Contemporary Norway. *Sociology*, vol. 52, pp. 128–149.
- Gamella J. F. (1995) Spain. *International Handbook on Alcohol and Culture* (ed. D. B. Heath), Westport, CT: Greenwood Publishing Group, pp. 254–268.
- Garine I. de (2001) For a Pluridisciplinary Approach to Drinking. *Drinking: Anthropological Approaches* (eds. I. de Garine, V. de Garine), New York: Berghahn Books, pp. 1–11.

- Garine I. de, Garine V. de (eds) (2001) *Drinking: Anthropological Approaches*, New York: Berghahn Books.
- Giddens A. (1991) *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*, Stanford, CA: Stanford University Press.
- Gomes de Matos E., Kraus L., Pabst A., Piontek D. (2015) Does a Change Over All Equal a Change in All? Testing for Polarized Alcohol Use Within and Across Socio-Economic Groups in Germany. *Alcohol and Alcoholism*, vol. 50, no 6, pp. 700–707.
- Goryacheva N. V. (2003) Model' potrebleniya alkogolya v Rossii [Model of Alcohol Consumption in Russia]. *Sociological Journal = Sotsiologicheskii Zhurnal*, no 4, pp. 101–107 (in Russian).
- Guille-Escuret G. (1987) *Le décalage humain: Le fait social dans l'évolution*. 1er edition, Paris: Kimé.
- Gusfield J. R. (1986) *Symbolic Crusade: Status Politics and the American Temperance Movement*, Urbana; Chicago: University of Illinois Press.
- Hailwood M., Toner D. (eds) (2015) *Biographies of Drink: A Case Study Approach to Our Historical Relationship with Alcohol*, Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing.
- Harvey D. (1989) *The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change*, Oxford, UK; Cambridge, MA: Basil Blackwell.
- Health D. (1987) A Decade of Development in the Anthropological Study of Alcohol Use, 1970–1980. *Constructive Drinking: Perspectives on Drink from Anthropology* (ed. M. Douglas), Cambridge, MA: Cambridge University Press, pp. 73–90.
- Heath D. B. (1999) Drinking and Pleasure across Cultures. *Alcohol and Pleasure: A Health Perspective* (eds. S. Peele, M. Grant), Ann Arbor: Taylor & Francis, pp. 61–72.
- Herpin N., Verger D. (2008) *Consommation et modes de vie en France*, Paris: La Découverte, coll. “Grands Repères”.
- Hunt G., Antin T. (2019) Gender and Intoxication: From Masculinity to Intersectionality. *Drugs: Education, Prevention and Policy*, vol. 26, no 1, pp. 70–78.
- Iwamoto D. K., Cheng A., Lee C. S., Takamatsu S., Gordon D. (2011) “Maning” Up and Getting Drunk: The Role of Masculine Norms, Alcohol Intoxication and Alcohol-Related Problems among College Men. *Addictive Behaviors*, vol. 36, no 9, pp. 906–911.
- Kerr W. C., Greenfield T. K., Bond J., Ye Y., Rehm J. (2009) Age–Period–Cohort Modelling of Alcohol Volume and Heavy Drinking Days in the US National Alcohol Surveys: Divergence in Younger and Older Adult Trends. *Addiction*, vol. 104, no 1, pp. 27–37.
- Kotelnikova Z. V. (2015) Vzaimosvyaz' praktik potrebleniya alkogolya s sotsial'noy strukturoy sovremennoy Rossii [The Relationship of Alcohol Consumption Practices with the Social Structure of Modern Russia]. *Sociological Studies = Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no 4, pp. 105–112 (in Russian).

- Kraus L., Tinghog M. E., Lindell A., Pabst A., Piontek D., Room R. (2015) Age, Period and Cohort Effects on Time Trends in Alcohol Consumption in the Swedish Adult Population 1979–2011. *Alcohol and Alcoholism*, vol. 50, no 3, pp. 319–327.
- Ledermann S. (1956) *Alcohol, Alcoolisme, Alcoalisation*, vol. 1, Paris: Presses Universitaires de France.
- Leete A., Ventsel A. (2016) Preface to the Special Issue: Drinking Is Not Just Fun. *Journal of Ethnology and Folkloristics*, vol. 10, no 2, pp. 3–6.
- Lemle R., Mishkind M. E. (1989) Alcohol and Masculinity. *Journal of Substance Abuse Treatment*, vol. 6, no 4, pp. 213–222.
- Levi-Strauss C. (1981) *Les structures élémentaires de la parenté*, Paris: Mouton.
- Livingston M., Raninen J., Slade T., Swift W., Lloyd B., Dietze P. (2016) Understanding Trends in Australian Alcohol Consumption — An Age-Period-Cohort Model: Trends in Australian Alcohol Consumption. *Addiction*, vol. 111, no 9, pp. 1590–1598.
- Loose T., Acier D., El-Baalbaki G. (2018) Drinking Motives as Mediators between Personality Traits and Alcohol Use among Young French People. *Personality and Individual Differences*, vol. 134, pp. 268–274.
- Macdonald S. (1994) Whisky, Women and the Scottish Drinking Problem. A View from the Highlands. *Gender, Drink and Drugs* (ed. M. McDonald), Oxford: Berg, pp. 125–143.
- Mäkelä K. (1983) The Uses of Alcohol and Their Cultural Regulation. *Acta Sociologica*, vol. 26, no 1, pp. 21–31.
- Marino C., Moss A. C., Vieno A., Albery I. P., Frings D., Spada M. M. (2018) Parents' Drinking Motives and Problem Drinking Predict Their Children's Drinking Motives, Alcohol Use and Substance Misuse. *Addictive Behaviors*, vol. 84, pp. 40–44.
- Marlatt G. A. (1999) Alcohol, the Magic Elixir? *Alcohol and Pleasure: A Health Perspective* (eds. S. Peele, M. Grant), Ann Arbor: Taylor & Francis, pp. 233–248.
- Mars G. (1987) Longshore Drinking, Economic Security and Union Politics in Newfoundland. *Constructive Drinking: Perspectives on Drink from Anthropology* (ed. M. Douglas), Cambridge, MA: Cambridge University Press, pp. 91–101.
- McVicar D., Polanski A. (2013) Peer Effects in UK Adolescent Substance Use: Never Mind the Classmates? *Oxford Bulletin of Economics and Statistics*, vol. 76, no 4, pp. 589–604.
- Mennell S. (1985) *All Manners of Food. Eating and Taste in England and France from the Middle Ages to the Present*, Oxford: Basil Blackwell.
- Mennell S. (1987) On the Civilizing of Appetite. *Theory, Culture & Society*, vol. 4, no 2–3, pp. 373–403.
- Mikeshin I. (2016) “I’m Not Like Most of You Here, I’m Just an Alcoholic”: A Russian Baptist Theory of Addiction. *Journal of Ethnology and Folkloristics*, vol. 10, no 2, pp. 19–32.

- Mizruchi E. H., Perrucci R. (1970) Prescription, Proscription and Permissiveness: Aspects of Norms and Deviant Drinking Behavior. *The Domesticated Drug: Drinking among Collegians* (ed. G. L. Maddox), New Haven, CT: College and University Press, pp. 234–253.
- Mullen K., Watson, J., Swift J., Black D. (2007) Young Men, Masculinity and Alcohol. *Drugs: Education, Prevention and Policy*, vol. 14, no 2, pp. 151–165.
- Nadeau L. (1999) Gender and Alcohol: The Separate Realities of Women's and Men's Drinking. *Alcohol and Pleasure: A Health Perspective* (eds. S. Peele, M. Grant), Ann Arbor: Taylor & Francis, pp. 305–321.
- Nelson M. (2008) *The Barbarian's Beverage: A History of Beer in Ancient Europe*, Abingdon, UK; New York: Routledge.
- Nemtsov A. V. (2008) *Alkogol'naya istoriya Rossii. Noveyshiyy period* [Alcoholic History of Russia. The Newest Period], Moscow: URSS (in Russian).
- Norström T., Svensson J. (2014) The Declining Trend in Swedish Youth Drinking: Collectivity or Polarization? *Addiction*, vol. 109, no 9, pp. 1437–1446.
- Oldham M., Callinan S., Whitaker V., Fairbrother H., Curtis P., Meier P., Livingston M., Holmes J. (2020) The Decline in Youth Drinking in England — Is Everyone Drinking Less? A quantile Regression Analysis. *Addiction*, vol. 115, no 2, pp. 230–238.
- Østergaard J. (2007) Mind the Gender Gap! *Nordic Studies on Alcohol and Drugs*, vol. 24, no 2, pp. 127–148.
- Pabst A., Kraus L., Piontek D., Mueller S. (2010) Age, Period, and Cohort Effects on Time Trends in Alcohol Consumption in the German Adult Population. *SUCHT*, vol. 56, no 5, pp. 349–359.
- Peele S., Grant M. (eds.) (1999) *Alcohol and Pleasure: A Health Perspective*, Ann Arbor: Taylor & Francis.
- Pittman D. J. (1967) International Overview: Social and Cultural Factors in Drinking Patterns, Pathological and Nonpathological. *Alcoholism* (ed. D. J. Pittman), New York: Harper Collins, pp. 3–20.
- Popova S., Rehm J., Patra J., Zatonski W. (2007) Comparing Alcohol Consumption in Central and Eastern Europe to Other European Countries. *Alcohol and Alcoholism*, vol 42, no 5, pp. 465–473.
- Poulain J. P., Rouyer J. L. (1987) *Histoire et recettes de la Provence et du Comte de Nice*, Toulouse: Privat.
- Pozdnyakova M. E. (2011) Alkogol'nyye traditsii v sovremennoy Rossii [Alcoholic traditions in modern Russia]. *Reforming Russia = Rossiya reformiruyushchayasya*, vol. 10, pp. 350–372 (in Russian).
- Radaev V. V., Kotelnikova Z. V. (2016) Izmeneniye struktury potrebleniya alkogolya v kontekste gosudarstvennoy alkogol'noy politiki v Rossii [Changes in the Structure of Alcohol Consumption in the Context of State Alcohol Policy in Russia]. *Economic Policy = Ekonomicheskaya Politika*, vol. 11, no 5, pp. 92–117 (in Russian).
- Radaev V. V., Roshchina Y. M. (2019a) Izmereniye potrebleniya alkogolya kak metodologicheskaya problema [Measurement of Alcohol Consumption as a Methodological Problem]. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling (Sociology: 4M)*, no 48, pp. 7–57 (in Russian).

- Radaev V., Roshchina Y. (2019b) Young Cohorts of Russians Drink Less: Age-Period-Cohort Modelling of Alcohol Use Prevalence 1994–2016. *Addiction*, vol. 114, no 5, pp. 823–835.
- Radaev V., Roshchina Y. (2021) Decline in Alcohol Consumption in Russia: Collectivity or Polarization? *Drug and Alcohol Review*, vol. 40, no 3, pp. 481–488.
- Radaev V., Roshchina Y., Salnikova D. (2020) The Decline in Alcohol Consumption in Russia from 2006 to 2017: Do Birth Cohorts Matter? *Alcohol and Alcoholism*, vol. 55, no 3, pp. 323–335.
- Room R. (2001) Intoxication and Bad Behaviour: Understanding Cultural Differences in the Link. *Social Science & Medicine*, vol. 53, no 2, pp. 189–198.
- Room R. (2013) Spirituality, Intoxication and Addiction: Six Forms of Relationship. *Substance Use & Misuse*, vol. 48, no 12, pp. 1109–1113.
- Room R., Mäkelä K. (2000) Typologies of the Cultural Position of Drinking. *Journal of Studies on Alcohol*, vol. 61, no 3, pp. 475–483.
- Room R., Mitchell A. (1972) Notes on Cross-National and Cross-Cultural Studies. *Drinking and Drug Practices Surveyor*, vol. 5, no 14, pp. 16–20.
- Roshchina Y. M. (2012) Dinamika i struktura potrebleniya alkogolya v sovremennoy Rossii [Dynamics and Structure of Alcohol Consumption in Modern Russia]. *Bulletin of the Russian Monitoring of the Economic Situation and Health of the Population of the Higher School of Economics*, no 2, pp. 238–257 (in Russian).
- Roshchina Y. M., Bogdanov M. B. (2018) Chto vliyaet na potreblenie alkogolya i tabaka: obzor ekonomicheskikh sotsiologicheskikh kontseptsiy i empiricheskikh rezultatov [What Influences Alcohol and Tobacco Consumption: Review of Economic and Sociological Concepts and Empirical Results]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya Sotsiologiya*, vol. 19, no 4, pp. 134–171. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2018-19-4/224872166.html> (accessed 15 July 2020) (in Russian).
- Roshchina Y. M., Martynenko P. A. (2014) Struktura potrebleniya alkogolya kak indikator sotsial'noy gruppy v sovremennykh gorodakh [The Structure of Alcohol Consumption as an Indicator of a Social Group in Modern Cities]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya Sotsiologiya*, vol. 15, no 1, pp. 20–42. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2014-15-1/111329690.html> (accessed 15 July 2020) (in Russian).
- Rossow I., Mäkelä P., Kerr W. (2014) The Collectivity of Changes in Alcohol Consumption Revisited. *Addiction*, vol. 109, no 9, pp. 1447–1455.
- Single E., Leino V. E. (1998) The Level, Patterns and Consequences of Drinking. *Drinking Patterns and Their Consequences* (eds. M. Grant, J. Litvak), Washington, DC: Taylor & Francis, pp. 7–24.
- Single E., Pomeroy H. (1999) Drinking and Setting: A Season for All Things. *Alcohol and Pleasure: A Health Perspective* (eds. S. Peele, M. Grant), Ann Arbor: Taylor & Francis, pp. 265–276.
- Skog O. J. (1985) The Collectivity of Drinking Cultures: A Theory of the Distribution of Alcohol Consumption. *British Journal of Addiction*, vol. 80, no 1, pp. 83–99.
- Smart J. (2005) Cognac, Beer, Red Wine or Soft Drinks? Hong Kong Identity and Wedding banquets. *Drinking Cultures: Alcohol and Identity* (ed. Y. M. Wilson), Oxford: Berg, pp. 107–128.

- Smith A., Kendrick A., Maben A. (1992) Use and Effects of Food and Drinks in Relation to Daily Rhythms of Mood and Cognitive Performance Effects of Caffeine, Lunch and Alcohol on Human Performance, Mood and Cardiovascular Function. *Proceedings of the Nutrition Society*, vol. 51, no 3, pp. 322–333.
- Social and Cultural Aspects of Drinking (1998) *A Report to the European Commission*, Oxford: The Social Issues Research Centre.
- Tapilina V. (2006) Skol'ko p'yet Rossiya? Ob'yem, dinamika i differentsiatsiya potrebleniya alkogolya [How Much Does Russia Drink? Volume, dynamics and differentiation of alcohol consumption]. *Sociological Studies = Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no 2, pp. 5–94 (in Russian).
- Thornton M. A. (1987) Sekt versus Schnaps un an Austrian Village. *Constructive drinking. Perspectives on Drink from Anthropology* (ed. M. Douglas), Cambridge, MA: Cambridge University Press, pp. 102–112.
- Thurnell-Read T. (2015) *Drinking Dilemmas: Space, Culture and Identity*, Abingdon, UK; New York: Routledge.
- Tutorsky A. V. (2016) Drinking in the North of European Russia: From Traditional to Totalising Liminality. *Journal of Ethnology and Folkloristics*, vol. 10, no 2, pp. 7–18.
- Vashchuk A. S., Krushanova L. A. (2014) Antialkogol'naya politika v SSSR v gody perestroyki i posledstviya v dal'nevostochnom regione [Anti-alcohol policy in the USSR during the years of perestroika and the consequences in the Far East region]. *Russia and the Pacific = Rossiya i ATR*, vol. 4, no 86, pp. 94–108 (in Russian).
- Weber M. (1994) Osnovnyye ponyatiya stratifikatsii [Basic Concepts of Stratification]. *Sociological Studies = Sotsiologicheskie Issledovaniia*, no 5, pp. 147–156 (in Russian).
- Yakovlev E. (2012) *USSR Babies: Who Drinks Vodka in Russia?* CEFIR/NES Working Paper, no 183, Moscow: Center for Economic and Financial Research (CEFIR).
- Yang M. J., Borges A., Leyro T. M. (2019) The Sequential Indirect Effect of Negative Urgency on Drinking Consequences Through Distress Intolerance and Drinking Motives: Initial Examination in College Students Reporting Past Month Alcohol Use. *International Journal of Mental Health and Addiction*, vol. 17, no 3, pp. 479–492.
- Yu J. (2003) The Association Between Parental Alcohol-Related Behaviors and Children's Drinking. *Drug and Alcohol Dependence*, vol. 69, no 3, pp. 253–262.

Received: 10 September 2020

Citation: Kondratenko V., Roshchina Y. (2021) Mozhem li my ob'yasnit' razlichiya v modelyakh potrebleniya alkogolya? Obzor teoreticheskikh podkhodov [Can We Explain Differences in Patterns of Alcohol Consumption? Review of Theoretical Approaches]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 22, no 3, pp. 129–157. doi: [10.17323/1726-3247-2021-3-129-157](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2021-3-129-157) (in Russian).

НОВЫЕ КНИГИ

Д. М. Асатурян

Конец бюрократии?

Новые организационные формы, социальные сети и миллениалы

Рецензия на книгу: Turco C. J. 2016. *The Conversational Firm: Rethinking Bureaucracy in the Age of Social Media*. New York: Columbia University Press. 253 p.

АСАТУРЯН Дарья Михайловна — помощник ректора, аспирантка аспирантской школы по социологическим наукам НИУ ВШЭ, стажёр-исследователь Лаборатории экономико-социологических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: dasaturyan@hse.ru

В последние годы мы активно наблюдаем, как стартапы Кремниевой долины становятся ведущими корпорациями мира. Они транслируют отказ от привычного контроля за деятельностью сотрудников, не следят за тем, во сколько те приходят на работу или во что они одеты, делегируют права принятия решений работникам и внимательно относятся к их мнению. Но что же происходит за закрытыми дверями этих, казалось бы, постмодернистских компаний, пропагандирующих подобную открытость и отказ от иерархии и бюрократических правил? Как и кем осуществляется контроль? Книга Кэтрин Турко (2016) приоткрывает завесу тайн и показывает, как в реальности устроены корпоративная коммуникация, культура и контроль в компании, управляемой миллениалами, взрослеющими вместе с социальными сетями. Проведённое этнографическое исследование позволило автору книги подробно описать, как выстраивается новая организационная форма — «разговорная фирма» (*conversational firm*), где кросс-иерархичная коммуникация является центральным механизмом для решения бизнес-задач. При этом важным выводом К. Турко становится то, что в подобных фирмах отказ от иерархии в коммуникации не ведёт к созданию «горизонтальной» организации. Некоторые бюрократические практики неизменно адаптируются даже предельно «открытыми» и «прозрачными» компаниями. Во многом это становится возможным благодаря тому, что сотрудники-миллениалы сами отказываются от части делегируемых им прав, понимая, что стабильная централизованная система принятия решений лишь поддержит свободное использование ими права голоса.

Ключевые слова: бюрократия; социальные сети; иерархия; разговорная фирма; миллениалы; корпоративная культура.

Введение

Книга Кэтрин Турко, которую В. Зелизер назвала «одной из самых ярких молодых звёзд социологии»¹, основанная на этнографическом исследовании организационной структуры успешной американской компании по маркетингу в социальных сетях (*social media marketing company*), вышла в 2016 г. — в год, когда глобальная роль социальных сетей, кажется, стала очевидной для всех (выборы 45-го президента США), а Facebook пре-

¹ См. <http://cup.columbia.edu/book/the-conversational-firm/9780231178983>

вратился в четвёртый по стоимости бренд в мире (для сравнения: 10-е место в 2015 г., 18-е место в 2014 г.)².

Во время 10-месячного включённого наблюдения в течение 2013 г. Турко поучаствовала в сотнях встреч и взяла почти 100 интервью и 76 повторных интервью у сотрудников TechCo (название компании условно; реальное название в книге изменено) — стартапа из Кремниевой долины, пытаюсь ответить на вопрос, как устроена компания, пропагандирующая отказ от иерархии, радикальную открытость и прозрачность в эпоху социальных сетей и Web 2.0.

Один из главных лозунгов основателей TechCo: «Никакой иерархии» («No hierarchy»). Получилось ли у них реализовать его? Скорее, нет. Однако причина кроется совсем не в ложном желании исполнительных директоров, тяготеющих на самом деле к бюрократическому господству. Оказалось, что механизмы изменения организационной формы намного сложнее: иерархия не низвергается, несмотря на желание основателей компании, не заменяется принципиально иной формой организации. Конвенциональные черты веберовской бюрократии (например, централизованная структура принятия решений) сосуществуют с радикальной открытостью и отсутствием иерархии в коммуникации — гарантией свободы слова всех сотрудников.

Турко переосмысливает традиционную бюрократию в новых условиях — в эру социальных сетей и медиа, и делает это, давая надежду, что приоткрыть ту самую «железную клетку» всё же можно, достаточно посмотреть на привычные вещи под новым углом зрения. Автор вводит понятие «разговорной фирмы» — организационной формы, которая появляется в результате трёх параллельных процессов: экспансивного развития коммуникационных технологий, выхода на рынок труда миллениалов, взрослых вместе с социальными сетями, и деконструирования компаниями привычной организационной иерархии.

TechCo — компания по маркетингу в социальных сетях, предлагающая специальное программное обеспечение и услуги, которые помогают бизнесу продвигать себя онлайн. Её основатели имеют чёткую установку, полагая, что путём радикального изменения способа коммуникации и самой коммуникации как таковой социальные сети преобразовали весь рынок в целом. Если раньше в случае неудовлетворённости качеством товара покупатели звонили или писали письма в отдел по работе с клиентами, то сейчас им достаточно опубликовать пост в социальных сетях, где его увидят сотни или даже тысячи человек. Однако, по мнению основателей TechCo, подобная «революция» в социальных медиа, повлёкшая за собой открытость коммуникации, должна происходить не только вовне, но и внутри компании. Руководители TechCo призывают: «Говоря и ведя себя так, как это делают сами люди на разных онлайн-платформах, фирмы станут более открытыми, станут гуманистическими институциями (*human institutions*), а не безликими бюрократиями» (р. 17). Благодаря социальным сетям потребитель больше не разговаривает с обезличенной компанией, он обращается к ней как к своему другу в Facebook. TechCo, в свою очередь, отказывается от иерархии коммуникации как вовне, так и внутри своей организационной системы.

Быть «разговорной фирмой» означает не только использование многочисленных и разнородных каналов коммуникации (в случае TechCo: чаты, платформа wiki, большие открытые встречи для всех сотрудников или, наоборот, индивидуальные беседы) для решения внутренних и внешних вызовов. Недостаточно всего лишь освоить корпоративную платформу для общения или отказаться от привычных офисов в пользу пространств открытого типа (*open space*) с бесплатной едой и напитками, чтобы стать открытой во всех смыслах компанией. Книга Турко показывает, что существование подобной уникальной организационной формы подразумевает наличие корпоративных лидеров, которые понимают важ-

² См. <https://www.forbes.ru/rating-photogallery/319907-samy-e-dorogie-brendy-mira-2015-reiting-forbes>

ность диалога и действительно готовы делегировать право голоса сотрудникам и слышать их мнение в ответ. В попытках ответить на вопрос о том, как революция социальных сетей (*social media revolution*) повлияла на общепринятую бюрократическую форму организации, автор книги вступает в полемику как с М. Вебером, чей подход к определению власти внутри организации отрицает возможность открытой, свободной коммуникации, так и с теми, кто верит в наступление новой, постбюрократической эпохи (например: [Heckscher, Donnelon 1994; Fulk, DeSanctis 1995] и др.). Турко, вслед за Э. Цукерманом и Р. Фриландом, делает акцент на нетождественности и необязательной взаимозависимости двух видов прав внутри организации — права голоса и права принятия решений [Zuckerman 2010; Freeland, Zuckerman 2018]. Так, отказ от иерархии внутри коммуникационной системы и её сохранение в системе управления становятся ключевой характеристикой разговорной фирмы.

Классическое этнографическое исследование организации, включающее проведение интервью, наблюдение за сотрудниками во время работы, участие в открытых встречах и совещаниях, а также неформальное общение в зонах отдыха и на корпоративных мероприятиях, Турко сочетает с цифровой этнографией (*digital ethnography*) — анализом публикаций сотрудников и руководителей в групповых чатах и корпоративной платформе. Чтобы получить максимально репрезентативную выборку, автор, в том числе, случайным образом отбирала будущих информантов из списка всех работников TechCo. К. Турко проводила в «поле» четыре дня в неделю на протяжении почти 10 месяцев. Итоговым эмпирическим материалом, на основе которого осуществлялся дальнейший анализ, стали 1684 страницы заметок и 350 страниц аналитических мемо, подготовленных за время исследования. В одной из рецензий на книгу по праву отмечается, что Кэтрин Турко смогла сосредоточиться на всех сегментах сотрудников — руководителях, менеджерах, рядовых работниках, что редко удаётся во время глубокого этнографического исследования [Deller 2017].

Сама книга построена следующим образом: вначале автор знакомит читателей со взглядами руководителей и сотрудников TechCo на то, как в компании преодолеваются типичные черты бюрократии; далее показывается, как устроена организация, отказывающаяся от иерархического контроля за коммуникацией, и что происходит, когда осуществляются попытки низвергнуть бюрократические формы контроля. Помимо этого, Турко уделяет внимание вопросам переосмысления корпоративной культуры и свободы слова работников «вовне» в эпоху социальных медиа, а также реформатированию самого физического пространства офиса с учетом идеологии открытости компании. Заканчивается книга обсуждением того, что модель «разговорной фирмы» может дать прошлым и будущим теориям организации, а также роли корпоративных лидеров в существовании подобной организационной формы.

Традиционная фирма vs разговорная фирма

Традиционная веберовская бюрократия подразумевает служебную иерархию и подчинение работников «строгой единообразной служебной дисциплине и контролю» [Вебер 2016: 259]. Разговорная фирма, в свою очередь, отказывается от иерархичного выстраивания отношений и надзора. Автор рецензируемой книги отмечает, что руководители TechCo разрушают привычный порядок традиционной организации путем адаптации двух практик — (1) «радикальной прозрачности» и (2) поощрения работников делиться информацией, своими идеями и мнением с руководителями и коллегами (р. 30). Радикальная прозрачность реализуется в немыслимой для большинства высшего менеджмента логике: основатели TechCo делятся детальной и полной, зачастую конфиденциальной, информацией о ведении бизнеса со своими работниками. Используя специальную внутреннюю онлайн-платформу для общения (wiki), которая выступает ещё одним механизмом деконструирования иерархии и вертикали власти, лидеры компании открыто публикуют для работников данные обо всех финансовых операциях компании, в том числе формулы и инструкции для подсчёта стоимости акций самих сотрудников при разных предполагаемых оценках стоимости компании, и многое другое. Интересно, что исследователи

организаций в основном используют понятие «прозрачность», апеллируя к способности менеджеров без проблем наблюдать за поведением и успехами работников на более «низких» уровнях (*low-level activities*) (см., например: [Bernstein 2012]). В случае стартапов из Кремниевой долины прозрачность — это характеристика деятельности высшего менеджмента. Как говорит один из основателей TechCo, «самые глупые решения принимаются за закрытыми дверями. Если мы принимаем решения в wiki, где все могут их видеть, мы с меньшей вероятностью сделаем что-то невероятно глупое» (р. 33). Ответом на такую открытость со стороны руководства выступает доверие работников, которые чувствуют, что их «воспринимают как “взрослых”» (р. 39).

Однако есть и обратная сторона тотальной открытости и прозрачности. Так, во время интервью и включённого наблюдения автору стало ясно, что некоторые последствия отказа от конвенциональных, бюрократических практик кажутся работникам неудобными и излишними. Например, в погоне за своим девизом «No hierarchy» лидеры TechCo отказываются от организационных чатов руководителей компании (*org chat*) или открытия HR-отдела, которые, по словам работников, сильно облегчили бы функционирование компании, выросшей до масштаба более чем в 600 сотрудников. Ещё одним последствием стремления к «горизонтальному» устройству компании и создания отношений с работниками по принципу открытости стало неумение руководителей говорить «нет» неудачным проектам и предложениям. При этом для самих работников критика или отказ — не показатель неуважения или выстраивания вертикали власти, а закономерный рабочий процесс. Они отмечают, что иногда им кажется, что принцип «прозрачность ради прозрачности» (р. 45) побеждает рациональность. Однако ключевым преимуществом разговорной фирмы становится то, что возникающие недопонимания и противоречия проговариваются и нивелируются в процессе диалога между работниками и руководителями. Так, например, произошло с созданием HR-отдела: несмотря на то что руководители TechCo были против создания этого «бюрократического аппарата», механизмы «разговорной фирмы» сработали против них. Сотрудники использовали своё право голоса на организационных встречах, платформе wiki и во время ежеквартального опроса, объясняя важность стандартизации таких параметров и процессов, как оценка эффективности труда, продвижение внутри фирмы, уход в декретный отпуск и многое другое, для выросшей в разы компании. Интересно, что такой слом привычных иерархических коммуникативных практик, высокий уровень доверия и кооперации внутри фирмы на практике ведут в том числе к экономическому успеху компании (см., например: [Andrews 2010]). На российских данных о предприятиях, далёких по своей сути от стартапов Кремниевой долины, также подтверждается мысль о том, что внимательное отношение руководителей к мнению и недовольствам работников, а также привлечение их к выработке решений, положительно влияют как на выживание фирмы во время кризиса, так и на её экономическое развитие после него [Asaturian, Kosals 2021].

Миллениалы — надежда иерархии?

Боясь навредить сложившейся среде открытой и безопасной коммуникации, основатели TechCo стараются воздерживаться от осуществления излишнего контроля за деятельностью и экспериментами сотрудников, минимизируя свою автономность в принятии решений, в то время как сами сотрудники не раз «призывали к большему иерархическому контролю» (р. 68). В интервью с автором книги работники отмечают, что быть услышанными — это одно, а не получать ясных и чётких указаний — совсем другое. Некоторые информанты даже отмечали: «Честно, я не думаю, что кто-то здесь хочет “плоскую” (*flat*) компанию» (р. 42); «Этот принцип “Никакой иерархии” просто выводит меня из себя» (р. 68).

Подобные наблюдения автора могут показаться контринтуитивными и поразительными, особенно в контексте экономической социологии, одной из центральных тем для классиков которой всегда была проблема отчуждающей природы иерархического контроля: «отчуждение труда» К. Маркса, «возрастающая в процессе разделения труда аномия» Э. Дюркгейма или «железная клетка» М. Вебера, запира-

ющая индивида в бюрократической системе. Начиная с работ Вебера и в последующих исследованиях организаций одним из главных допущений была неразрывная связь между элементами бюрократии: форма коммуникации внутри организации тождественна форме власти и управления. Формальное общение всегда подразумевает формальное и иерархичное принятие решений, и наоборот. Погружаясь в самую природу бюрократии, Турко вслед за Р. Фриландом и Э. Цукерманом [Freeland, Zuckerman 2018] отмечает, что коммуникационная структура не тождественна структуре принятия решений, а в разговорной фирме и вовсе отделена от неё. Так, работники TechCo имеют всеобъемлющее право голоса, который точно будет услышан, однако власть недиффузно распределена внутри компании, несмотря на интенции руководителей отказаться от централизованной системы управления. По мнению автора книги, «руководители дали работникам возможность делиться своими идеями, а теперь, кажется, пытаются делегировать право принятия решений, чтобы работать с этими идеями» (р. 65). Однако многим работникам это право не нужно, им достаточно иметь доступ к информации, возможность высказать своё мнение и быть услышанными.

Попытки построить постбюрократическую фирму (например, Oticon) на практике реализуются по принципу делегирования, эксплицитно или имплицитно, обоих видов прав. Разговорная фирма, в свою очередь, не подразумевает, что разрушение иерархического контроля коммуникации должно привести к низвержению иерархической структуры принятия решений. Такое кажущееся противоречие на самом деле согласуется с идеями о том, что «фирма по своей сути иерархична» [Freeland, Zuckerman 2018: 148]. Власть в принятии решений, которую имеют, например, менеджеры на более низких уровнях, всегда неформальна (то есть отчуждаема) и делегируется сверху вниз. Как отмечают Г. Бейкер и его коллеги, «мы можем наблюдать, что все права принятия решения одалживаются подчинённым, а не принадлежат им» [Baker, Gibbons, Murphy 1999: 56]. Таким образом, несмотря на интенции многих компаний окончательно отказаться от иерархичной структуры, на практике это реализовать почти не удается. Цукерман объясняет это тем, что «все формальные организации разделяют некоторые иерархические особенности» [Zuckerman 2010: 290], и эта их характеристика — одна из ключевых.

Ещё одним важным открытием Турко становится то, что немаловажную роль в сопротивлении горизонтальному устройству фирмы, как ни странно, играют работники-миллениалы, составляющие основу компании. К примеру, 35-летняя на момент проведения исследования Турко упоминает, что она была «одной из самых взрослых женщин в компании» (р. 197). К. Мангейм отмечал, что «быть современниками значит подвергаться одинаковым влияниям, а не просто проживать в том же хронологическом периоде» [Мангейм 2000: 15]. Вероятно, одним из важнейших подобных влияний для миллениалов стало взросление в эпоху бурного развития Интернета и социальных сетей. Став первым «цифровым поколением» (*digital natives*), миллениалы буквально росли вместе с социальными сетями, которые давали им право голоса и площадку для неформального общения и транслирования своего мнения. Как отмечают сами работники TechCo, технологии, которыми они пользуются внутри компании (например, платформа wiki или чат HipChat), и те технологии, которые продаёт компания, сильно похожи на мессенджеры, социальные сети и медиа, используемые ими с детства.

В работе миллениалы больше всего хотят иметь право голоса, доступ к информации и обсуждению принимаемых решений. Как отмечает автор рецензируемой книги в своём интервью, «на самом деле я думаю, это то, чего хотим почти все мы <...> Они [миллениалы] выросли на инструментах и платформах социальных сетей, которые давали им больше голоса и доступа к информации, чем это было у предыдущих поколений, и в результате они просто привыкли ожидать этого» [Baskin 2016]. Однако эти же миллениалы, буквально взывая о помощи, говорят во время интервью Турко: «Нам нужна структура!» (р. 71) или: «В идеале я хочу, чтобы решение спускалось сверху вниз, но при этом обратная связь поощрялась и собиралась внутри всей цепочки» (р. 70). Вероятно, одним из объяснений такого рода стремления к иерархии, казалось бы, отказывающегося от неё поколения является влияние «интен-

сивного родительства», которое часто рассматривают в контексте более широкого неолиберального проекта [Henwood, Shirani, Coltart 2010]. Миллениалы с детства привыкли к чётко структурированной повседневности, к составленным родителями расписаниям и заранее определённым направлениям развития — как личностного, так и профессионального [Warner 2006; Friedman 2013]. Эта специфика сильно перекликается с выводами В. Радаева, который отмечает, что молодым взрослым сложно протраивать свои планы на будущее, «при отсутствии внешних опор и слабости опор внутренних они часто оказываются без поддержки и более подвержены неопределённости и аномии — почти неизбежно возникают дополнительные риски дезориентации, потери смысла» [Радаев 2019: 178]. С одной стороны, работники-миллениалы из среднего класса воспитывались в эпоху открытой коммуникации и права голоса, а с другой — в условиях интенсивного, высокоструктурированного родительства. Как следствие, централизованное принятие решений для них гармонично сочетается с разрушением иерархии в коммуникации.

Ещё одним объяснением происходящего, по мнению автора рецензируемой книги, являются особенности метафор, на которые ориентируются работники, выходя на рынок труда. Если в 1990-х западные постбюрократические компании строились на метафорах горизонтального общения, сетей и распределённой власти, то современные фирмы, похожие на TechCo, организуют свою культуру вокруг метафоры, порождённой социальными сетями. Главным становится возможность иметь платформу для выражения своего голоса, мнения, идей. И именно этот голос используют работники-миллениалы, чтобы высказать опасение или несогласие с делегированием руководителями определенных прав принятия решений более широкому кругу людей.

Новый режим контроля: управление культурой, а не иерархией

Если руководители компании отказываются от строгой иерархии, вертикали власти и дают полную свободу слова своим работникам, то как поддерживается организационное единство и осуществляется контроль? Важным сюжетом для Турко становится роль корпоративной культуры как подобного механизма. Вместо во всех подробностях продуманного бюрократического контроля руководители «открытой» компании адаптируют политику, направленную на расширение свобод сотрудников в принятии решений по поводу своей трудовой деятельности, режима рабочего дня и многого другого. Эта политика называется «руководствуйся здравым смыслом» (*use good judgment*) и призвана делегировать часть принимаемых решений работникам. Изначально этот принцип применялся для использования общественных благ, предоставляемых компанией: для неограниченного открытого доступа к бесплатным еде, пиву и общим зонам отдыха. По мере развития компании данная установка стала применяться ко всё более обширному набору практик и представлять собой «общий подход компании к управлению» (р. 75). Например, как таковой контроль за рабочим временем не осуществлялся; основатели TechCo понимали, что миллениалы требуют гибкого графика и постоянной включённости в коммуникацию и социальные сети, поэтому единственным их напутствием было «руководствуйтесь здравым смыслом». Однако и этот, казалось бы, донельзя либеральный принцип порождал неравенство из-за отсутствия универсальной интерпретации этого самого «здорового смысла». Работники снова взывали к более чётким указаниям.

Иметь право свободно высказывать своё мнение внутри компании — это одно, но что происходит с контролем того, о чём говорят работники за её пределами? Этот вопрос встаёт особенно остро в эпоху социальных сетей и медиа. Как отмечает один из сотрудников TechCo, «из-за того, как работают социальные сети, теперь я не просто ‘Брайан Кэссиди’; я ‘Брайан Кэссиди из TechCo’» (р. 97). Цукерман отмечает, что формальные организации всегда концентрируют на вершине иерархии право говорить от имени организации и строго его контролируют [Zuckerman 2010]. Однако пример TechCo показывает, что никакого строгого контроля со стороны руководителей за тем, что работники транслируют вовне,

не осуществляется. Так как же возможно существование формальной организации с единой системой ценностей, разделяемыми всеми конвенциями, но при этом не тонущей в сотнях голосов? В эпоху социальных сетей открытые, разговаривающие компании могут позволить себе отказаться от иерархии коммуникации, ослабить контроль за правом голоса работников вовне, лишь напоминая им «руководствоваться здравым смыслом». Вероятно, это становится возможным потому, что, с одной стороны, компании всё ещё сохраняют за собой ключевое право уволить работника [Freeland, Zuckerman 2018] за некорректные суждения (пример Майи Форстейтер³). С другой стороны, как гласит распространённое высказывание «Интернет помнит всё», его «прозрачность» немедленно наказывает тебя за неверное высказывание или проступок, порождая самоцензуру. Делают это и сами сотрудники, морализируя общение внутри корпоративных платформ: достаточно поставить дизлайк публикации или комментарий своего коллеги, чтобы активировать контроль корпоративной культуры. Как следствие, руководителям компаний больше необязательно прибегать к микроменеджменту и традиционному контролю, работники сами занимаются самоцензурой из-за переплетения личного и корпоративного «Я». Корпоративная культура, а не строгий контроль теперь является главным сдерживающим механизмом [Kotter, Heskett 2011].

Однако не стоит забывать, что, несмотря на гуманизацию многих компаний и их репрезентацию себя как «живого» рыночного актора, общающегося со своими клиентами с помощью социальных сетей и прочих платформ, основная цель деятельности любой коммерческой организации — извлечение прибыли. Корпоративная культура становится важным механизмом для достижения этой цели, повышая производительность труда сотрудников и снижая транзакционные издержки на контроль за их деятельностью. Подобные TechCo компании, отличающиеся открытой, дружелюбной, неформальной атмосферой и сильной ролью особой корпоративной культуры, меньше нуждаются в тщательном надзоре за сотрудниками, не говоря уже о формальных правилах, процедурах и контроле [Nickels, McNHugh, McNHugh 2011]. На примере TechCo мы видим, что самоконтроль, порождённый тотальной открытостью, не только присущ поведению работников в социальных сетях, но и принят внутри самой компании. Да, сотрудники могут самостоятельно управлять своим рабочим временем — приходить на работу позже, уходить раньше или работать из дома, однако, согласно наблюдениям, большинство из них всё также работают в пределах привычного рабочего графика. Немалую роль в этом, конечно, играют офисы с открытым пространством, с одной стороны, они представляют собой яркий протест против иерархии (в TechCo отдельных кабинетов нет даже у основателей и руководителей компании), а с другой стороны — это своеобразный паноптикум, который не даёт сотрудникам забыть, что они всегда находятся на виду.

Корпоративная культура для подобных компаний становится не только механизмом контроля за поведением работников как внутри организации, так и в публичном пространстве, но и механизмом рекрутинга. Например, основатели TechCo вслед за Netflix опубликовали документ о своей корпоративной культуре в том числе для того, чтобы изначально привлекать потенциальных работников, разделяющих принципы корпоративной культуры, а следовательно, не нуждающихся в особом контроле. Сотрудниками, ценности которых соответствуют ценностям организации, легче управлять, и теперь это делается «культурой вместо иерархии» (р. 109).

Заключение

Кэтрин Турко отмечает важную для исследователей организаций дуальность: разговорные компании чётко разграничивают делегирование работникам права голоса и права принятия решений; при этом от права принятия решений сотрудники-миллениалы часто отказываются сами. В итоге компания, которая так громко заявляла об отказе от традиционной бюрократии, со временем логичным и законо-

³ См.: [Drake 2019].

мерным образом всё же принимает некоторые бюрократические практики, в том числе потому, что этого требуют сами сотрудники. По ходу книги автор не раз отмечает принципиальную для понимания вещь: адаптация бюрократических методов внутри компании не тождественна принятию традиционной бюрократической модели организации (р. 139), ведь последняя не подразумевает подобного слома иерархии в коммуникации.

В своей книге Турко, помимо прочего, затрагивает два важных обстоятельства — роль корпоративной культуры в компаниях, пытающихся преодолеть иерархический контроль, и особенность сотрудников-миллениалов, к этому контролю взывающих. Если некоторые попытки объяснить, почему свободное, «непоротое» поколение тяготеет к иерархии в принятии решений и спусканию заданий и рекомендаций «сверху», Турко всё же предпринимает, то теме корпоративной культуры как механизма контроля уделяется меньше внимания. Возможно, это происходит вследствие сильного сближения исследователя с «полем». При этом, как кажется, смена бюрократического контроля на новый, культурный, требует не меньшего внимания и анализа, чем отказ от иерархии как таковой. Социальные сети не только обеспечили свободу коммуникации и слова, но и стёрли границы между приватным и корпоративным «Я». Самоцензура, порождённая корпоративной культурой и «прозрачностью» индивида в Интернете, становится не менее, а, возможно, и более, тотальным инструментом, чем бюрократический контроль. Вероятно, в ближайшее время нас ждёт целая серия исследований, посвящённых этой теме.

В заключение хочется отдельно отметить методологическое приложение книги, где Кэтрин Турко подробно описывает «исследовательскую кухню», рассказывая об этнографическом методе, входе в поле, этических дилеммах, личных переживаниях, принятии решения о выходе из поля и дальнейшем анализе данных. Помимо описания методологии, особого внимания достойны разделы, по сути, являющиеся автоэтнографией самого этнографа, которые позволяют лучше понять рефлексивность автора об эффекте исследователя и интроспекцию её личных чувств, эмоций и переживаний. Книга получила не одну хвалебную рецензию. Так, отмечается, что Турко удаётся априори не критиковать или одобрять открытость изучаемой компании, не давать читателю оценочных суждений, а, скорее, быть «движимой искренним любопытством» [Raviola 2017: 1646]. Эту позицию поддерживает и другой рецензент, говоря о том, что автор осталась «верной своему эмпирическому предмету, одновременно задавая ему критические и сложные вопросы» [Otto 2019: 3].

Литература

- Вебер М. 2016. *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии*. Социология. Пер. с нем. под ред. Л. Г. Ионина. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Мангейм К. 2000. Очерки социологии знания: проблема поколений—состязательность—экономические амбиции. М.: ИНИОН РАН.
- Радаев В. В. 2019. Миллениалы. Как меняется российское общество. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Andrews R. 2010. Organizational Social Capital, Structure and Performance. *Human Relations*. 63 (5): 583–608.
- Asaturian D., Kosals L. 2021 (Forthcoming). Does Social Capital Help Organisations Get Through Unsettled Times? The Case of the Russian Manufacturing Enterprises.
- Baker G., Gibbons R., Murphy K. J. 1999. Informal Authority in Organizations. *Journal of Law, Economics, and Organization*. 15 (1): 56–73.

- Bernstein E. S. 2012. The Transparency Paradox: A Role for Privacy in Organizational Learning and Operational Control. *Administrative Science Quarterly*. 57 (2): 181–216.
- Baskin K. 2016. *A Look Inside a “Conversational Firm”*. URL: <https://mitsloan.mit.edu/ideas-made-to-matter/a-look-inside-a-conversational-firm>
- Deller R. 2017. *Book Review: The Conversational Firm: Rethinking Bureaucracy in the Age of Social Media by Catherine J. Turco*. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/lsereviewofbooks/2017/02/28/book-review-the-conversational-firm-rethinking-bureaucracy-in-the-age-of-social-media-by-catherine-j-turco/>
- Drake M. 2019. Researcher Who Lost Job for Tweeting ‘Men Cannot Change into Women’ Loses Employment Tribunal. *Independent*. URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/home-news/maya-forstater-transgender-test-case-equalities-act-employment-tribunal-a9253211.html>
- Freeland R. F., Zuckerman E. W. 2018. The Problems and Promise of Hierarchy: Voice Rights and the Firm. *Sociological Science*. 5: 143–181.
- Friedman H. L. 2013. *Playing to Win: Raising Children in a Competitive Culture*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press.
- Fulk J., DeSanctis G. 1995. Electronic Communication and Changing Organizational Forms. *Organization Science*. 6 (4): 337–349.
- Heckscher C., Donnellon A. 1994. *The Post-Bureaucratic Organization: New Perspectives on Organizational Change*. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Henwood K., Shirani F., Coltart C. 2010. Fathers and Financial Risk-Taking During the Economic Downturn: Insights from a QLL Study of Men’s Identities-in-the-Making. *21st Century Society*. 5 (2): 137–147.
- Kotter J. P., Heskett J. L. 2011. *Corporate Culture and Performance*. New York: The Free Press.
- Nickels G., McHugh J. M., McHugh S. M. 2011. *Understanding Business*. 9th ed. New York: Irwin; McGraw-Hill.
- Otto B. D. 2019. Book Review: The Conversational Firm: Rethinking Bureaucracy in the Age of Social Media. *Organization*. June. doi:10.1177/1350508419855721.
- Raviola E. 2017. Book Review: The Conversational Firm: Rethinking Bureaucracy in the Age of Social Media. *Organization Studies*. 38 (11): 1645–1647.
- Warner J. 2006. *Perfect Madness: Motherhood in the Age of Anxiety*. London: Penguin.
- Zuckerman E. A. 2010. Speaking With One Voice: A “Stanford School” Approach to Organizational Hierarchy. In: Schoonhoven C. B., Dobbin F. (eds) *Research in the Sociology of Organizations*. Bingley: Emerald Group Publishing; 289–307.

NEW BOOKS

Daria Asaturian

The End of Bureaucracy?

New Organizational Forms, Social Media, and Millennials

Book Review: Turco C. J. (2016) *The Conversational Firm: Rethinking Bureaucracy in the Age of Social Media*. New York: Columbia University Press. 253 p.

ASATURIAN, Daria — Rector's Assistant; Doctoral Student, Doctoral School of Sociology; Research Assistant, Laboratory for Studies in Economic Sociology, HSE University. Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation.

Email: dasaturyan@hse.ru

Abstract

In recent years, Silicon Valley startups have become some of the most successful corporations in the world. They advance the abandonment of bureaucratic control of employees, for example, they do not keep track of what time employees come to work or what they are wearing, and instead delegate decision-making rights to employees and are attentive to their opinions. But what happens behind the closed doors of those companies promoting such openness and the overthrow of the hierarchy and bureaucratic rules? How and by whom are they controlled? The book by Catherine J. Turco (2016) shows how corporate communication, culture, and control actually work in a company run by millennials

reared on social media. During her ethnographic research, Turco describes how a new organizational form she calls a “conversational firm” has arisen and succeeded in solving business problems due to cross-hierarchical communication. One of Turco’s main findings is that subverting the hierarchical control of communication does not mean the hierarchical structure of decision making must fall as well. Thus, employees may prefer some bureaucratic practices and insist on them.

Keywords: bureaucracy; social media; hierarchy; conversational firm; millennials; corporate culture.

References

- Andrews R. (2010) Organizational Social Capital, Structure and Performance. *Human Relations*, vol. 63, no 5, pp. 583-608.
- Asaturian D., Kosals L. (2021. Forthcoming) Does Social Capital Help Organisations Get Through Unsettled Times? The Case of the Russian Manufacturing Enterprises.
- Baker G., Gibbons R., Murphy K. J. (1999) Informal Authority in Organizations. *Journal of Law, Economics, and Organization*, vol. 15, no 1, pp. 56–73.
- Baskin K. (2016) *A Look Inside a “Conversational Firm”*. Available at: <https://mitsloan.mit.edu/ideas-made-to-matter/a-look-inside-a-conversational-firm> (accessed 17 May 2021).
- Bernstein E. S. (2012) The Transparency Paradox: A Role for Privacy in Organizational Learning and Operational Control. *Administrative Science Quarterly*, vol. 57, no 2, pp. 181–216.

- Deller R. (2017) Book Review: The Conversational Firm: Rethinking Bureaucracy in the Age of Social Media by Catherine J. Turco. Available at: <https://blogs.lse.ac.uk/lsereviewofbooks/2017/02/28/book-review-the-conversational-firm-rethinking-bureaucracy-in-the-age-of-social-media-by-catherine-j-turco/> (accessed 1 March 2021).
- Drake M. 2019. Researcher Who Lost Job for Tweeting ‘Men Cannot Change into Women’ Loses Employment Tribunal. *Independent*. Available at: <https://www.independent.co.uk/news/uk/home-news/maya-forstater-transgender-test-case-equalities-act-employment-tribunal-a9253211.html> (accessed 17 May 2021).
- Freeland R. F., Zuckerman E. W. (2018) The Problems and Promise of Hierarchy: Voice Rights and the Firm. *Sociological Science*, vol. 5, pp. 143-181.
- Friedman H. L. (2013) *Playing to Win: Raising Children in a Competitive Culture*, Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press.
- Fulk J., DeSanctis G. (1995) Electronic Communication and Changing Organizational Forms. *Organization Science*, vol. 6, no 4, pp. 337-349.
- Heckscher C., Donnellon A. (1994) *The Post-Bureaucratic Organization: New Perspectives on Organizational Change*, Thousand Oaks, CA: Sage.
- Henwood K., Shirani F., Coltart C. (2010) Fathers and Financial Risk-Taking During the Economic Downturn: Insights from a QLL Study of Men’s Identities-in-the-Making. *21st Century Society*, vol. 5, no 2, pp. 137–147.
- Kotter J. P., Heskett J. L. (2011) *Corporate Culture and Performance*, New York: The Free Press.
- Mannheim K. (2000) *Ocherki sotsiologii znaniya: problema pokoleniy-sostyazatel'nost'-ekonomicheskie ambitsii* [Essays Sociology Knowledge], Moscow: Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Nickels G., McHugh J. M., McHugh S. M. (2011) *Understanding Business*, 9th ed, New York: Irwin, McGraw-Hill.
- Otto B. D. (2019) Book Review: The Conversational Firm: Rethinking Bureaucracy in the Age of Social Media. *Organization*. June. doi:10.1177/1350508419855721
- Radaev V. (2019) *Millenialy: kak menyaetsya rossiyskoe obshchestvo* [Millennials: How Russian Society is Changing], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Raviola E. (2017) Book Review: The Conversational Firm: Rethinking Bureaucracy in the Age of Social Media. *Organization Studies*, vol. 38, no 11, pp. 1645–1647.
- Warner J. (2006) *Perfect Madness: Motherhood in the Age of Anxiety*, London: Penguin.
- Weber M. (2016) *Khozyajstvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchey sotsiologii. Sotsiologiya* [Economy and Society: Sociology], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Zuckerman E. A. (2010) Speaking with One Voice: A “Stanford School” Approach to Organizational Hierarchy. *Research in the Sociology of Organizations* (eds. C. B. Schoonhoven, F. Dobbin), Bingley: Emerald Group Publishing, pp. 289–307.

Received: March 13, 2021

Citation: Asaturian D. (2021) Konets byurokratii? Novye organizatsionnye formy, sotsial'nye seti i millenialy [The End of Bureaucracy? New Organizational Forms, Social Media, and Millennials. Book Review: Turco C. J. 2016. *The Conversational Firm: Rethinking Bureaucracy in the Age of Social Media*. New York: Columbia University Press. 253 p.]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 22, no 3, pp. 158–169. doi: [10.17323/1726-3247-2021-3-158-169](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2021-3-158-169) (in Russian).

**Экономическая
социология**
Т. 22. № 3.
Май 2021

Электронный журнал
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Адрес редакции

101000, Россия,
г. Москва,
ул. Мясницкая,
д. 11, комн. 530
тел.: (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

**Journal of
Economic Sociology**
Vol. 22. No 3.
May 2021

Electronic journal
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Contacts

11 Myasnitskaya str., room
530
101000 Moscow,
Russian Federation
phone: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

Доступ к журналу

- Доступ ко всем номерам журнала — постоянный, свободный и бесплатный.
- Каждый номер содержится в едином файле (10–12 п. л. в PDF).
- Если хотите, чтобы Вас оповещали о выходе очередного номера, пожалуйста, заполните форму подписки: <https://www.hse.ru/expresspolls/poll/23725626.html>

Open Access Policy

- All issues of the Journal of Economic Sociology are always open and free access.
- Each entire issue is downloadable as a single PDF file.
- If you wish to receive notification when new issues are published, please fill out the following form: <https://www.hse.ru/expresspolls/poll/23725626.html>